

Поршнеv В. П.

Александрийский Музей от Птолемеев до Октавиана Августа

Валерий Поршнеv

**Александрийский Музей от
Птолемеев до Октавиана Августа**

«Издательство «Перо»

2022

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Поршнев В. П.

Александрийский Мусей от Птолемеев до Октавиана Августа /
В. П. Поршнев — «Издательство «Перо», 2022

ISBN 978-5-00204-781-9

Книга посвящена знаменитому храму Муз в Александрии, крупнейшему в античном мире центру науки, искусств и просвещения. Подробно прослеживается история Мусея от его основания при Птолемее I до римского завоевания Египта. Исследование предваряют экскурсии в историю предшествующих Александрийскому Мусею святилищ Муз при пифагорейских школах, при Академии Платона и Ликее Аристотеля-Феофраста в Афинах. Подробно рассказывается о выдающихся учёных, писателях и поэтах античных союзов служителей Муз. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00204-781-9

© Поршнев В. П., 2022
© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Введение	6
Часть I	44
Глава 1	44
1	44
2	47
3	57
4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Валерий П. Поршнеv
Александрийский Музей от
Птолемеев до Октавиана Августа

* * *

© Поршнеv В. П., 2022

Введение

Одной из главных достопримечательностей Александрии стало воздвигнутое в начале нынешнего тысячелетия здание Новой Библиотеки (New Alexandrian Library, Bibliotheca Alexandrina), похожее на огромный прозрачный кристалл, или, как утверждают путеводители, на морскую раковину, выброшенную на берег штормом. Рядом – большой шар башни планетария. На стене примыкающего к основному сооружению конференц-зала просматривается рельеф пирамиды – символ вечности Египта и процветавших на его земле культур. Весь этот комплекс, расположившийся у самого средиземноморского побережья, особенно привлекателен в яркой вечерней подсветке, вызывающей восторги у многочисленных туристов, прежде интересовавшихся только греко-римскими древностями города, христианскими святынями и мусульманскими мечетями.

Совсем по-другому воспринимается творение норвежского архитектора Кьетиля Торсена за плавным поворотом набережной, соединяющей исторический центр и фешенебельный квартал Эль Шатби, когда-то знаменитый своим казино, или со стороны параллельной ей автостреды. Здесь вас встречают массивные объемы из бетона и серого гранита, отражающиеся в открытых водоёмах, выпуклая гранитная стена, где на серой поверхности можно увидеть высеченные письмена всех времён и народов, от древних иероглифов до современных алфавитов. Между ней и конференц-залом, у парадного входа, возвышается статуя преемника египетских фараонов, царя из династии Птолемея, увенчанного двойной короной Верхнего и Нижнего Египта. Первоначально она считалась изображением Птолемея I Сотера, основателя античной Библиотеки, теперь же исследователи утверждают, что эта статуя, поднятая в конце XX века со дна бухты, изображает Птолемея XII, отца знаменитой Клеопатры VII.

Здание Библиотеки стоит на месте царских дворцов Птолемея, возле упоминавшегося Страбоном и ушедшего под воду мыса Лохиада, там, где в наше время проходит дамба, защищающая гавань. Немного дальше к западу, скорее всего – напротив также затонувшего о. Антирродос, более двух тысяч лет тому назад, при Птолемея I, были заложены древние здания Мусея и Библиотеки.

Преемственность с учреждениями Птолемея нарочито подчёркивается во всех рекламных изданиях и в официальных речах, произносимых 15 октября 2005 года. Когда, после более чем двадцати лет строительства, двери Библиотеки торжественно открыли для посетителей в присутствии «бессменного», как думали журналисты, лидера страны Хосни Мубарака и почти трёхсот высокопоставленных гостей, среди которых были президенты Франции, Германии и Италии, а также премьер-министр Японии. При этом совместное детище правительства Египта и ЮНЕСКО не ограничивается только постоянно растущими книжными собраниями. В большом комплексе зданий на набережной разместились планетарий с новейшей аппаратурой, позволяющей не только любоваться звездным небом, но ещё и воспроизводить взрывы сверхновых звёзд, или само рождение Вселенной, конференц-зал, театр и концертный зал, естественно-научный музей, археологический музей, пополняемый исключительно за счёт ведущихся в городе раскопок, музей каллиграфии, музей манускриптов, международная школа информатики, реставрационные мастерские, выставочные залы. Таким образом, в Египте фактически возродился весь когда-то созданный Птолемеями Александрийский Мусей, лишь одной, хотя и важнейшей составляющей которого была античная Библиотека. Понятно, что в современном мире, тем более в стране с населением, в большинстве своём исповедующим ислам, не может быть копии языческого святилища Муз, со жречеством и богослужениями. Тем не менее, событие, совершившееся в октябре 2005 года, и особенно последующее развитие Новой Библиотеки, непрерывно комплектующейся новыми книгами и коллекциями, а также возможное появление в будущем подобных центров культуры и образования по всему миру под эгидой

ЮНЕСКО, побуждают нас вновь обратиться к прошлому. К тому прошлому, когда в птолемеевской, а затем и в римской Александрии, на протяжении более шести веков, Мусей объединял учёных и писателей, творивших и преподававших в его залах, собиравших коллекции, издававших и комментировавших книги, изобретавших всевозможные технические новшества, практиковавших медицину и изучавших небесные явления.

Интерес к античному культу Муз и к античным Мусеям прослеживается с самого начала Возрождения, когда Боккаччо в «Генеалогии языческих богов» подробно рассказал читателям «...кто такие Музы, сколько их, какие они носят имена и что через них подразумевали знаменитые люди» (Перевод В. В. Библихина)¹. В XV столетии от Р. Х. гуманисты Италии уже ввели в европейские языки позаимствованную из любимой ими классической латыни форму греческого Μουσείον (латинское Museum), употребляя это слово ещё не в нынешнем, но в исконном значении – храм Муз, культ которых они возрождали с поистине религиозным энтузиазмом. Особенно усердно проповедовал его Марсилио Фичино, чье мировоззрение причудливо сплавляло языческий неоплатонизм и христианский мистицизм. По словам А. Шастеля, он, подобно древним язычникам, мыслил природу (Космос) как вечный танец «...стихий, животных, растущих трав, – представляющий зрелище бесконечно разнообразного и дивно непрестанного движения. Это неотчетливое возбуждение становится постижимым для разума в строе небесных сфер, поэтому сущность вещей можно и должно описывать как чудесный танец, а символ его – вечная пляска Муз»².

Внешним выражением этого порыва явились не только произведения живописи, такие, как «Парнас» Андреа Мантеньи, где священную гору венчают фигуры обнявшихся богов, а у подножья горы Музы заводят свой хоровод. Или же фреска с танцующими вокруг Аполлона богинями, исполненная Джулио Романо. Но и символические святилища: капелла Муз (sacellum Musarum) во дворце герцогов Урбино, соседствующая с христианской капеллой Св. Духа; сады Муз в палаццо Медичи во Флоренции, или в папском Бельведере; вилла Паоло Джовио, епископа Ночерского, писателя, историка, географа, личного врача папы Климента VII, построенная на берегу озера Комо, украшенная статуями Муз, Аполлона, Минервы и Меркурия, впоследствии названная Museum Giovianum; наконец, вилла семьи Барбаро в Мазере, где Паоло Веронезе расписал образами Муз зал, создав своего рода новый Парнас. Причем, по мнению Е. П. Халдеевой, фигуры Муз не просто украшали зал, но олимпийские богини мыслились владельцами как полноправные обитатели дома: «...их обязанностью могло стать перенесение темы Гармонии мироздания в земное измерение, а точнее, её проекция на мир сельского поместья, для которого покровительство этих героинь являлось залогом разумного порядка, царившего во всех сферах загородного существования»³.

Древние места почитания Муз и Аполлона были известны гуманистам по тем стихотворным и прозаическим фрагментам, которые они могли почерпнуть, штудировав привезённые в Италию византийцами греческие рукописи. Через несколько десятилетий после того как Петрарка стал брать уроки греческого у перешедшего в католичество византийского интеллектуала Варлаама Калабрийского, а Боккаччо и канцлер Салютати последовательно пригласили во Флоренцию для переводов и преподавания учёных мужей Леонтия Пилата и Мануила Хрисолора⁴, греческий язык сделался для гуманистов столь же родным, как и латинский. И они прочи-

¹ Боккаччо Дж. Генеалогия языческих богов. Кн. XIV, гл. 20. Цит. по: Эстетика Ренессанса. Антология в 2-х т. Т. 1. – М., 1980. С. 59.

² Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времён Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. – М.,-СПб., 2001. С. 293.

³ Халдеева Е. П. Un nuovo Parnaso. Девять Муз в цикле фресок Паоло Веронезе на вилле Барбаро в Мазере // Миф в культуре Возрождения. – М., 2003. С. 161.

⁴ О начальном периоде освоения греческой литературы и мифологии во Флоренции и первых переводах античных авторов см.: Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. История. – 2007, № 2. С. 207–212.

тали, перевели, издали практически всё, доставшееся им через торговцев и беженцев из завоевываемой турками Византии, богатство древней словесности. Пиерия, Темпейская долина, Парнас, Геликон и другие священные долины и горы, хотя и не слишком удалённые от Италии, воспринимались совсем не как реально существующие местности в областях либо уже захваченных мусульманами, либо входящих в последние анклав империи Палеологов, но, скорее, как образы некоего идеального мира. Долина Муз в Беотии, у склона Геликона, была подробно описана Павсанием (*Paus.*, IX, 28–31), но предпочтительнее утомительного перечисления построек и статуй, украсивших её к III веку от Р. Х., а к XV веку уже давно разграбленных или покрытых слоем земли, оказались строки более часто читаемого Гесиода:

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
 На Геликоне они обитают высокою, священною.
 Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
 Жертвенник Зевса-царя и фиалково-тёмный источник.
 Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священного Ольмея,
 На геликонской вершине они хоровод заводили,
 Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.

(*Hesiod. Theog.*, 1–8. Перевод В. В. Вересаева).

Все эти святилища (включая и Мусей платоновской Академии в Афинах) находились в здоровой сельской или пригородной местности, куда можно было удалиться от городской грязи, шума и суеты, среди рощ и садов. Но, в отличие от культа исконно сельских богов, таких как Пан, почитанием Муз занимались не селяне, а поэты, музыканты и философы. Они устраивали в честь Муз состязания и посвящали им свои творения. Таким образом, природа и культура гармонично объединялись в одном служении. Эта особенность более всего вдохновляла флорентийских гуманистов XV столетия. Марсилио Фичино писал в 1480 году Лоренцо Медичи: «Блаженно человечество, если флейта сатурнического Пана согласится с кифарой Феба, царящего в городах и дары обоих божеств принесутся вместе ради нас... решили мы, если хотим быть блаженны, отложить, елико возможно, всё прочее, дабы вместе восславить Феба и Пана Сатурнического, то есть каждый день жертвовать Музам всё сельское и, в свой черед, сколь можно чаще приводить Муз из городского шума в Церерины поля и на Вакховы холмы»⁵.

Мусический культ, кроме того, объединял свободные искусства и философию, что также импонировало гуманистам с их благоговейным отношением к Платону, по которому философствовать означало творить на поприще Муз «ибо высочайшее из искусств – это философия» (*Plat. Phaed.*, 61a). Так, интерес к языческим святилищам сместился в сторону интереса к сообществам служителей Муз. Если Мантенья изобразил на Парнасе только фигуры богов, фреска Рафаэля «Парнас», украсившая папский дворец в Риме, показывает Муз и Аполлона вперемежку с заполнившими священную вершину древними и новыми поэтами. Древние называли такие собрания знаменитых мужей словом согОj (хор), подчеркивая нерасторжимую связь поэтического творчества (и философии) с мусическим культом.

Плутарх (*Plut. Quest. conviv.*, V, 678d) прямо сравнивал участников симпозиев в школе Платона с хором трагедии, где каждый из сотрапезников занимает своё определённое место и должен иметь возможность непосредственно обращаться к любому из остальных. Подобные симпозиы устраивались, со времён Платона, в Академии, в дни почитания Муз и Аполлона. К ним заранее готовились, подбирались темы для обсуждения, тщательно регулировалась численность беседующих, чтобы, как в театральном хоре, краспедит (стоящий позади) мог слы-

⁵ Цит. по: Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времён Лоренцо Великолепного... С. 229.

шать корифея (предстоятеля). Речи, ведущиеся на симпозиях, старательно записывались (Or. cit., I, 612e).

Спустя тысячелетие после гибели античной культуры византийские интеллектуалы, вдохновлённые общим почитанием Платона, стали объединяться в союзы, где, подобно древним академикам, они вели беседы, устраивали диспуты, приглашая певцов и музыкантов, обсуждали положения Платона и собственные сочинения. Любопытно, что для наименования таких союзов использовалось слово *θέατρον* (театр), а сообщество учеников Георгия Гемиста Плифона называли *χορός*⁶. И. П. Медведев перечисляет характерные черты таких кружков, указывая на универсализм, энциклопедизм, оппозицию монашескому мировоззрению исихастов, создание частных библиотек с налаженным книгообменом, на особую чувствительность к красоте памятников, произведений искусства, ландшафтов⁷. Потерпев на родине поражение в диспутах с исихастами, «театры» или «хоры» замкнулись в себе, просвещая современников в христианском духе, но, одновременно, разрабатывая эзотерическое учение для посвящённых, настоящую программу возрождения язычества в неоплатонической трактовке образов древних богов и богинь.

Прибывший в Италию вместе с другими священнослужителями для заключения унии между католиками и православными восьмидесятилетний старец Гемист Плифон привлёк к себе внимание Козимо Медичи и его друзей не защитой православной веры, а рассказами о древнем содружестве последователей Платона, собиравшихся для интеллектуальных бесед в саду Академии, где был священный участок Муз, а также жертвенники Прометею, Эроту, Афине, Гераклу (*Paus.*, I, 30, 1–2), где росла олива, посаженной от священного дерева Афины на Акрополе (Or. cit., I, 30, 2–4), а благочестивый настрой создавало пение цикад (*Diog. Laert.*, III, 1, 7), посредников в общении верующих с Музами (*Plat. Phaedr.*, 259c).

Через двадцать лет итальянцы попытались осуществить возрождение платоновской Академии, каковое свершилось в 1459 году, незадолго до кончины Козимо Медичи. Появляется, по характеристике А. Ф. Лосева: «...вольное общество людей, влюблённых в Платона и в платонизм»⁸, что-то среднее «между клубом, учёным семинаром и религиозной сектой»⁹. Место собраний новых академиков – вилла в Кареджи, где устанавливается бюст Платона, якобы найденный на руинах афинской Академии, пополняется библиотека, разбивается сад с установленными в нём антиками, впоследствии превращённый Лоренцо Медичи в знаменитый на всю Италию ботанический сад, с оливой Минервы, миртом Венеры, дубом Юпитера, любимыми древними академиками платанами и пиниями¹⁰. Он воспринимался, по словам Марсилио Фичино, «как некий храм созерцания», где сам философ (имевший духовный сан) пел гимн, посвящённый Космосу, «по орфическому обряду»¹¹. Следовательно, сад виллы в Кареджи практически выполнял ту же сакральную роль, что и священный участок Муз в саду афинской Академии.

То, что Афины, а не Александрия с её Мусеем и Библиотекой, где при Птолемеях трудился гораздо более многочисленный «хор» поэтов и учёных, послужили образцом для флорентийских гуманистов в этот период, вполне объяснимо. В Александрии не сложилась философской школы, которая могла бы хоть как-то быть сопоставимой со школой Платона. Ведь

⁶ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. – Л., 1976. С. 13–14; 43.

⁷ Указ. соч. С. 22.

⁸ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М., 1978. С. 318.

⁹ Там же.

¹⁰ Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времён Лоренцо Великолепного... С. 128.

¹¹ Кудрявцев О. Ф. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и Флорентийская Платоновская академия. Приложение. Письмо Марсилио Фичино Козимо Медичи // Культура Возрождения и власть. – М., 1999. С. 48. Подробное исследование того же автора о Флорентийской Академии: Кудрявцев О. Ф. Флорентийская Платоновская академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. – М., 2008.

даже Аристотель, создавший свой Мусей в руководимом им афинском Ликее, отошел в эпоху Возрождения в тень «божественного» Платона. Что касается Александрии, то тамошние эклектики и скептики (хотя труды Секста Эмпирика уже читались, переводились на латынь и комментировались) и вовсе не могли сравниться по популярности с философами Академии. Нео-платонизм, хотя и зародился в Александрии, но уже в те годы, когда, после пожаров и погромов, Мусей и Библиотека жили, скорее, прежней славой. Наконец гуманисты просто плохо представляли себе, как был устроен Александрийский Мусей. Афины, только в 1458 году покоренные турками, по-прежнему воспринимались как примыкающая к Италии часть христианского мира, утраченная лишь на время. Туда часто ездили итальянские купцы и путешественники. Далекая Александрия уже восемь веков принадлежала миру ислама. Изредка попадавшие в мамлюкский, а затем в турецкий Египет европейцы видели чисто восточный город с несколькими обломками, свидетельствовавшими о древнем величии. Все, что было известно о пространственной организации Мусея и Библиотеки, укладывалось в скупые строки Страбона: «Мусей... является частью помещений царских дворцов; он имеет место для прогулок, экседру и Большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусее. Эта коллегия ученых имеет не только общее имущество, но и жреца, который прежде назначался царями, а теперь – Цезарем» (*Strab.*, XVII, 1, 8, С794. Перевод Г. А. Стратановского).

Конечно, всем образованным людям Италии того времени, и клирикам, и мирянам, было известно о книжных богатствах Птолемея, ведь о нём сообщал Иосиф Флавий, один из самых читаемых авторов в христианском мире. Предание о том, как мудрый царский советник Деметрий Фалерский пригласил в Александрию семьдесят толкователей иудейского Закона, и они, вдохновленные Св. Духом, создали совпавшие до единого слова переводы Св. Писания, ставшие ценным экземпляром Библиотеки, воспринималось как безусловный исторический факт. Перечитывая текст «Иудейских древностей», итальянцы с завистливым восторгом выделяли строки, где говорилось о том, как Деметрий Фалерский старался собрать все имеющиеся на Земле книги (*Ioseph. Ant. Iud.*, XII, 2, 1). Действительно, в XV веке, когда собирание древних рукописей становилось для многих смыслом жизни и доходило до настоящей охоты за ними, о Библиотеке, насчитывавшей пятьсот или семьсот тысяч свитков, можно было только мечтать. Марсилио Фичино все время своего служения дому Медичи усердно изучал, переводил на латинский, комментировал и любовно переписывал античных авторов от Платона до мифического Гермеса Трисмегиста, но скромная вилла в Кареджи не смогла бы вместить и малой части сокровищ Александрийской Библиотеки. Даже знаменитая папская библиотека в Ватиканском дворце (*Bibliotheca Apostolica Vaticana*) на тот период насчитывала лишь от 5 000 до 9 000 томов. Между тем основатель Ватиканской Библиотеки папа Николай V собирал её как главное украшение своего дворца, в подражание Птолемеям¹².

Примечательно, что для этой библиотеки, в 1526 году, по личному заказу папы Льва X (сына Лоренцо Медичи), крещеный мавр из Магриба, прозванный Львом Африканским, создал рукопись большого труда, открывшего для европейцев страны Африки. Спустя четверть века рукопись была напечатана в Венеции, затем выдержала множество изданий и была переведена на главные европейские языки. Благодаря Льву Африканскому европейцы получили и первое подробное описание Александрии, «большого города Египта».

Перед читателями предстал многолюдный портовый город, куда прибывают корабли не только со всего Средиземноморья, но со всех портовых городов Европы, где продаются разнообразнейшие товары, но город неблагоустроенный, с обезлюдевшими, разрушенными ещё крестоносцами кварталами. От времен Птолемея и римлян оставались цистерны, в которых отстаивалась нильская вода; о них рассказывалось еще в «Записках» Гая Юлия Цезаря (*De bell. Alex.*, 5). О славном прошлом напоминал холм в центральной части, где находили много древ-

¹² Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. – М., 1996. С. 172.

них ваз. Лев Африканский говорит о часовне среди городских развалин, где, якобы, покоится тело почитаемого мусульманами Александра Великого, тогда как другие путешественники утверждали, что могила давно потеряна. Так называемую колонну Помпея (в действительности – колонну Диоклетиана) автор ошибочно отождествляет с Александрийским Маяком¹³.

Впрочем, искушенного читателя, знакомого с текстом Страбона, эта оговорка вряд ли могла ввести в заблуждение. Примерно в те же годы, оставив изображения древнеримских развалин, голландец Мартен ван Хеерскерк приступил к созданию серии гравюр, показывающих его реконструкции семи чудес Древнего Мира. Среди них был, конечно же, Александрийский Маяк, который художник правильно разместил на Фаросе, связав его с городом Птолемея почему-то не прямой, а характерной для художника-маньериста извивающейся змейей линией дамбы.

Итак, Александрия постепенно начала восприниматься как неотъемлемая часть классического наследия, наряду с Римом и Афинами. Наследия, которое предстояло вновь освоить и переоценить во имя возрождения культуры. Тем временем происходили большие перемены и в сознании тех, кто творил и поддерживал эту возрождающуюся культуру. В преддверии эпохи Барокко неоязыческий пыл итальянских гуманистов сменился торжеством католической веры. Творческие эксперименты художников, жаждавших «мусической одержимости» перешли в сложную игру с формой в сочетании с тяготением к экзотике, что вызвало желание изучать уже не только классические образцы древнего искусства, но и всевозможные диковины природы, занимающие теперь полки европейских «кабинетов» и «студиол» как полноценные экспонаты, наряду с антиками. А развивающееся с начала XVI века конструирование всевозможных механических игрушек и автоматов, оптических приборов и экспериментов с электрической силой добавило к этим коллекциям ещё и произведения технической мысли. Слово «кабинет» некоторое время употреблялось как параллель к «саду Муз», но наметившееся было соединение такого сада или капеллы Муз с коллекциями антиков, философской академией, художественной школой, где учили по собранным образцам, оказалась непрочной. Музей, ранее понимаемый гуманистами как сакральный центр места, где осуществляется всё многообразие мусической деятельности, обрёл более узкое значение хранилища предметов, а позже – вытеснил из употребления и наименование «кабинет» редкостей, сделавшись единым термином с вполне современным значением. Оставалась только связь музеев и публичных библиотек, разрушенная, к сожалению, в XIX и XX веках¹⁴.

В период становления музеев и публичных библиотек интерес к Александрии с её коллекциями, книжными богатствами и механическими мастерскими при Мусее неизбежно усиливается. Птолемеи превносятся как предшественники современных просвещённых монархов, дающих кормление не только поэтам и художникам, но и ученым. Печатный станок, делавший книги более дешёвыми и более доступными, позволял теперь собирать практически все сочинения древних и новых авторов, не прибегая к услугам переписчиков. Сотни тысяч птолемеевских свитков еще оставались верхним рубежом для библиофилов, но книгопечатание порождало надежды когда-либо приблизиться к этому рубежу. Идеальный образ публичной библиотеки опять-таки искали в классической древности. В самом начале XVII столетия из-под пера Юста Липсия, крупнейшего филолога своего времени, поклонника философии стоиков, издателя и комментатора Проперция, Тацита и Сенеки, выходит первое исследова-

¹³ Лев Африканский. Африка – третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. – Л., 1983. С. 319–321.

¹⁴ Напомним, что разделение Британского музея и Национальной библиотеки в Лондоне произошло лишь после более чем полутора веков их совместного существования, а разделение Румянцевского (теперь – имени А. С. Пушкина) музея и нынешней Российской Государственной библиотеки – после нескольких десятилетий, хотя создатели этих знаменитых музеев мыслили связку музей-библиотека столь же нерушимой, как в древней Александрии.

дование, посвящённое библиотекам античности, сочинение «О библиотеках» (*De bibliothecis syntagma*)¹⁵.

Присутствующее в оригинальном названии греческое, написанное латиницей слово *syntagma* обозначает сложившийся у античных авторов литературный жанр, подразумевающий последовательное изложение подобранных и систематизированных сведений о каком-либо предмете. В данном случае, все сведения о древних библиотеках, извлечённые из памятников греко-римской словесности, облегчив тем самым труд учёных следующих поколений. Естественно, Александрийская Библиотека занимает в этом ряду первенствующее положение. Примечательно, что библиотечное дело, по Липсию, вообще начинается в Египте, и птолемеевское детище наследует традиции библиотеки мифического фараона Осимандуя (*Osymanduas*) (*Diod. Sic.*, I, 46, 1–49, 6). Заслуга Птолемея в том, что они сделали сокровище явным, то есть, спрятанные в египетских храмах сокровища явили всему миру, присовокупив их к приобретённым книгам Аристотеля и множеству других книг, покупаемых и переписываемых на царские деньги. Конечно же, для Липсия величайшим событием в истории Библиотеки стал перевод Библии, занявший достойное место среди библиотечных свитков. Исчисляя их общее количество, Липсий останавливается на самом большом числе, упомянутом авторами: семьсот тысяч. Липсий поддерживает и подкрепляет два сложившихся к тому времени мифа о Библиотеке: во-первых, создателем Библиотеки безоговорочно объявляется Птолемей II Филадельф, во-вторых, вся Библиотека (вся целиком) сгорела в страшном пожаре, учинённом диктатором Юлием Цезарем. И это богатство погибло безвозвратно (*O thesaurum, sed in re aeterna non aeternum!*). Добавим также, что Липсий отождествляет царскую Библиотеку с библиотеками храма Сераписа, в портиках которого Клеопатра VII якобы обустроила новое собрание книг, приобретённых после пожара, тогда как это были разные Библиотеки.

Проследив затем историю библиотек Писистрата, Аристотеля, Атталидов, наконец – частных и публичных библиотек Рима, Липсий возвращается в Александрию, уделив девятую главу своего труда Мусею, «заодно» (*in occasione*), как пишет автор.

Предоставленные самим себе библиотеки оказались бы посещаемы лишь случайными людьми, и вряд ли бы там могли быть налажены плодотворные учёные изыскания. Предусмотрев это, Птолемеи учредили при Библиотеке союз мудрых и образованных мужей, обеспечивая их всем необходимым для беспечной жизни, проводимой в писательском труде, в диспутах, в чтении. Число их, по Липсию, было немалым, и расходы на них требовались немалые. Получается, что Мусей сложился при Библиотеке, тогда как, по нашему мнению, больше оснований полагать, что наоборот, Библиотека стала дополнением и завершением длительного процесса формирования Мусея, под которым Липсий, совершенно справедливо, понимает не столько культовое пространство, сколько учёное сообщество, члены которого замещались по мере появления вакансий. Их «немалое» число стало третьим мифом, дожившим, к сожалению, до наших дней: как будет показано нами в соответствующей главе, число постоянных членов Мусея едва ли превышало круг в десять – пятнадцать человек.

Значение липсиевой Синтагмы не только в ценном подборе источников. Не ограничиваясь историческим исследованием, автор предлагает целую программу возрождения библиотек, взывая к мудрости и щедрости князей Священной Римской империи германской нации. Он призывает не жалеть средств на их украшение (специальная глава его труда рассказывает, какое великолепное убранство имели древние библиотеки), и собирать все книги, вне зависимости от высказываемых в них мнений. Это лучший способ для правителей прославить в веках свои имена: «Где вы, князья? Кого из вас обжигает и воспламеняет столь славный огонь подражания?». Таким призывом Липсий заканчивает книгу. Его цензор добавляет от себя, что

¹⁵ Iusti Lipsii de bibliothecis syntagma. Editio secunda & ab ultima Auctoris manu Antverpiae ex officinna Plantiniana, apud Ioannem Moretum cum privilegiis Caesareo & Regio duorum regum. – Antverpiae, 1607.

собранные в ней сведения могут послужить в качестве образца и побуждения к деятельности (*ad stimulum conferant et exemplum*).

Почин Липсия продолжил другой знаменитый филолог Иоанн Гроновий, профессор и библиотекарь Лейденского университета, издатель и комментатор Тацита, Сенеки, Авла Геллия. Его труд *De Museo Alexandrino exertationes academicae*, впервые вышедший в 1667 году и предназначенный для узкого круга классиков, обрел широкую известность после того, как его сын Иаков Гроновий опубликовал его в VIII томе огромного свода *Thesaurus antiquitatum Graecarum*¹⁶, содержавшего все известные тогда сведения по античной истории, литературе, философии, искусству и повседневной жизни. Свода, первоначально вышедшего в Лейдене, а потом, в начале XVIII столетия, роскошно переизданного в Венеции, вместе с дополнениями и рассуждениями Лудольфа Кюстера (Лудофия Неокора). Дополнениями, названными *De Museo Alexandrino diatribe* и впервые изданными в 1686 году. Кюстер включил в число источников подробные сведения, заимствованные из византийского словаря Свиды (теперь принято название – *Суда*), издававшегося при его непосредственном участии, а также из словаря Гесихия (Гезихия) Милетского.

В отличие от Липсия, оба классика исходят из главенства Музея над Библиотекой, сосредоточив внимание на деятельности александрийского содружества служителей Муз, одним из направлений которой было соби́рание прежних и написание новых книг.

Во всех этих учёных трактатах старое латинское написание *Musaeum* вытесняется принятым ныне во всех западноевропейских языках привычным написанием *Museum*. Но понимание слова ещё далеко от современного: не собрание выставленных на обозрение предметов, но творческий союз людей, свободных от низменных забот о материальном благополучии, находящихся под покровительством просвещённого правителя.

Ту же просветительскую роль Музея подчёркивают лейпцигские филологи Адам Рехенберг и Иоганн Кейльхакер (Фердинанд Необург), чьё сочинение носит название *Schediasma* (от *σχεδίασμα* – речь, произнесённая экспромтом)¹⁷. В этом филологическом экспромте, на двадцати с небольшим страницах, однако, содержится ряд ценных мыслей. Прежде всего, Музей в Александрии, выступает у них производным образованием уже не от Академии и Ликейя, но от гораздо более древнего святилища на Геликоне, куда приходили поэты поклониться (каждый – своей Музе). Они первыми, стихийно, создали союз служителей Муз, отражением которого стало сообщество поэтов Александрии. Там к поэтам присоединились философы (*philosophi celeberrimi*). Цари создали для них комфортные условия проживания. И они, по доброй воле, бескорыстно трудились в Мусее (*locus hic Musarum*), не только творя, но и воспитывая подрастающие поколения.

Желание возродить такой союз, дополнением к которому стали бы библиотеки, а также – лаборатории, залы для диспутов, художественные шедевры, обусловило в подобных сочинениях риторический пыл и прямые обращения к сильным мира сего.

Как попытку практического воплощения этой мечты можно рассматривать процветавший в 1670-е годы в Риме знаменитый *Museum Kircherianum*, получивший имя своего основателя, учёного-иезуита Афанасия Кирхера. Неизменный интерес к Египту, культура и мудрость которого, как верили тогда, была сохранена Птолемеями в свитках их Библиотеки, Кирхер проявлял на протяжении всей своей долголетней деятельности. Уже полученное им при крещении имя, данное в честь Св. Афанасия Александрийского, создавало некую мистическую связь со страной, где ему не довелось побывать, но Кирхер был убежден и убедил своих современников в том, что ему удалось расшифровать древний язык египтян. Несомненно, он знал о птолемеях-

¹⁶ *Johannis Frederici Gronovii de Museo Alexandrino exertationes academicae. Ludophi Neocori De Museo Alexandrino diatribe // Jacobi Gronovii thesaurus graecarum antiquitatum. T. VIII. – Venetiis, 1735. P. 2741–64; 2767–78.*

¹⁷ *Rechenberg A., Keilhacker J. Schediasma Historicum De Museo Alexandrino. – Leipzig, 1698.*

ской Александрии всё, что мог прочитать у авторов. В роли содружества жрецов теперь выступал орден Иисуса Христа (давший образование, кстати, и Юсту Липсию); под помещения музея отвели залы огромного здания Римской коллегии ордена, и музею была передана часть иезуитской библиотеки. Вид храма, символизирующего весь Космос, придали росписи, показывающие пять аристотелевских элементов мироздания, и надписи на древних и новых языках, прославляющие Творца и призывающие восходить к нему через созерцание и изучение Природы. Стены и своды, таким образом, представляли историю письма разных народов (нечто подобное мы видим в оформлении зданий Новой Библиотеки в Александрии, в виде Стены письменности). Музейные залы заполнили разнообразные диковины: чучело броненосца, слоновые бивни, изделия, привезённые иезуитами из Китая, римские и этрусские древности, живопись и скульптура. Много места занимали приборы и механизмы, по большей части сконструированные самим Кирхером, в чём он явно следовал александрийцам Ктесибью и Герону; среди них были такие новшества, как микроскоп и телескоп, камера-обскура, мегафон. Они показывались в действии, однако, в отличие от экспонатов, появившихся тогда в Европе в первых Wunderkammern, желание изумить посетителей не было главным: Кирхер хотел, чтобы все технические новинки служили инструментами для всякого, кто будет трудиться в его музее. Но если в древности религия, не знавшая жестких догм, не только допускала, но и поощряла борьбу мнений, и в Александрийском Музее царил свободный, или, как принято говорить, «агональный» дух, орден иезуитов, целью которого была защита римско-католической веры, подобную творческую среду создать не мог. Кирхер, чья твердость в вере не подлежит сомнению, сам не раз сталкивался с жесткой цензурой ордена при издании своих сочинений.

После стараний Кирхера идею создания подобия птолемеевского образца долго вынашивали интеллектуалы абсолютистской Франции, начиная со времени правления Людовика XIV, кумиром которого был Александр Македонский. Король-Солнце объединил своих учёных и мастеров свободных искусств, прибавив к учреждённым при его отце Académie française и Académie de peinture et de sculpture новые Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Académie d'architecture и Académie de musique. Хотя употребляемое во всех наименованиях слово Академия как бы указывало на Афины, «окормление», которое давала интеллектуальной элите страны королевская казна, более соответствовало традициям эллинистических монархий.

Академия надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), в отличие от итальянских кружков гуманистов, объединила в своих стенах уже не любителей античной литературы, но филологов-профессионалов. И если первоначально слово inscription указывало лишь на то, что её члены, помимо прочего, будут трудиться над составлением хвалебных надписей Людовику XIV, в следующем столетии учёные Академии уже всерьёз занимались эпиграфикой, нумизматикой, палеографией. Тем самым расширился круг источников, на которых строилось изучение и таких древних учреждений как Музеи и библиотеки. Результаты исследовательской деятельности регулярно публиковались в «Записках» (Memoires) Академии, доступных всем европейцам благодаря высокому статусу французского языка, потеснившего в международном общении классическую латынь. В IX-м томе академических «Записок», вышедшем в свет в 1736 году, были напечатаны труды Пьера-Николя Бонами, в их числе и прочитанная Собранию академиков пятью годами ранее диссертация, посвящённая Александрийской Библиотеке¹⁸. За ней следовали две работы, в которых учёный, прежде прославившийся изучением древних и раннесредневековых памятников письменности Галлии, подвергнув строгому анализу тексты Страбона¹⁹ и Цезаря²⁰, представил читателю топографию птолемеевской Александрии, включив в неё собственную карту кварталов древнего города.

¹⁸ Bonamy N. Dissertation historique sur la Bibliothèque. // Mémoires de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettre, IX. – Paris, 1736. P. 397–415.

¹⁹ Bonamy N. Description de la Ville d'Alexandrie, telle qu'elle estoit du temps de Strabon. // Op. cit. P. 416–431. Carte: p. 416.

Сегодня этот анализ имеет даже большую ценность, чем сама диссертация, поскольку Бонами впервые удалось, хотя бы приблизительно, в границах кварталов древнего города, локализовать его знаменитые сооружения. И те, что сохранились в руинах, и те от которых не осталось никаких следов. Бонами разделяет библиотеки Музея и Серапея, располагавшиеся в совершенно разных кварталах²¹. Прежде филологов, видимо, вводил в заблуждение ещё один храм Сераписа, бывший, действительно, вблизи Музея; его священный участок Страбон (XVII, 1, 10, С795) упоминает в одном перечне со священными участками храмов Исиды и Пана. Бонами помещает Музей именно в восточной части города, где были царские дворцы. Он разделяет Музей и Библиотеку, занимавшие разные здания (оставляя открытым вопрос об их территориальной близости: на приложенной к изданию карте они, хотя и помещаются близко, но не соприкасаются). Ведь сведения о пожаре Библиотеки при Цезаре явно указывают на её нахождение на морском берегу, тогда как Музей с домом учёных, по мнению Бонами, следует локализовать дальше к югу от побережья. Продолжая традицию, идущую от Липсия, Бонами считает Музей учреждением, возникшим при Библиотеке, производным от неё. В его интерпретации это было славное детище Птолемея, сравнимое с парижскими Академиями. Весьма лестное для века Просвещения сравнение предназначалось как академиком, демонстрируя им античный идеал, так и королевской власти, чьей неустанной заботой должно стать процветание искусств и наук.

И, также как это имело место два столетия назад у итальянских гуманистов, во французской публицистике века Просвещения всё чаще начинает звучать латинское слово *Musaeum*, постепенно превращавшееся (через промежуточную форму *Museum*) во французское *musée*, и сделавшееся особенно популярным благодаря Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. В статье *Musée*, автором которой был Луи де Жако, отличавшийся глубокими познаниями во всех науках от медицины до философии, под *musée* в первую очередь понимается именно Музей в Александрии, место, где жили, творили и получали вознаграждение, согласно их заслугам перед государством, выдающиеся мужчины²². Причём Жако прямо пересказывает отдельные положения диссертации Бонами.

Затем уже декрет революционного Конвента 1793 года, провозгласивший достоинством французской нации коллекции *Cabinet du Roi* и *Cabinet d'Histoire Naturelle*, рекомендовал в качестве названия новых учреждений не *musée*, но *museum*, подчёркивая их связь с классической древностью.

Как показывает в своём подробном исследовании Паула Янг Ли²³, прослеживая «вхождение» термина *museum* во французский язык, во Франции он с самого начала, с первых словарей классических языков, соотносился с Александрийским Музеем. Тогда как в соседней Италии он, напротив, употреблялся более широко и мог подразумевать храм, грот, галерею, кабинет, студию, библиотеку. Интересно, что латинская форма удержалась в названии *Museum d'Histoire Naturelle*, тогда как Лувр вскоре стал именоваться *Musée du Louvre*. Произведения живописи и пластики, собранные в залах Лувра, сами по себе имеющие для европейцев огромную эстетическую ценность, менее соответствовали древнему Музею, так как в те времена живопись и скульптура считались не мусическими, но приравняваемыми к ремеслу техническими искусствами. Природные раритеты, чья ценность заключалась в доносимой ими до посе-

²⁰ Bonamy N. Explication topographique de la Guerre de César dans Alexandrie, après la défaite de Pompée. // Op. cit. P. 432–450.

²¹ Только через четыре десятилетия, учёные Европы уверенно заговорили о нескольких независимых друг от друга библиотеках, существовавших в городе, как при Птолемеях, так и при римских императорах. Множественное число указано в названии сочинения: [Beck C. D., Beck J. W.]. Specimen historiae bibliothecarum Alexandrinarum. – Lipsiae, 1779. Nachdruck: 1829.

²² [Jaucourt Louis de] Musée // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers Denis Diderot et Jean le Rond d'Alembert. Vol. X. – Paris, 1765. P. 893–894.

²³ Lee Paula Young. The Musaeum of Alexandria and the formation of the 'Museum' in eighteenth-century France // The Art Bulletin. FindArticles.com 02 Apr., 2009. P. 1. // http://findarticles.com/mi_m0422/is_n3_v79/ai_20824243/

тителей информации, в Ликее, затем в Александрийском Мусее, не только перенявшем опыт аристотелевского Ликеея, но и намного превзошедшей его по размаху собирательства, уже приобрели признаки музейных коллекций.

В этом же труде²⁴ Паула Янг Ли приводит сведения об архитектурных конкурсах, проводившихся между архитекторами Франции в годы, предшествовавшие Революции (1774–1786). В заданиях королевской Académie d'architecture предлагалось создать проект учреждения, именуемого *museum*, или дом наук, искусств и литературы, где размещались бы коллекции, библиотеки, аудитории, а также «храм Славы». Задания носили чисто дидактический характер, они должны были выявить таланты начинающих архитекторов, побудить их внимательно изучать классическое наследие. Но, поскольку от Александрийского Мусея не сохранилось никаких руин, исполнения конкурсного задания свелось к эклектическим импровизациям. Причём, помимо обязательного для всех зодчих тех лет труда Витрувия и графических изображений памятников Рима, участники конкурсов брали и формы, напоминающие древнеегипетские сооружения, и даже мусульманские мечети, создавая образы, навеянные, очевидно, гравюрами из появившегося в печати в 1755 году первого тома описания Египта и Нубии датчанина Фредерика Нордена²⁵, значительная часть которого была посвящена Александрии и Каиру. Эта книга претерпела более десятка изданий в разных государствах (наиболее богато иллюстрированное издание вышло в Лондоне в 1780 году). А в 1765 году на книжных прилавках и в библиотеках появляются «Записки о древнем и современном Египте» Жана-Батиста д'Анвилля, где на основании подбора сведений из античных авторов составляется план древней Александрии, помещённый на одной странице с планом тогдашнего, находившегося под турецким правлением города²⁶. Оба географических описания пользовались неизменной популярностью у интересующихся Востоком читателей, пока их не затмило роскошное наполеоновское «Описание Египта».

Многотомное, выдержавшее два издания (1809–1818 гг., в 23-х томах и 1821–1826 гг., после реставрации Бурбонов, уже в 37-и томах), *Description de l'Égypte* включало множество гравюр, в том числе и цветных, с обширными комментариями, а также карты разных регионов Египта. Во втором издании описание древностей (отдельно от иллюстраций, напечатанных в XXVII–XXXI томах) заняло целых десять томов. Пятый том освещает древности Александрии (есть подробные планы города и окрестностей) и Мемфиса²⁷. Но значение уникального издания не в том, что оно показало скудные и знакомые по прежним книгам путешественников руины древнего города. В других томах мы встречаем описания большинства знаменитых птолемеевских построек (Филэ, Эшна, Дендера, Эдфу), прорисовки папирусов, изображения древних монет, то есть – всего круга вещественных источников, необходимых для дальнейших исследований в интересующей нас сфере. Почти синхронно, в 1829 году, учёный мир ознакомился с расшифровкой Франсуа Шампольном древнеегипетской письменности, именно на примере двуязычной надписи птолемеевского времени (Розеттский камень). Отныне появилась возможность изучать историю Мусея и Библиотеки, используя все источники почти трёхсотлетнего птолемеевского правления, и к тому же имея перед глазами общую картину культуры не только собственно птолемеевского и римского Египта, но и всего обширного пространственно-временного образования, обозначаемого введённым в науку И. Дройзеном термином *Hellenismus*.

Первенство в исследованиях теперь прочно держат немецкие учёные, и именно в Германии, синхронно с появляющимися в печати между 1833 и 1846 годами капитальными трудами

²⁴ Op. cit. P. 10–13.

²⁵ Norden Frederic Louÿs. Voyage d'Égypte et de Nubie ouvrage enrichi de Cartes & de Figures dessinées sur les lieux par d'Auteur même. Tome Première. – A Copenhague, MDCCLV (1755).

²⁶ D'Anville. Memoires sur l'Égypte ancienne et moderne. Paris, 1765. P. 54.

²⁷ Description de l'Égypte ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française. T. 5. Paris, 1829.

первооткрывателя эпохи И. Дройзена, в одном и том же 1838 году, выходят в свет написанные Густавом Партеем и Георгом Клиппелем две большие монографии, посвященные исключительно Мусею. Они удачно взаимодополняют друг друга, и на них по сей день ссылаются многие авторы научных трудов, а также статей, опубликованных в солидных энциклопедических изданиях, начиная с Real Encyclopädie Паули-Виссова и нашего словаря Брокгауза-Ефрона. Авторитет Партея и Клиппеля подтверждают осуществленные в наше время репринтные издания их монографий, предпринятые издательством Nabu Press в 2010 (Партей) и в 2011 (Клиппель) годах. Партея, к тому же, годом раньше переиздавали BiblioBazaar и BiblioLife. Столь большой интерес книгоиздателей, видимо, проявился вскоре после широко разрекламированного средствами массовой информации открытия Новой Библиотеки.

Труд Г. Партея²⁸, удостоенный золотой медали прусской королевской Академии наук, замечателен тем, что его автор сочетал глубокие филологические и исторические знания, полученные еще в берлинской гимназии при Graue Kloster и подкрепленные годами обучения в университетах Берлина и Гейдельберга, с практической деятельностью антиквара, книгоиздателя и книготорговца. Проведший детские годы в берлинском доме деда (по линии матери) Фридриха Николаи на Brüderstraße 10, в доме, который в наши дни сделался музеем более мемориального профиля, а тогда хранил в своих стенах уникальное собрание живописи, гравюр, книг, рукописей и прочих антикварных вещей, Партей, затем, унаследовал это богатство вместе с издательством и книжной лавкой. И всю жизнь пополнял коллекции вещами, приобретенными в путешествиях по Италии, Греции и Ближнему Востоку, но при этом щедро одаривал книгами публичные библиотеки Берлина, Страсбурга и Рима. Постигший «изнутри» музейное и библиотечное дело, Партей сумел в своём исследовании выделить и обычно ускользавшую от специалистов-классиков «техническую» сторону деятельности служителей древнего Мусея. Кроме того, он не понаслышке знал Александрию, так как в начале 1830 годов совершил большое путешествие на Восток, итогом которого стало двухтомное издание, озаглавленное «Путешествия по Сицилии и Леванту»; весь второй том посвящён подробному описанию Египта²⁹.

Разумеется, без археологических раскопок топографические изыскания Партея остались на уровне гипотез, как и предшествующие гипотезы Бонами, на которого немецкий учёный неоднократно ссылается. Сопоставляя археологические фрагменты с описаниями Страбона, Партей окончательно разделяет библиотеки Мусея и Серапея, находившиеся в разных кварталах города и имевшие разные судьбы. Порфиновые колонны храма Сераписа, таким образом, не могут быть фрагментами Библиотеки. С морского побережья Партей гипотетически перемещает Мусей и Библиотеку дальше в глубину квартала, придерживаясь распространённого и теперь мнения, что при Цезаре сгорели папирусные свитки, не принадлежавшие постоянному собранию Библиотеки, а складировавшиеся в гавани.

Затем Партей строит своё исследование по схеме: предназначение (Zweck), достижения (Leistungen), управление (Organisation), судьба (Schicksale) Мусея. Как и другие учёные-первооткрыватели эпохи эллинизма, он не избегает того «европоцентризма», который кратко выразил И. Дройзен, заявивший, что эллинизм есть распространение «греческого господства и образованности среди отживших культурных народов»³⁰.

Партей удивляется греческому гению, посеявшему восхитительный росток на чужеродной почве Египта. Росток развился словно бы сам собой, пройдя, подобно живому организму, почти тысячелетний цикл, складывающийся из фаз возникновения (Entstehen), расцвета

²⁸ Parthey G. Das Alexandrinische Museum. – Berlin, 1838. Nachdruck: Parthey G. Das Alexandrinische Museum. – Nabu Press, 2010.

²⁹ Parthey G. Wanderungen durch Sizilien und die Levante. Zweiter Theil. Das Nilthal. – Berlin, 1840. Описание Александрии: S. 17–81.

³⁰ Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. История Александра Великого. – СПб, 1997. С. 7.

(Ausblühen) и увядания (Dahinwelken)³¹. В книге присутствует и ещё одно господствовавшее в 1830-е годы мнение о том, что эллинская культура представлена лишь своими высшими достижениями, а её начала скрыты от нас. Надо сказать, что хотя оно давно преодолено по отношению к этой культуре в целом, мнение о полной уникальности и неповторимости Александрийского Музея остаётся.

Партей разумно отказался от поверхностного сопоставления Александрийского Музея с новоевропейскими культурными институтами и постарался осветить все стороны его деятельности, выделяя до восемнадцати направлений, но, к сожалению, рассматривая их параллельно, без взаимосвязи. Любое направление оценивается с точки зрения значимости создаваемого служителями Музея текста, поскольку лишь тексты (включая их пересказы и даже простые краткие упоминания о них у разных авторов) есть то единственное, что нам осталось. Партей даёт и подробный перечень создателей этого наследия, тех, кто служил в Мусее, или хотя бы пользовался сокровищами Библиотеки, перечисляя критиков, грамматиков, диалектологов, исследователей метрики, музыковедов, мифографов, поэтов, а затем уже – историков, натуралистов, медиков, математиков, географов, астрономов, философов. Общее число получавших жалование мужей определяется в 150–200 человек (цифра кажется нам сильно завышенной). Список продолжается вплоть до арабского завоевания, положившего конец существованию александрийской интеллектуальной элиты.

Достоинством книги является самый тщательный, выполненный с поистине немецкой педантичностью, подбор сообщений древних авторов, полностью процитированных в оригинале, со всеми необходимыми ссылками. А поскольку число письменных источников с того времени возросло лишь за счёт эпиграфических памятников, Партей, принимая эстафету у Юста Липсия, оставляет нам на несравнимо более высоком уровне антологию сведений о Мусее и Библиотеке, сохранённых античными и византийскими писателями.

Музей представляется Партею неким монолитом, противостоящим времени и не подлежащим переменам. Фактически книга даёт «горизонтальный» срез изучаемого феномена. При таком подходе история отходит на второй план. Правда в разделе Schicksale даётся краткая (и недостаточная) периодизация: птолемеевский, римский, византийский этапы исторической судьбы Музея. Но исторический очерк сводится к разбору тех бедствий и потрясений, которые переживал Музей в конце каждого из них.

Недостаток истории у Партея отчасти восполняет одновременно опубликованный в Гёттингене труд Георга Клиппеля³², известного своими исследованиями доктрин древних стоиков и сочинений немецких гуманистов Северного Возрождения, и видимо нашедшего много общего в образе жизни и интересах этих «книжных» элит разных исторических эпох. Да в первой части книги, более чем на ста страницах, обзор письменных источников, Клиппель посвятил истории Музея всю вторую часть, перейдя затем, в третьей, к достижениям (Leistungen), где он, как и Партей, начинает с филологии, а заканчивает философией (здесь главное достижение Александрии – интеллектуальная подготовка неоплатонизма).

Вторая часть достаточно подробно освещает этапы основания и организации Музея, начиная сразу с благодетелей Птолемея II Филадельфа. Птолемея I, основателя династии, Клиппель исключает, так как, по его мнению, начало Музея приходится не ранее чем на 280-е годы до Р. Х. Затем история излагается строго по годам царствования следующих монархов-благодетелей. Более полно излагаются события до 221 года до Р. Х. (вступления на престол Птолемея IV Филопатора), затем рассказ становится более сжатым, но всё же доводится до 395 года нашей эры (конец правления Феодосия Великого). В римском периоде истории Музея

³¹ Parthey G. Das Alexandrinische Museum... S. 2.

³² Klippel G. H. Ueber das Alexandrinische Museum. – Göttingen, 1838. Nachdruck: Klippel G. H. Ueber das Alexandrinische Museum. – Nabu Press, 2011.

Клиппель выделяет в отдельную главу правление императора Клавдия, основавшего в Александрии некое дополнение к старому Мусею (*Suet. Div. Claud.*, XLII; *Athen.*, VI, 240b). Меньше говорится о предприятиях Адриана, тогда как сегодня, благодаря найденным эпиграфическим памятникам и особенно раскопкам в Александрии 1960-х – 1990-х годов, вклад этого императора в александрийскую культуру, по сравнению с Клавдием, представляется гораздо более значимым. Византийская эпоха для Клиппеля являет лишь закат (*Untergang*) и последние следы (*Letzte Spuren*) некогда великого учреждения. Это время даже Партей, при всей сжатости исторической части его труда, излагает более подробно.

Одновременная публикация двух солидных исследований позволяет принять 1838 год за дату, с которой начинается подлинно научное, постепенно освобождающееся от идеализации и риторики, изучение Мусея как культурного феномена эллинизма. В своём обзоре мы пропускаем (за исключением Липсия и Гроновия, а также Рехенберга и Кейльхакера, отмечая их роль как зачинателей) многие ранние «риторические» трактаты на безукоризненно красивой латыни, озаглавленные *Oratio de Alexandrino Museo*, *De genio seculi Ptolemaeorum* или *De rebus Ptolemaeis*, больше напоминающих хвалебные речи, где содержатся частые призывы учиться опыту древних, и часто, в описании этого опыта, встречается суффикс превосходной степени – *issim*. Г. Партей дотошно насчитал в одном из таких сочинений употребление его сто восемь раз на двадцати страницах³³.

В том же 1838 году издаётся имеющий более узкую направленность труд Фридриха Ритчля³⁴, посвящённый истории собирания и критики гомеровских текстов, начиная с правления Писистрата в Афинах. Так как основной объём отбора, комментирования, критики приходится на птолемеёвское время, Ритчль прослеживает возникновение двух птолемеёвских библиотек – Мусея и Серапея, организацию и традиции, сложившихся при них кружков филологов, и историю многолетних филологических штудий. Очень много места уделяется личностям первых предстоятелей Александрийской Библиотеки – Зенодота, Ликофрона, Эратосфена и других. Отдельная глава посвящена деятельности Каллимаха как библиотекаря. Ритчль, до этого занимавшийся текстами Плавта, впервые скрупулёзно исследует ставший достоянием классической филологии десятью годами ранее ценный документ, из которого Партей приводит только фрагмент в самом конце своей книги, не комментируя его. Речь идёт о схолиях на полях обнаруженного в библиотеке Римской коллегии пергаментного манускрипта комедий Плавта. Там рассказывается, как по повелению Птолемея II Филадельфа александрийские филологи «поделили» между собой сферы интересов, занимаясь каждый своей областью – комедией, трагедией, поэмами, что дало повод предположить о зарождении в Александрии неких подобных современным кафедрам при филологических факультетах. Выделив филологические штудии учёных Мусея, Ритчль оставил в стороне всё остальное. Так что, поневоле, складывается впечатление, будто изначальным стимулом к его учреждению стала всего лишь необходимость комментирования рукописей Библиотеки, в первую очередь Гомера.

Вышедшая в свет спустя почти три десятилетия, небольшая по объёму работа австрийского учёного Эмануэля Ханнака, известного педагога, преподавателя *Leopoldstädtsche Realgymnasium*, историка педагогической науки в древности, представила читателю Мусей с ещё одной стороны – как место образования и воспитания, прообраз классических гимназий и

³³ Parthey G. *Das Alexandrinische Museum*. . . S. 60. Bemerk. 2. Для полноты картины следует назвать ещё небольшую брошюру Г. Дедела 1823 г., посвящённую Александрийской Библиотеке. Разбитая на три главы (птолемеёвский, римский периоды и начало арабского владычества), она является подборкой сообщений античных авторов с комментариями. В третьей главе приведены фрагменты арабских историков (с латинскими переводами), повествующие о завоевании Египта арабами: *Dedel G. Responsio ad quaestionem literariam, a nobilissime ordine philosophiae theoreticae et litt. human. Academiae Lugduno-Batavae propositam, historia critica bibliothecae Alexandrinae: quae praemio ornata est die VIII mensis Februarii A V DCCCXXXIII*. – *Lugduni Batavorum*, MDCCCXXXIII (1823).

³⁴ Ritschl Fr. *Die Alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte*. – *Breslau*, 1838.

университетов, где, как и в античном мире, преподавание носило сугубо «книжный» характер и строилось на богатстве общественных библиотек³⁵.

Таким образом, в зависимости от интересов и побудительных мотивов, наметились разные подходы к изучению Мусея. В конце концов, в итоге, выявилось несколько направлений учёных штудий: александрийская филология, александрийская наука (подразумеваются естествознание и медицина), александрийская философия, александрийская механика (изучаемая по трактатам Герона), история Александрийской Библиотеки. При таком подходе возникла серьёзная опасность «расчленения» объекта, ситуация, подобная той, что описывает старая индийская притча о слепых мудрецах, на ощупь исследующих слона и сводящих его сущность к отдельным частям тела. Мусей, уже в XVIII столетии сравнивали с парижской Академией наук и с Королевским колледжем в Оксфорде. Затем в нём стали видеть то научное общество, хотя и с оговоркой, что его основой были совместная жизнь учёных и общий культ³⁶. То мировой интеллектуальный центр, место встречи учёных всей Земли и даже «убежище» для учёных³⁷. И в XX столетии одни сравнивали его с университетами³⁸, другие, напротив, подчёркивали главенство не педагогической, а исследовательской деятельности³⁹. Но как, пользуясь методом сравнений и сопоставлений, объяснить главенство жреца, назначаемого царями и императорами (*Strab.*, XVII, 1, 8, С794), жертвоприношения и мусические агоны, явно не утратившие религиозной составляющей, участие учёных Мусея в заупокойном культе Александра Великого, Птолемея и императоров Рима, отсутствие в Мусее художников и скульпторов, однако наличие в нём не только врачей и инженеров, но (что самое странное для нашего рационального мышления) гадалей и прорицателей? Как объяснить смущающий историков науки факт, что после ряда смелых открытий и гипотез (среди которых особо отмечается гелиоцентрическая гипотеза Аристарха Самосского), конечным результатом нескольких сот лет деятельности александрийских учёных стало создание мифической картины мира, догматизированной Клавдием Птолемеем: с неподвижной Землёй в центре и вращающимися небесными сферами, издающими «открытую» пифагорейцами и платониками космическую музыку? Или, что диковинное паровое устройство, описанное механиком Героном, использовалось лишь для того, чтобы открывать и закрывать двери храма перед верующими, вызывая у них религиозный трепет?

В 1875 году в одной из серий берлинского периодического издания *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge* был напечатан доклад Людвиг Венигера, где этот учёный выдвинул ряд принципиальных положений, весьма полезных будущим исследователям⁴⁰. Феномен Александрийского Мусея, по Венигеру, объясним не столько общими для мировой культуры потребностями, реализованными в Новое Время университетами, музеями и публичными библиотеками (которые, как было показано нами выше, ориентировались на идеальный, мифологизированный образ Мусея), но, скорее, специфическими особенностями самой культуры эллинизма. Одна из них – религиозное основание многих форм деятельности, развивающихся ныне исключительно на светских началах. Отметим, что Венигер первым «пришёл» к Мусею через занятия историей языческой религии, изучая, параллельно, дельфийские оракулы, религиозную составляющую Олимпийских игр, а также языческие обряды поклонения священным деревьям.

³⁵ Hannak Emanuel. *Das Museum und die Bibliotheken in Alexandria*. – Wien, 1867.

³⁶ Баумгартен Ф. / Поланд Ф. / Вагнер Р. *Эллинистическо-римская культура*. – СПб., 1914. С. 149.

³⁷ Дюрانت Вил. *История цивилизации*. Т. 2. Жизнь Греции. – М., 1997. С. 593.

³⁸ Боннар А. *Греческая цивилизация*. Т. 3. От Еврипида до Александрии. – М., 1992. С. 243.

³⁹ Левек П. *Эллинистический мир*. – М., 1989. С. 93.

⁴⁰ Weniger Prof. Dr. *Das Alexandrinische Museum, eine skizze aus dem gelehrten Leben des Altertums // Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge* herausgegeben von Rud. Virchow und Fr. V. Goltzendorf. X-serie. – Berlin, 1875. S. 1-32.

Венигер, далее, находит во всемирной истории, как общую закономерность, циклическую смену двух типов культурно-исторических эпох. Для первого характерно преобладание творческого импульса, направленного на созидание новых культурных ценностей, для второго – скрупулёзная работа по оценке, отбору и сохранению прежнего наследия. Именно в этом отношении культурно-историческая ситуация времени эллинизма сопоставима с той, что сложилась в новоевропейской культуре, современной автору, то есть, – во второй половине XIX столетия, когда достигает высшего развития филологическая наука и быстро развивается музейное дело. Эллинизм показывает нам пример культуры, где не только творчество немислимо без филологической учёности и требует огромной начитанности, но вообще ведущими принципами являются систематизация и классификация, заложенные, в преддверии эпохи, школой Аристотеля. Из этого, в свою очередь, складывается тенденция творить по образцам и желание собрать воедино образцы не только поэтические, но и «технические».

Доклад Венигера представляет собой как бы небольшой эскиз (*eine Skizze*, по собственному его выражению) будущего большого и всеобъемлющего труда, но, к сожалению, эскиз так и не стал законченной картиной.

Более того, на протяжении следующих десятилетий мы не встречаем крупных публикаций, посвящённых именно Мусею. Хотя упоминания о нём и попытки его осмысления, имеются у всех филологов, историков, культурологов, пишущих о времени эллинизма; они разбросаны по сочинениям И. Дройзена, У. фон Виламовица-Мёллендорфа, Э. Бевана, В. Тарна, Г. Дильса, П. Лебека, А. Боннара, П. М. Фрейзера, К. Шнейдера. К их суждениям, оценкам, гипотезам мы будем неоднократно обращаться. Не обошли вниманием Мусей и российские учёные, но о трудах отечественных исследователей, поскольку подавляющее их большинство относится уже к нашему времени, мы расскажем отдельно.

Вероятная причина того, что в конце XIX столетия и в последующие годы Александрийский Мусей как бы «растворился» в многочисленных публикациях по эллинистическому миру, заключается в одном простом факте: исследователи, опиравшиеся на ограниченный круг письменных источников, «позаимствовали» у античных и византийских авторов уже весь материал, дали все его возможные интерпретации. В то время как изобилие лапидарных надписей и папирусов открывало им возможности многолетних занятий экономикой, религией, культурой, политической и повседневной жизнью птолемеевского Египта и других эллинистических государств, материал по Мусею был исчерпан.

К сожалению, из всего колоссального количества найденных за последние полтора века документов, непосредственное отношение к Александрийскому Мусею и Библиотеке имеют лишь несколько надписей периода Римской империи.

Зато каменные плиты, обнаруженные на территории материковой Греции и на островах Эгейского моря, открыли учёным возможность сравнить Александрийский Мусей с обнаруженными следами его предшественников и подобий. Мнение об уникальности и неповторимости Мусея Птолемея окончательно рухнуло в 60-е годы XX века, благодаря, в первую очередь, многолетним раскопкам на склоне Геликона, но также и в других местах Эллады.

До археологических находок, главным образом из Диогена Лаэртского, было известно о Мусеях в Академии и Ликее, воспринятых как «рядовые» святилища, вроде тех, что устраивались при прочих античных гимназиях. Краткие сведения о Мусеях в разных городах Эллады разбросаны по книгам Павсания. Были ещё отрывочные и подверженные сомнениям сведения о том, что пифагорейцы основывали храмы Муз в Метапонтe (*Diog. Laert.*, VIII, 1, 15) или Кротоне (*Porph. De vita Pyth.*, 4. 57).

Но вот в первой половине XVIII века знаменитый антиквар Шипионе Маффеи приобрёл вывезенные когда-то с островов Эгеиды венецианцами плиты с длинной надписью, представляющей собой устав и распорядок богослужений Мусея на о. Фера (Санторини), основан-

ного богатой вдовой Эпиктетой (IG XII³, 330). Этот текст был известен Г. Партею⁴¹, но по-настоящему им заинтересовались, когда учёным, для сравнительного анализа, стали доступны мраморные «архивы» геликонской долины Муз. Оказалось, в древности существовала специфическая «мусическая» культура, носителями которой были члены специально учреждаемых религиозных сообществ. Общегреческие мусические агоны, устраиваемые в долине Муз вплоть до указа императора Феодосия I от 391 года, окончательно запретившего языческий культ, были ярким проявлением этой культуры. Тогда вспомнили о том, что в тексте Завещания Феофраста (*Diog. Laert.*, V, 2, 5–58) говорилось о подобном союзе служителей Муз, численностью от десяти до двенадцати человек. Подобный же союз осуществлял служение в стенах платоновской Академии. Наконец даже на периферии античного мира, в далёкой Истрии на Дунае, был свой мусический *σύνδοκος* (REG 68, p. 238 ff., nr. 163).

Перед исследователями открылась перспектива восполнить недостающие детали, используя историко-типологический метод. Религия, даже языческая, где не было жёстких догматов и противопоставления ортодоксии ересям, всегда базируется на неких общих принципах. Признав главенствующей сакральную функцию Мусеев, можно с уверенностью признать сохранение, даже в позднее время, тех компонентов и той организации культа, которые присутствовали уже в архаическую эпоху. Так, имея сведения об основных, составляющих святилище элементах, мы можем, в случае находки нового, сильно разрушенного храма, реконструировать его недостающие части. Это относится не только к архитектуре храма, но и ко всему его убранству, включая и реконструкцию того набора предметов, который должен в нём находиться. Но также мы можем судить и о примерном составе священнослужителей, и о чине службы в храме того же культа, который находился в соседнем городе, или даже в соседней стране. Тот известный факт, что создание Александрийского Мусея было заслугой учеников Аристотеля, а они, как оказалось, были членами религиозного союза, в свою очередь сложившегося под сильным влиянием мусического союза философов платоновской Академии, позволял по-новому проследить сложившуюся цепь: Академия – Ликей – Александрийский Мусей. На это «вдохновил» классиков в начале 1880-х годов У. фон Виламовиц-Мёллендорф в монографии, посвященной жизни и творчеству Антигона Каристийского. Александрийский Мусей, по его мнению, был слепком с Мусеев классических Афин, а его союз, был подобен мусическому союзу платоников, священнодействовавших у Конного холма, рядом с Академией, где росла олива, пустившая корни от ростка посаженной самой богиней-покровительницей полиса оливы Акрополя: «Культовые формы, руководство, общие символы, учебные лекции, коллекции – всё это уже имелось в той почве, из которой он вырос в течение столетия, и значительно умножилось; Птолемеи и Деметрий [Фалерский] показали вполне свой достойный восхищения организаторский талант, однако затмившее весь мир древо александрийской учёности есть всего лишь побег от священной оливы у Конного холма в Афинах»⁴².

То есть, именно культ Муз, по Виламовицу, был объединяющим началом для разных философских школ, соревнующихся между собой. Каждая из школ, две афинские и александрийская, представляла собой фиас (θίασος), священный союз, имеющий прототипом фиасы, первоначально сложившиеся для почитания бога-Мусагета Диониса, ведь философия прямо относилась платониками, а до них пифагорейцами, к мусическим искусствам. Не случайно Платон вложил в уста Сократа фразу, услышанную мудрецом в вещем сне и уже упомянутую нами выше, когда речь шла о флорентийских гуманистах, объединившихся в новую Академию: «...видел я не всегда одно и то же, но слова слышал всегда одинаковые: „Сократ, твори и трудись на поприще Муз“... и это сновидение внушает мне продолжать моё дело – творить на

⁴¹ Parthey G. Das Alexandrinische Museum... S. 60.

⁴² Wilamowitz-Moellendorff U. von. Antigonos von Karistos. – Berlin, 1881. S. 291.

поприще Муз, ибо высочайшее из искусств – это философия, а ею-то я и занимался» (Phaed., 61a. Перевод С. П. Маркиша).

Увлечённый идеей существования античных философских фиасов, французский исследователь Пьер Буайанс выпускает в конце 1930-годов поныне цитируемый и обсуждаемый труд на эту тему⁴³. Культовые начала греческой философии прослеживаются там от легендарных орфических фиасов. Затем автор ведёт нас к пифагорейцам, от них – к платоникам, перипатетикам, стоикам, и даже эпикурейские союзы, в силу того, что Демокрит и Эпикур, утверждая невмешательство богов и богинь в земные дела, всё же призывали чтить их и поклоняться им, рассматриваются как религиозные объединения. Буайанс подкрепляет свои выводы всем доступным ему эпиграфическим материалом, ссылаясь на многочисленные надписи, где в том или ином контексте упоминались Музы.

Поскольку союзы служителей Муз представляли собой религиозные объединения, возникшие на основе почитания общих богинь, можно было, сопоставляя имеющиеся данные, определить характер связей между людьми, объединявшимися для служения Музам, найти принципы их организации, выявить круг тех творческих профессий, которые оказались вовлечёнными в мусический культ. Однако исследователи сразу же наткнулись на целый ряд трудностей, в конечном итоге помешавших реализовать открывшиеся возможности.

Затруднение вызвало уже определение статуса мусического сообщества. Оно не похоже на традиционный θίασος, так как данная форма религиозной организации имела чётко зафиксированный устав и строгую дисциплину, что отразилось бы в эпиграфике. Это наименование встречается у Аристофана (Thesm., 39–42), но в применении не к смертным, а к самим Музам (θίασος Μουσών). У Филона Александрийского (Quod omn. prob. I, 2) и Филодема (Ind. acad. col. XXXVIII, 41 = P. Herc. 164, 1021), писавших, соответственно, о пифагорейцах и школе Платона, встречаются термины συνθιασώται и θίασος, но именно по отношению к этим философским школам в целом, на тот период, когда они действительно стали превращаться в элитарные религиозные объединения. Школы включали в себя учеников, которые не были постоянными членами Мусеев, следовательно, такие наименования как пифагорейцы, академики, перипатетики – нельзя автоматически переносить на тех, кто внутри данных школ осуществлял поклонение Музам, тем более что Мусей далеко не всегда обслуживали представители только одного учения.

Кроме того, и сами Мусеи, как оказалось, имели большие различия в статусе и организации. Мусеи, весьма широко распространённые в эллинистическое и римское время, входили в круг учреждений повседневной культурной жизни греческих полисов, эллинистических монархий и римских провинций. Но это могли быть и целые священные долины, и малые городские Мусеи, и священные участки Муз в школьных двориках и садах, и частные семейные Мусеи.

Возможно, это многообразие ещё более «смутило» исследователей, и прибегая к сравнительному анализу, они использовали не весь большой список античных Мусеев, а брали только те, что непосредственно предшествовали Мусею в Александрии и в наибольшей степени походили на него, а именно – Мусеи в Ликее и в Академии (их влияние не вызывало сомнений), добавляя к ним, иногда, Мусей на о. Фера. И, конечно же, сравнительный ряд открывала беотийская долина Муз.

Эдвин Мюллер-Граупа в обстоятельной статье Museion для Real-Encyclopädie начинает с этого древнейшего святилища, показывая путь мусической религии от природы к культуре, совершавшийся по мере развития античной городской жизни⁴⁴. Жорж Ру, французский архео-

⁴³ Boyancé P. Le culte des Muses chez les philosophes grecs. – Paris, 1937.

⁴⁴ Müller-Graupa E. Museion // Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Bd. XVI (31 Hbbd.) – Stuttgart, 1933. Sp. 797–821.

лог, много лет занимавшийся раскопками в долине Муз, спустя два десятилетия расширяет список, сравнивая беотийскую долину с аналогичными архаическими святилищами в Пимплеиде, Лейбадеиде, у подножья Олимпа и Лейбетрона, упоминая Мусей на склоне горы Фурий (*Plut. Sull.*, 17), и отделяя от священных долин более поздние городские Мусеи, такие как пифагорейский Мусей в Таренте, сведения о котором есть у Полибия (VIII, 27, 29), или небольшой храм Муз ($\nu\alpha\delta\varsigma\ \omicron\upsilon\ \mu\acute{\epsilon}\upsilon\alpha\varsigma$) в Теспиях возле агоры (*Paus.*, IX, 27, 1–6; *Strab.*, IX, 2, 25, C410), иногда неправомерно отождествляемый с главным святилищем на склоне Геликона. Это отождествление возникло как по причине территориальной близости (от Теспий до долины Муз всего несколько километров), так и потому, что в долине в эллинистический период строится стометровая стоя с ионической колоннадой, более привычная для города, чем для горной местности, посвященной Аполлону и Музам⁴⁵. Показав два типа античных Мусеев, Ж. Ру кратко констатировал близость святилищ Академии и Ликейя ко второму, городскому типу и остановился как бы «на пороге» Александрии.

Тройственная связь Академия – Ликей – Александрийский Мусей прослеживается и в ряде наших отечественных антиковедческих статей и монографий. Их обзор мы дадим отдельно.

Между тем в середине XX века внимание учёных вновь сосредоточилось на Александрийской Библиотеке, чему также немало способствовали успехи археологии, становление которой, как известно, ведёт отсчет времени от раскопок Помпей и Геркуланума. Когда о библиотеках древних писал Юст Липсий, он принимал за истину мифического фараона Осимандуя, или же использование в качестве материала для письма кишечника дракона (*Draconis intestinum*). Смутным было представление о том, как выглядели книги на папирусе и как они хранились. Находки на вилле Папирусов в Геркулануме, которую раскапывают с 1750 года, с перерывами, вплоть до нынешних дней, выявили не только почти две тысячи свитков, среди них – труды эпикурейца Филодема, но и фрагменты деревянных шкафов с инкрустациями, где хранились эти свитки. И подтвердили сведения о том, что древние библиотеки были ещё и мемориалами писателей и философов, так как украшались их бюстами и статуями, и о том, что при них складывались кружки интеллектуалов, возглавляемые каким-нибудь знаменитым мужем (в данном случае, возможно, самим Филодемом).

Затем последовали открытия египетских папирусов со многими считавшимися утраченными навсегда произведениями, выписками из авторов, риторическими упражнениями и хозяйственными документами. В руки филологов попали, наверняка присутствовавшие в собрании Александрийской Библиотеки, «Афинская политая» Аристотеля, речи Гиперида, мимиямбы Герода (Геронда), в одном из которых Мусей называется сокровищем Птолемея (*Herod. Mim.* I, 31). Были найдены записи управляющих царскими поместьями в Фаюмском оазисе (доходы этих поместий были одним из главных источников финансирования Мусея и Библиотеки). Удалось полностью воссоздать весь процесс изготовления папирусных свитков, и многое узнать о статусе и профессиональных навыках царских писцов и переписчиков рукописей.

Одновременно были изучены сохранившиеся архитектурные фрагменты античных библиотек, позволившие сделать вывод о типологической близости этих зданий, и следовательно, хотя бы приблизительно представить облик царской Библиотеки в Александрии. Речь идёт, прежде всего, о библиотеке Адриана в Афинах, библиотеке Цельса в Эфесе, библиотеке Атталидов в Пергаме и более поздней библиотеке в Тимгаде (*Colonia Marciana Traiana Thamugas*).

Самым большим по объёму, как по количеству страниц, так и по информативности, стал посвящённый Александрийской Библиотеке труд американского исследователя Эдварда Александера Парсонса, вышедший вскоре после Второй Мировой войны. Автор, страстный библио-

⁴⁵ Roux G. Le val des Muses et les Musées chez les auteurs anciens // BCH An. 78 (1) – Paris, 1954. P. 22–48.

фил, всю жизнь собиравший редкие книги, рукописи, документы, и занимавшийся историей книжного дела и книгопечатания, уже в заглавии выразил своё восхищение собирательской активностью древних: *The Alexandrian Library, Glory of the Hellenic World*. К тому же Парсонс принадлежал последнему поколению западных интеллектуалов, получивших традиционное классическое образование, стремительно клонившееся к упадку в век революций и мировых войн. Его книга, которую упрекали в старомодности и субъективности в анализе, захватывает не только подробным изложением материала, но и хорошим литературным стилем, что делает материал доступным широкой публике. Она выдержала несколько изданий, последнее – посмертно⁴⁶, и, несмотря на критику, её и поныне отмечают во всех серьёзных публикациях по эллинизму.

В первой части Парсонс даёт предысторию библиотечного дела в Греции, а также, дабы преодолеть информационные лакуны, привлекает сведения о соперничавших с Александрией библиотеках Пергама и Антиохии-на-Оронте.

Во второй и третьей части говорится о строительстве Александрии и культурном своеобразии города, как посредника между Западом и Востоком. Именно желание объединить народы и культуры лежит, по Парсонсу, в основании плана, задуманного Александром Великим и осуществлённого совместными усилиями Птолемея I Сотера и его главного советника Деметрия Фалерского; Парсонс подчёркивает космополитизм последнего, он поистине *man of the world*⁴⁷. И далее, преодолевая бытовавший до него европоцентризм, Парсонс выделяет два собрания книг, хранившихся в Библиотеке на равных началах. Книги греческие соседствовали там с обилием переводов, раскрывающих мудрость египтян, вавилонян, ассирийцев, финикийцев, евреев, сирийцев и индийцев. Переводческий труд был столь же важен, как и собиране, хранение, классификация, издание и копирование текстов.

Плюс такая специфическая деятельность, как создание канонов, фиксация лучших произведений в качестве образцов, обязательных для образования и подражания. Этот творческий процесс продолжался до Цезаря, затем, при римлянах, пошёл долгий и мучительный процесс упадка (*destruction*), которому уделена вся заключительная, четвёртая часть. Повествование доводится до первых халифов, хотя Парсонс критически относится к легенде о сожжении книг халифом Омаром: к моменту прихода арабов Библиотека фактически уже перестала существовать. Позже эта тема станет болезненной для арабских историков. На фоне распада колониальной Британской империи и египетской революции 1952 года они будут утверждать невиновность праведного халифа и указывать на несравнимо более высокую, чем в средневековой Европе, книжную культуру мусульманского мира.

Хотя Парсонс декларирует нерасторжимую связь Библиотеки и Мусея, основанных единовременно, собственно Мусею уделено столь мало места, что он кажется небольшим придатком к колоссальному книгохранилищу. Он был частью «культурного» комплекса, примыкающего к Библиотеке (*its adjuncts*), включавшего также театр и царские сады, и был связан с ними «величественными колоннадами из редких пород мрамора»⁴⁸. Облик Мусея и Библиотеки по-прежнему рисуется больше интуитивно, чем на фактическом материале, так как в 50-годы XX века, в отличие от Эфеса, Пергама, долины Муз, археологические изыскания в Александрии были ещё в зачаточной стадии. Да и позже, хотя вторая половина столетия принесла много

⁴⁶ Parsons Ed. Al. *The Alexandrian Library: Glory of the Hellenic World. Its Rise, Antiquities and Descriptions*. 3-d print. – N. Y.: Amer. Elsevier, 1967. Первое издание: London: Cleaver-Hume Press, 1952. Так получилось, что это издание оставило «в тени» появившуюся через два года публикацию лекции В. Л. Вестермана, американского исследователя, много лет занимавшегося птолемеями папирусами. Лекция была прочитана в холле университета в Александрии, но, несмотря на то, что предназначалась студентам и широкой публике, заслуживает внимания, поскольку подробно освещает последние века существования Библиотеки: Westermann W. L. *The Library of Ancient Alexandria*. – Alexandria, 1954.

⁴⁷ Parsons Ed. Al. *The Alexandrian Library*... P. IX.

⁴⁸ Op. cit. P. 56.

сенсационных открытий, часто неожиданных и нарушающих сложившиеся представления об эллинистическом городе, следов Мусея и Библиотеки так и не было обнаружено.

В дальнейшем мы постараемся использовать археологический материал как можно более полно, обращаясь не только к обобщающим результатам раскопок монографиям, но и к периодике, и к Интернету. Несмотря на то, что за полтора столетия изысканий археологов в Александрии не найдено ни одного фрагмента, который они рискнули бы достоверно отождествить с Мусеем и Библиотекой, есть возможность, по крайней мере, представить их внешнее, сакральное и светское окружение. Сделать это можно на основе хорошо изученных руин Большого Серапея, к которому примыкает стена римского стадиона, на основе фундаментов храмов Посейдона и Божественного Цезаря, на основе римского Одеона и расположенной рядом виллы Птиц, построенных при императоре Адриане, и, наконец, на основе мозаик и пластики, найденных на предполагаемом месте царских дворцов. Пока же будет достаточно дать общую картину, рассказав об основных этапах археологических изысканий.

Началом египтологии считается основание Наполеоном Бонапартом⁴⁹ в оккупированной французами Александрии учреждения, наименованного L'Institut d'Égypte, первое заседание которого состоялось 23 августа 1798 года (6 фруктидора VI года Республики по принятому тогда революционному календарю). Но для Александрии, если исключить случайные находки французами Розеттского камня и камеи Августа в Пелузии, более знаковым является мероприятие другого Бонапарта, – Наполеона III. Желая написать историю своего кумира Юлия Цезаря, император инициировал первые масштабные топографические исследования города, дабы иметь точное представление, как разворачивались события известной по «Запискам» Цезаря Александрийской войны.

По его просьбе, правитель Египта Исмаил-Паша поручил своему лучшему инженеру, преподавателю Политехнической школы в Каире (основанной великим дедом этого правителя Мухаммедом Али в порядке «вестернизации» страны) составить карту древней Александрии. Этим инженером был Махмуд Бей ал-Фалаки, воспитанник парижской Ecole des Arts et Métiers, проявивший себя и в качестве математика, астронома, а впоследствии – министра просвещения Египта.

Александрия тех лет, чьи дома строились прямо на античных фундаментах, не менявшая своей планировки со времён арабского завоевания, была тщательно обмерена, изучена в сопоставлении с текстами Цезаря и Страбона. Как результат, император Франции получил карту-реконструкцию в масштабе 1:10 000. Вскоре в Париже были изданы комментарии к ней⁵⁰, и учёный мир Европы пользовался этими материалами почти столетие.

При последующих изданиях карты контуры древних улиц и зданий, нарисованные Махмудом Беем, обычно накладывали на чёрные линии кварталов XIX столетия. Стало очевидным, что Александрия когда-то распространялась далеко на восток за пределы средневековых арабских укреплений. Махмудом Беем была частично реконструирована старая береговая линия и показаны очертания ушедших под воду дамб и островка Антирродос. Библиотеку Махмуд Бей помещает на набережной, Мусей – к юго-западу, в результате чего они оказы-

⁴⁹ Во время египетского похода Наполеон черпал сведения о стране из книги «Путешествие по Египту и Сирии», автором которой был ориенталист, философ и вольнодумец, отрицавший земное бытие Иисуса Христа, Франсуа Вольней. Египту посвящён весь первый том. Вольней начинает своё описание с Александрии, но лишь кратко перечисляет уже известные памятники. Его гораздо больше восхитили сирийские развалины Пальмиры и Баальбека. Эта книга Вольнея, выдержавшая много изданий, равно как и другие его сочинения, создавшие романтический ореол вокруг древних руин, повлияли на принципы их музеефикации, которая традиционно осуществляется без «новодела», с сохранением фрагментарности разрушенного временем памятника. Наиболее читаемым было не первое издание «Путешествия», которое держал в руках Наполеон, а более позднее, вышедшее в Париже уже после возвращения к власти Бурбонов: Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Égypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785. T. 1. – Paris, 1822.

⁵⁰ Memoir sur l'antique Alexandria ses fauxbourgs et environs, découverts par les fouilles, sondages, nivellements et autres recherches faits d'après les ordres de S. A. Ismail Pasha par Mahmoud Beg Astronome de S. A. – Paris, 1867.

ваются разделёнными главной улицей города, что сразу же вызвало сомнения и полемику⁵¹. Рядом с Мусеем, вплотную оказывается Сома (в других источниках – Сема), мавзолей Александра Македонского. Махмуд Бей был уверен в истинности предания, будто бы она стояла на месте нынешней мечети пророка Даниила. Он лично спустился в крипту мечети, измерил её и нашёл, что объём подземной залы был достаточен для усыпальницы⁵². Это мнение также породило полемику, продолжающуюся по сей день.

Помимо двух спорных моментов (разделение Мусея и Библиотеки, и локализация гробницы Александра), следует учитывать и то обстоятельство, что карта Махмуда Бея запечатлела античный город на последней фазе его существования – в позднеимперское и ранневизантийское время. Александрия неоднократно восстанавливалась римлянами после нанесённых ими же ран, а после торжества христианства могли быть нарушены и границы священных участков языческих храмов, на что римляне вряд ли решались до IV века. Как выяснилось недавно, город заново отстраивался ещё в 620-е годы, при императоре Ираклии, на короткое время отвоёвавшем его у персов, чтобы вскоре уступить арабам. Тем не менее, реконструкция Махмуда Бея и сегодня остаётся основанием всех последующих планов, корректируемых по мере появления новой информации.

Изыскания Махмуда Бея проводились ещё «на поверхности» города. Археологи, увлечшись раскопками египетских памятников времени фараонов, пока что мало внимания уделяли греко-римским древностям. Но вот в 1893 году, уже после британской оккупации, создаётся Archaeological Society of Alexandria, или, как гораздо чаще называли её сами англичане, поскольку французский тогда ещё безраздельно доминировал над английским в качестве языка международного общения: Société Archéologique d'Alexandrie. На французском же долгое время выпускались и отчёты деятельности сообщества. Годом ранее был открыт публическому Греко-Римский музей, руководство которым много лет осуществляли итальянцы – Джузеппе Ботти, затем Эваристо Брекчия и Ахилле Адриани. Поочерёдно они, вплоть до начала 1930-х (после чего работу продолжил англичанин Алан Роу), вели раскопки на обширном пустыре в южной части города, над которым возвышалась тридцатиметровая колонна асуанского гранита с коринфской капителью, приписываемая Гнею Помпею, а на самом деле воздвигнутая Диоклетианом в 297 году от Р. Х. в качестве памятника победы над мятежными александрийцами. Под ней была вскрыта почти такой же высоты каменная терраса, бывшая основанием большого храма Сераписа. Её арочные своды перекрывали большие помещения, где, скорее всего, размещались читальные залы и хранилища второй крупнейшей библиотеки античного города. Сам храм, посвящённый синкретическому божеству, общему для эллинов и египтян, как показали раскопки, имел вполне греческий облик (как и обнаруженное рядом малое святилище другого синкретического божества – Гарпократа). О египетском влиянии напоминали лишь стоящие на террасе фигуры гранитных сфинксов. Прямоугольной формы теменос (священный участок), к которому вели две каменные лестницы, имел за глухими наружными стенами просторные портики, обрамлённые стройными колоннами. В центре, рядом с открытым жертвенником, стоял окружённый такими же гранитными колоннами типичный для античной архитектуры периптер.

Выборочные раскопки, одновременно проводившиеся в Эль-Шатби, на месте царских дворцов, также выявили, ставшие экспонатами Греко-Римского музея, совершенно греческие по исполнению капители ионических и коринфских колонн, памятники пластики и многочисленную керамику. Это надолго укрепило археологов в их убеждении, что Александрия была типичным эллинистическим городом, с некоторыми вкраплениями традиционного еги-

⁵¹ Kiepert H. Zur Topographie des alten Alexandrien // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Herausgegeben von Prof. Dr. W. Konec. Bd. VII. – Berlin, 1872. S. 346.

⁵² В 1888 году в Александрию прибыл знаменитый Генрих Шлиман, уверенный, что сможет отыскать гробницу, но так и не получил разрешение властей копать на территории мечети.

петского искусства. Широкой публике в 1910-е годы было представлено иллюстрированное издание находок немецкой экспедиции Эрнста фон Зиглина⁵³, изображённые на его страницах предметы тоже, вроде бы, говорили о полном преобладании в облике города греческого начала. И самый популярный путеводитель по городу и залам Греко-Римского музея, написанный Эваристо Брекчия перед Первой Мировой войной и многократно переиздававшийся на французском и английском языках, был назван не «Александрия Египетская», но так, как именовали город античные авторы: *Alexandria* (на обложке книги – *Alexandrea*) *ad Aegyptum*⁵⁴, то есть, Александрия «при» Египте, «возле», «вблизи» Египта.

Однако, когда Джузеппе Ботти и Эрнст фон Зиглин стали исследовать катакомбы в Ком эль-Шохафа, перед их глазами предстали удивительные гибридные формы погребального искусства первых веков нашей эры. Росписи и барельефы подземных камер представляют собой причудливое смешение египетских и греко-римских мотивов: на стенах посетителей встречают быки-Аписы, священные кобры и соколы, но своды поддерживаются колоннами дорического ордера (и тут же, рядом – колонны с египетскими капителями). Особенно странно и пугающе выглядят статуи Анубиса в доспехах римских легионеров. На первых порах эту эклектику сочли курьёзом, но позже выяснится, что именно так украшали и городские ансамбли, по крайней мере, со времён Клеопатры VII.

В 1920-е и в последующие годы, когда страна формально освободилась от английского протектората и уже под эгидой монархической власти начала функционировать *Royal Archaeological Society*, внимание археологов отвлекали Долина Царей, Фаюмский оазис, Оксиринх и гробницы в Нубии. А в годы Второй Мировой войны, когда в июле-октябре 1942 года боевые действия велись вблизи Эль Аламейна, всего в ста километрах от Александрии, тем более трудно было ожидать в городе каких-либо археологических сенсаций. Они последовали лишь после революции 1952 года, свергнувшей монархию.

Революционные власти выслали из страны много лет работавших там европейских учёных. Иные уехали сами, опасаясь беспорядков. Вакуум тут же заполнили выходцы из социалистических государств, причём, если среди инженеров преобладали граждане СССР и ГДР (правительства этих стран не очень охотно выпускали склонных к диссидентству гуманитариев даже к дружественным арабским соседям), археологические изыскания возглавили венгры и поляки.

С 1959 года функционирует египетский филиал Польского центра средиземноморской археологии, и целых полвека польские археологические экспедиции осуществляют раскопки в районе Ком эль-Дикка, где теперь открыт самый посещаемый туристами *Open Air Museum*. Результаты, полученные многолетними трудами таких авторитетов польской археологической науки, как Казимир Михаловский, Мечислав Родзиевич, Гржегорш Майчерек (прославившийся, также, раскопками в Пальмире) и других, оказались совершенно неожиданными.

Согласно реконструкции Махмуда Бея ал-Фалаки тут должен был находиться Паней – святилище Пана, описанное Страбоном (XVII, 1, 10, С795). Вместо этого археологи (а до них расчищавшие там площадку строители) наткнулись на хорошо сохранившуюся постройку римского времени, которую первоначально отождествили с театром, но потом, ввиду малых размеров и особенностей конструкции, сочли, что это Одеон, то есть камерный открытый зал для

⁵³ Expedition Ernst von Sieglin. Ausgrabungen in Alexandria. Bd II. Die Graechische-Ägyptische Sammlung Ernst von Sieglin. – Leipzig, 1913.

⁵⁴ *Alexandrea ad Aegyptum. Guide de la ville ancienne et moderne et du musée Gréco-Romain* par E. Breccia. – Bergamo, 1914. В 1922 году путеводитель был переиздан на английском языке. В нём присутствует, в частности, совершенно несоответствующая реалиям, но до сих пор часто публикуемая реконструкция Александрийского Маяка (р. 92). Достоинство книги – широкий исторический и культурный фон, на котором показана жизнь птолемеявской и римской Александрии. Мусею и Библиотеке уделено по одной странице (р. 36–38), при этом, Мусею даётся эпитет: *Universités d'Occident*. Карта (р. 57) почти полностью воспроизводит карту Махмуда Бея. Очень подробно дано описание коллекций Греко-Римского музея на тот период его существования.

пения, прямо связанный с мусическими агонами. Радиоуглеродный анализ не мог дать абсолютно точной датировки, но, скорее всего, это был период правления Адриана. К нему же (117–138 гг. от Р. Х.) относится строительство рядом расположенных римских бань и роскошной виллы, по изображениям мозаичных полов именованной виллой Птиц. Возможно, возведение Одеона стало одним из тех благодеяний, которые римский правитель оказывал Александрии и её Мусею, стремясь возродить прежнюю насыщенность интеллектуальной и творческой жизни города, а вилла могла служить временной резиденцией императора. В начале XXI века Одеон, отреставрированный архитектором Войцехом Колатаем, снова принял поклонников музыки и пения, став местом проведения концертов.

Одновременно, не прерывая работ на Ком эль-Дикка, М. Родзиевич обнаружил возле мечети Эль Каед Ибрагим (там, где в феврале 2011 года многотысячные толпы александрийцев собрались на митинг, требуя ухода Хосни Мубарака) фундаменты храма Посейдона. Позже находят своды храма Цезаря. Эти постройки, как и Одеон, сохранили следы многочисленных изменений христианской эпохи. Одеон, перекрытый кирпичным куполом, стал христианским храмом, хотя внутри перекрытого пространства остались каменные скамьи. Та же судьба ждала Цезарей, превратившийся в кафедральный собор. На территории Серапея воздвигается церковь Иоанна Крестителя. На исходе столетия стало ясно, что город перестраивался, весьма затратно и капитально, вплоть до кануна арабского вторжения; целые кварталы меняли свой облик, что серьёзно понижало шансы найти в первоначальном виде постройки, перечисленные Страбоном. И ещё римские руины на время укрепили исследователей в их мнении, что Александрия имела обычный для греко-римского Средиземноморья облик.

Накопленный к началу 1970-х годов материал позволил оксфордскому профессору Питеру Маршаллу Фрейзеру, сопоставив новые данные с прежними письменными источниками, написать обобщающий трёхтомный труд, показывающий древнюю Александрию во всех проявлениях её повседневной жизни. Рассказать, насколько позволяли данные, не только об истории и архитектуре, но и о промышленности, торговле и морских портах, о быте царской семьи, аристократии, интеллектуальной элиты и рядовых горожан (включая еврейскую диаспору), о религиозных и светских праздниках⁵⁵. Два тома из трёх, при этом, представляют собой примечания и указатели источников, многие из которых процитированы, что делает книгу ценнейшим справочником (ссылки занимают более тысячи страниц).

Библиотека и Мусей рассматриваются в одной главе⁵⁶, на общем культурном фоне птолемеической столицы, как результат переходящего от одного правителя к другому царского патронажа. Не простого меценатства, но дела государственной важности, требовавшего больших казённых расходов. Благодаря постоянной царской заботе в Александрии на века был обеспечен расцвет науки, литературы и образования. По сравнению с другими эллинистическими монархиями эта забота приняла невиданный размах, по причине не столько характера властителей Египта, сколько в силу благоприятных политических и экономических обстоятельств: Птолемеи опередили других монархов, занятых междоусобными войнами, поскольку имели монополию на производство папирусных свитков и баснословные доходы от вывоза из страны хлеба.

Основание Мусея и Библиотеки, приписывается Птолемею I Сотеру, бывшему, вместе с Александром Македонским, учеником Аристотеля, и естественно, взявшему в качестве примера организацию школы перипатетиков. Последующая история освещена очень кратко, хотя автор «заглядывает» и в римское время. Интересен анализ существовавших в Римской дер-

⁵⁵ Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. V. 1–3. – Oxford, 1972.

⁵⁶ Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria. V. 1... P. 305–335.

жаве учреждений, подражавших птолемеевским (imitated elsewhere)⁵⁷. Затем следуют большие главы, посвященные литературе, науке, образованию, философии.

Фрейзер говорит и о культуре массовых зрелищ, связанных с религиозными церемониями и организуемых, по заказу царей, служителями Мусея. Охватываемое Мусеем пространство, таким образом, переходит границы священного участка и распространяется на всю городскую среду. Восстанавливая облик города, Фрейзер учитывает все прежние реконструкции, при этом он склонен видеть Мусей ближе к морю и рядом с Библиотекой. Его собственная реконструкция, базирующаяся на результатах раскопок, которые были получены к началу 1970-х, сохраняла актуальность в течение двух десятилетий, после чего новые археологические открытия заставили ещё раз пересмотреть сложившиеся представления.

После двух арабо-израильских войн, Шестидневной (1967) и Судного Дня (1973), Египет, покрыв себя в глазах арабских радикалов позором Кемп-Дэвидских соглашений, сделал резкий поворот от социализма к капитализму, и хотя польские археологи продолжали работать в стране, ведущая роль переходит к западным специалистам.

С самого начала 1990-х Александрия начала стремительно преобразоваться, застраиваясь стеклобетонными офисами, гостиницами и банками. Для их возведения стали сносятся трущобы, и археологам было разрешено работать на строительных площадках в течение пары недель между расчисткой места для строительства и закладкой фундамента.

Даже в такой спешке удалось немало сделать. Например, продолжить изучение Цезаря, дойдя, к сожалению, лишь до слоев, относящихся к IV веку от Р. Х. А непосредственно на месте строительства здания Новой Библиотеки найти фрагменты мозаичных полов птолемеевских дворцов.

Но основное внимание в эти годы было уделено изысканиям на дне Александрийской бухты.

Там пытались работать в 1930-е и в 1960-е годы, но результаты оказались малы ввиду тогдашнего несовершенства используемого водолазного снаряжения, первых аквалангов и аппаратуры для подводных съемок. В отличие от прозрачных вод остального побережья, вдоль которого город протянулся уже на сорок километров и где много прекрасных песчаных пляжей, воды бухты, опоясанной ещё при Птолемеях дамбами (главная, ведущая на Фарос, теперь стала перешейком почти километровой ширины), сильно замутнены, а дно покрыто илистыми отложениями. Порт переместился на Запад, за перешеек, поэтому бухта почти пуста; остались лишь рыбный рынок, да стоянка для прогулочных катеров и яхт возле турецкого форта Каит-Бей. Там, где в древности возвышался Александрийский Маяк.

Подводными исследованиями конца XX века руководили французские археологи Жан-Ив Амперер, профессионал-антиковед, выпускник Сорбонны, возглавивший учреждённый в 1990 году Центр исследований Александрии (Centre d'Études Alexandrines), и Франк Годдио, основатель и директор Европейского института подводной археологии (Institut Européen d'Archéologie Sous-Marine). Он, не в пример своему коллеге-гуманитарию Ампереру, изучал математику, экономику и статистику в парижской École Nationale de la Statistique et de l'Administration Économique, был преуспевающим чиновником. Но любовь к подводной археологии, в конце концов, превратилась для него из увлечения в профессию.

Под водой, на глубине до пяти метров, были обнаружены колоннады, опоясывающие когда-то Царскую гавань, многочисленные изваяния сфинксов, обелиски, статуи богов и правителей, саркофаги, монеты. На затопленной территории бывшего о. Антирродос археологи вскрыли фундаменты дворца Клеопатры VII и Тимония, резиденции Марка Антония. Самыми крупными находками стали извлечённые из воды две статуи: одна – божества реки Нил, другая – царя, как сочли в начале, Птолемея I Сотера. Теперь она отождествляется с образом Птолемея

⁵⁷ Op. cit. P. 811–812.

XII и считается парой к статуе Исиды или Хатхор, поднятой со дна ещё в 1962 году. В облике этой богини, предположительно, увековечена Клеопатра VII. Обе многометровые фигуры стояли у подножья Александрийского Маяка, фундаменты которого также выявили под водой, восточнее турецкого форта.

Больше всего удивил тот факт, что все артефакты, как скульптура, так и фрагменты зданий, были исполнены в совершенно египетской манере. Смущение, охватившее учёный мир, Ж. – И. Амперер выразил примерно так: он и его помощники ожидали открыть греческий город с египетскими вкраплениями, но обнаружили египетский город с вкраплениями греческой архитектуры⁵⁸. Та же мысль стала лейтмотивом итоговой монографии, предназначенной не только специалистам, но и всем, кто имеет интерес к античности. Уже её название отражало остроту нового восприятия: *Alexandrie redécouverte* (Александрия, открытая заново). Сразу же переведённая на английский, книга стала археологическим бестселлером⁵⁹. На её обложке читателю, для большей убедительности, показали гибридные колонны и фигуры ранее открытого в катакомбах Ком эль-Шохафа подземного зала, где, по преданию, были захоронены жертвы репрессий императора Каракаллы.

Под влиянием открытий на морском дне, в популярных статьях и в Интернете, появились фантастические реконструкции Александрии, где можно видеть греческих мудрецов, читающих свитки в зале Библиотеки, перекрытие которого держат египетские колонны с капителями в виде головы Исиды. Или какие-то совсем дикие здания на скалистом морском берегу, украшенные египетскими пилонами и завершённые башнями-пирамидами.

Между тем, когда прошла эйфория первых находок, археологи отказались от излишне радикальных суждений. Все предметы с морского дна датируются временем не ранее правления Клеопатры VII, которая осознанно проводила политику «египтизации» Александрии. Многие статуи и обелиски оказались привезёнными из древних городов и относятся к Новому Царству. Смешанные черты наблюдаются по большей части в памятниках погребального искусства, что объясняется не только заимствованием греками египетских обычаев, но и тем, что катакомбы находились на границе городского квартала, населённого преимущественно египтянами, погребавшими усопших согласно своим многовековым традициям. В культовой архитектуре, как доказывают и раскопанные фрагменты, и изображения многих храмов города на римских монетах, египетские и греческие мотивы не объединялись. Храмы египетским богам строились в исконно египетских формах, греческим богам – в греческих. Таким образом, египетское и греческое начала сосуществовали, выражаясь богословским языком, «неслиянно и нераздельно». Это доказывает и совсем недавнее открытие рядом с Одеоном храма египетской богине-кошке Баст (Бастет).

Из недавних же открытий отметим римский стадион, вплотную примыкающий к западной границе священного участка Серапея. Раскопки на месте строительства Новой Библиотеки, синхронно с продолжающимися подводными исследованиями восточнее Царской гавани, показали, что город претерпел ещё одну значительную реконструкцию, когда была построена набережная, обрамлённая гранитными колоннадами, благодаря чему появился сплошной проход от дамбы до Лохиады. Таким образом, александрийцы могли гулять по территории бывших царских дворцов, где тогда размещались уже римские государственные учреждения. Это строительство относится, как полагают, ко времени правления Александра Севера, правившего под сильным влиянием своей матери Юлии Мамеи и её учёного окружения – софистов, врачей, юристов, писателей, среди которых преобладали выходцы из Египта. Возможно, именно они убедили власть в необходимости восстановить город, пострадавший от репрессий Каракаллы.

⁵⁸ Empereur J. – Y. Diving on a sunken city // *Archaeology*. – N. Y., 1999. Nr. 2. March – April. P. 36–43.

⁵⁹ Empereur J. – Y. *Alexandria Rediscovered*. – L.-N. Y., 1998.

Работы захватили всю территорию, где могли находиться Мусей и Библиотека. А в 2004 году, возле Одеона, раскопки польских археологов (их возглавлял доктор Гржегорш Майчерек) выявили фундаменты целого комплекса зданий с просторными помещениями полуциркулярной формы, похожими на студенческие аудитории. Их число доходит до двух десятков. В каждом зале могло разместиться от двадцати до тридцати человек. Они явно предназначались для лекций и публичных чтений. Поспешные заявления о том, что, наконец, найдены Мусей и Библиотека, не соответствуют действительности, так как речь идёт об очень позднем времени, V–VI веках от Р. Х., когда уже господствовало христианство, и в Одеоне, ставшем церковью, под куполом, совершались богослужения. Но при строительстве использовались каменные блоки старых зданий, может быть, оставшихся от птолемеевского правления. Это место находится слишком далеко от побережья, а Мусей и Библиотеку, всё-таки, в большинстве своём, археологи и историки склонны видеть на морском берегу. Как бы то ни было, функционировавший в христианском городе, как одно целое с бывшим Одеоном, центр преподавания, скорее всего, богословия, говорит о том, что византийская эпоха вовсе не сводилась к сожжению библиотеки Серапея или к убийству фанатиками Ипатии Александрийской.

Что касается поднятых со дна статуй, то теперь они, довольно произвольно, выставлены на площадке перед чашей Одеона, совершенно не соответствуя своими египетскими обликами памятнику римской имперской архитектуры. Первоначальный проект создания для них отдельного музея, для чего думали даже осушить часть бухты, оказался слишком дорогостоящим. Как и другие проекты: организация музея прямо под водой (для чего фундаменты и колонны нужно расчистить от ила и установить подсветку), проведение экскурсий в бухте на миниатюрных подводных лодках, или же, что более экономично, устройство подводных остеклённых галерей для туристов. Революционные потрясения 2011 года прервали осуществление этих грандиозных замыслов.

На сегодняшний день самым полным обзором всех выявленных архитектурных сооружений города, от первых Птолемея до первых халифов (изложение доведено до 700 года), является книга историка античной архитектуры и реставратора Джудит Мак-Кензи. В ней застройка Александрии строго датирована по годам правления царей, императоров, префектов и патриархов, приведены фотографии и планы всех античных зданий в сравнении с памятниками других городов эллинистического и римского Египта, учтены даже небольшие фрагменты, выставленные на местах раскопок, или в парке возле Греко-Римского музея, дан подробный анализ специфики птолемеевского архитектурного стиля, который автор сравнивает с новоевропейским барокко. Но, к великому сожалению, не только достоверная реконструкция облика Мусея и Библиотеки (в книге лишь предлагается брать, в качестве её меньшего подобия, библиотеку Цельса в Эфесе), но и простая локализация их в пространстве пока невозможна: *its findspot does not provide reliable evidence*, как заключает автор⁶⁰.

К этой книге, если исключить богато иллюстрированные, но мало содержательные популярные издания, появившиеся после открытия Новой Библиотеки, следует добавить вышедший в канун того же знаменательного события коллективный труд, авторами которого являются ведущие учёные ряда университетов Австралии, во главе с профессором Роем Мак-Леодом, историком науки и музейного дела⁶¹. Там прослеживается связь интеллектуальной элиты Александрии не только с эллинским миром, он и с культурными традициями Ближнего Востока, в частности, рассказывается о древних библиотеках Египта и Месопотамии, предшествовавших птолемеевскому начинанию. Там показывается особый образ жизни этой элиты,

⁶⁰ McKenzie J. *The Architecture of Alexandria and Egypt 300 B. C. – A. D. 700.* – New Haven & London, 2007. P. 50. Александрийские гиды, сопровождающие группы туристов по античным развалинам, шутят: для того, чтобы найти Мусей, Библиотеку и гробницу Александра Македонского нужно всего лишь полностью снести весь современный город.

⁶¹ *The Library of Alexandria. Centre of Learning in the Ancient world.* Ed. by Roy MacLeod. With a foreword by Ismail Sebageldin. – Cairo, 2002.

хотя данная ей Робертом Барнсом характеристика *Cloistered Bookworms in the Chicken-Coop of the Muses* (Книжные черви, запертые в курятнике Муз), основанная на фразеологии древней эпиграммы Тимона Флиунтского, кажется, мягко говоря, преувеличенной. Специальные главы посвящены истории образования в Александрии и зарождению таких социальных групп как *scholars* и *students*.

Выделим ещё две большие публикации, рассказывающие о судьбе Библиотеки, о пожарах и погромах, уничтоживших крупнейший во всём Древнем Мире центр просвещения и интеллектуального общения. Первая – монография Лучиано Канфора, профессора университета в Бари⁶², «реабilitирует» Цезаря, доказывая, что Библиотека просуществовала ещё, по меньшей мере, триста или четыреста лет. Автор, кроме того, убеждает читателя (это крайне для нас важно), что Библиотека никогда не была самостоятельным учреждением, но всегда оставалась храмовой библиотекой при святилище Муз. Вторая – книга арабского учёного Мустафы Эль-Аббади, профессора университета в Александрии, президента *Archaeological Society of Alexandria*⁶³, столь же убедительно переносит ответственность за гибель книг с арабских завоевателей на императоров Рима, но не на Юлия Цезаря и его первых просвещённых преемников, а на «солдатских» императоров III века от Р. Х.

Наконец, отметим недавнюю статью профессора Гёттингенского университета Хайнца Гюнтера Нессельрата⁶⁴, в которой даётся краткий очерк всей истории Мусея и Библиотеки, но наибольший интерес представляет освещение позднеимператорского периода. Там прослеживается история погрома, учинённого Каракаллой в 215 г. от Р. Х.

В нашем обзоре мы ограничиваемся самыми авторитетными трудами зарубежных учёных, где Мусей и Библиотека были главными объектами изучения, добавив к ним лишь те, что показывают пространственный облик древней Александрии. Говорить о многочисленных исторических, филологических, культурологических исследованиях, которые рассматривают эти культурные феномены в ряду общих проблем, нецелесообразно даже в объёмном Введении, поскольку тогда библиографический обзор занял бы не десятки, а сотни страниц.

Переходя к отечественной литературе, отметим совершенно противоположную картину: у нас нет монографий, специально посвящённых истории Мусея и Библиотеки, но о них, более или менее подробно и объективно, писали в энциклопедических изданиях и в общих трудах по эллинизму, по истории античной науки и литературы, по тем персоналиям, чьи судьбы были как-то связаны с Мусеем, если не в течение всей жизни, то, хотя бы, в определённые её периоды.

Дореволюционные издания содержат по этому предмету не так много оригинальных идей, поскольку в то время у нас безраздельно господствовал авторитет немецкой школы классической филологии. И российские филологи предпочитали приводить мнения своих коллег, благо, немецкий язык был для них почти родным, занимая второе место после французского в чтении и интеллектуальном общении. При этом наша страна к концу XIX не уступала Германии по уровню классического образования: во всех провинциальных городах гимназисты читали в подлинниках античных авторов, классической филологией серьёзно занимались и во всех провинциальных университетах.

⁶² Canfora L. *The Vanished Library: A Wonder of the Ancient World* (*Hellenistic Culture and Society*). – University of California Press, 1990.

⁶³ El-Abbadī Mostafa. *Life and Fate of the Ancient Library of Alexandria*. 2nd edition. – Paris, 1992. Обзор различных мнений о судьбе Библиотеки в классической европейской и мусульманской литературе, их сопоставление, дано в опубликованной в том же году статье Дианы Дельи: Delia D. *From Romance to Rhetoric: The Alexandrian Library in Classical and Islamic Traditions* // *ANR* Vol. 97, 1992. P. 1449–1467. По словам автора, печаль о судьбе Библиотеки породила в европейской интеллектуальной традиции своеобразную преувеличенную «песнь скорби» (*mourning romance*) о ней.

⁶⁴ Nesselrath H.-G. *Das Museion und die Große Bibliothek von Alexandria* // *Alexandria* (Comes 1). Hrsg. Tobias G., Albrecht F., Feldmeier R., Kaden M., Martsch Ch. – Tübingen, 2013. S. 65–88.

Первое исследование, в части своей касающееся интересующих нас проблем, вышло не в столице, а в губернском городе Харькове, городе гимназической юности А. Н. Деревницкого, где затем он учился и преподавал в местном университете. Там этому выдающемуся учёному, в 1891 году, была присуждена степень доктора греческой словесности за труд, рассказывающий о зарождении филологической науки в античной Греции и на всём грекоязычном Средиземноморье. Исследование А. Н. Деревницкого озаглавлено «О начале историко-литературных занятий в древней Греции».

Точнее, речь у А. Н. Деревницкого идёт ещё не о науке (и это отражено в названии книги), но об учёных занятиях, связанных с необычным для нас стимулом религиозного характера, а именно – со знаменитыми ἀγώνες Μουσικοί, бывшими главной составляющей богослужений в честь Муз, и на определённом этапе потребовавшими не просто фиксации их результатов, но и критического разбора создаваемых для праздников произведений. Более того, сама атональная культура стала предметом изучения, породив жанр, определяемый как «геортологические исследования» (от ἑορτή, праздник). А. Н. Деревницкий тщательно фиксирует следы этой некогда обширной литературы, большей частью сохранившейся лишь в виде цитат, пересказов и названий.

Второй важный для нас момент – становление библиотечного дела. Первые общественные библиотеки рождались из храмовых коллекций, объединивших рукописные оригиналы, их критические разборы и оценки, и различные исторические документы. Частные собрания книг (библиотеки двух самых известных греческих тиранов – Поликрата Самосского и Писистрата Афинского), либо были доступны лишь их близким друзьям, либо, как в случае с книгами Писистрата, сделались общественным достоянием после передачи их храму Афины. Не исключением была и Александрийская Библиотека, возникшая именно при святилище Муз.

Литературоведческим занятиям александрийцев уделена добрая половина книги (в 1890 году главы по Музею и Библиотеке, включённые в диссертацию, выходили отдельным изданием, под названием «Музей и библиотека Лагидов в Александрии»). Всё, что имело место прежде, именуется доалександрийским периодом. Музей (в тексте дано такое написание, причём – с большой буквы, как традиционно пишутся названия греческих храмов, поэтому не возникает отождествления с музеями Нового Времени) и Библиотека Лагидов рассматриваются как одно целое, опирающееся на сакральное основание. Учёным Музея досталась «... чёрная и неблагодарная работа медленного и кропотливого упорядочения и постепенного очищения птолемеевского книгохранилища, и они не остановились перед нею... и после нескольких десятков лет неутомимых усилий успели извлечь из этих рукописей с редкою полнотой и обстоятельностью обильный материал для систематической истории греческой литературы»⁶⁵.

Такое сужение функций Мусея несколько не снижает значимости исследования. Оно неизбежно в силу имеющих чёткие границы филологических интересов автора, подводящего читателя к реконструкции утраченного произведения Каллимаха «Таблицы» (Πίνακες), которые и были, по мнению учёного, первым греческим историко-литературным трудом. От Каллимаха А. Н. Деревницкий переходит к его ученикам и последователям, выделяя важный для нас принцип «кружкового» объединения служителей Мусея. В данном случае это школа Каллимаха (οἱ καλλιμάχειαί).

Опубликованная малым тиражом диссертация, конечно, не могла способствовать популяризации культурного феномена Александрии, на то время больше соотносимого в сознании русской интеллигенции со святоотеческим наследием ранней Церкви. Но такую популяризацию с лихвой выполнила до сих пор самая читаемая у нас энциклопедия Брокгауза-Ефрона. Статья «Музей Александрийский»⁶⁶, напечатанная в 20-м томе малого и, одновременно, в 39-м

⁶⁵ Деревницкий А. Н. О начале историко-литературных занятий в древней Греции. – Харьков, 1891. С. 125.

⁶⁶ Обнорский Н. П. Музей Александрийский // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 20 (39). //

томе основного, большого тиража в 1897 году, принадлежит перу будущего профессора Пермского университета, а тогда ещё только начинавшего научную карьеру молодого филолога Н. П. Обнорского. За десять лет сотрудничества с издательством он напишет для энциклопедии более двухсот статей по античной истории и мифологии. Сжатый рамками энциклопедического издания, но очень содержательный очерк рисует нам Александрийский Музей как «государственное учреждение», сформировавшееся вокруг «капеллы Муз» на территории птолемеевских дворцов. Первоначальное число служителей, позднее увеличившееся, определяется в 50 человек (гораздо меньше, чем у Г. Партея). Музей образно называется «храмом науки», но автор выделяет в его истории два качественно разных периода, примерно совпадающие в своих временных границах с политическими переменами: при Птолемеях главная задача Музея была «двигать науку», а при римлянах на первый план выдвигается образовательная деятельность. Таким образом, Музей становится более похожим на университет. На первом этапе особенно велика была роль коллекций (зоологических, ботанических, анатомических) как материала для исследований, на втором – текстов Библиотеки, сначала независимой от Музея (?), но потом слившейся с ним.

Бросается в глаза разница в общей оценке Мусея. А. Н. Деревницкий не только фиксирует, но и подчёркивает его сакральный характер, соответствующий первому значению древнегреческого термина Μουσείον, означающего определённый тип храма. Н. П. Обнорский, видимо, отталкивается от другого значения слова (собрание, содружество, союз) и выделяет в Мусее научно-просветительское начало. Это союз учёных, лишь формально связанных с культом. Может быть на молодого филолога, которому не исполнилось и двадцати пяти лет, повлиял общий позитивистский настрой российского энциклопедического словаря, родственник его теперь уже далёкому во времени французскому предшественнику, детищу Дидро и д'Аламбера.

В послереволюционной России, по причине господствующего при коммунистической власти негативного отношения вообще ко всем формам религии, надолго возобладало именно мнение о формальной организации Мусея как святилища, тогда как его служители были заняты не культом, но тем, чтобы, по выражению Н. П. Обнорского, «двигать науку».

С. Я. Лурье, в замечательной книге о жизни и трудах великого Архимеда, где целая глава, повествующая о годах его ученичества, носит название «Александрийский Музей»⁶⁷, признаёт, что это было религиозное сообщество при храме Муз, но лишь «с юридической стороны». В действительности же в основе его организации лежала «гуманная» идея собрать в Александрии крупнейших учёных и поэтов и дать им возможность заниматься «чем каждый желает». Но впечатление подлинной свободы научной мысли, несмотря на блестящие открытия александрийских учёных, является обманчивым. В то время в нашей стране высшей школой античной науки и философии безоговорочно признавалась атомистика, и С. Я. Лурье, позднее собравший и опубликовавший все фрагменты из сочинений Демокрита, сетует на то, что учению этого мудреца не нашлось места в Александрии. Более того, там никто из учёных не проводил в своих сочинениях «материалистические взгляды». Поэтому в философии воцарился застой (неоплатонизм в 1940-е годы у нас вообще считался мракобесием). Аналогичный застой в «вырождающейся» александрийской поэзии, достоинством которой признаётся лишь её «изящество», объясняется банальной необходимостью льстить власти за её заботу о крове и питании. И только математика и астрономия оставались в городе Птолемея в «лучшем положении»⁶⁸.

<http://www.vchi.net/brokgauz> – (Библиотека «Вехи»).

⁶⁷ Лурье С. Я. Архимед. – М., -Л., 1945. С. 42–59.

⁶⁸ Подобная же оценка, выраженная уже не столь резко, имеется в сочинении А. Боннара, швейцарского франкоязычного учёного, придерживающегося хотя и не ортодоксально-марксистских, но социалистических взглядов. Его переведённая на русский язык «Греческая цивилизация» в 3-х томах, в начале 1960-х гг., была самым читаемым трудом по античности в кругах

Не ограничиваясь общей картиной александрийской науки и литературы, С. Я. Лурье останавливается и на персоналиях, показывая интеллектуальное окружение Архимеда. Кроме характеристик Эратосфена и Аристарха, нам интересен анализ сведений о своеобразных «научных агонах», которые практиковались математиками Мусея, и затем вновь вошли в моду в Новое Время. Например, такое состязание в решение математических задач имело место между Архимедом и Кононом.

В последующие десятилетия на роль религии в древних обществах наши учёные смотрели уже не так негативно. Кроме того, с конца 1950-х годов у нас большими тиражами выходили переводы античных авторов (по размаху переводческой деятельности мы, пожалуй, обогнали тогда все страны мира). Переводы и комментарии к ним стимулировали вновь вспыхнувший интерес к литературной критике античности. В 1975 году в печати появляется (после долгого перерыва, последовавшего за изданием книги А. Н. Деревницкого) коллективный труд на эту тему. Его редактор Л. А. Фрейберг была и автором ряда разделов, в том числе по истории литературной критики в Александрии⁶⁹. Там есть интересный материал о соперничестве двух школ – аналогии и аномалии, вписывающемся в общее русло агональных традиций античности.

Из исследований, раскрывающих такую специфическую тему как книжное дело в Древнем Мире, отметим вышедшую в 1976 году в Саратове десятитысячным тиражом (по тем временам мизерным), но вновь ставшую доступной благодаря Интернету, книгу В. Г. Боруховича⁷⁰. Несмотря на заявленный научно-популярный характер издания, на страницах, посвящённых Александрии, серьёзно разбирается проблема «чистых» и «смешанных» свитков Библиотеки (над ней бьются уже многие поколения филологов-классиков), приводятся все известные из источников данные о количестве книг, оцениваются различные версии о пожарах Библиотеки. Поэтому глава «Александрийская культура книги» превращается в самоценное исследование.

История александрийской науки подробно изложена в опубликованной в 1988 году монографии И. Д. Рожанского⁷¹, завершившей ряд трудов учёного по естествознанию и технике античности. В отдельных главах И. Д. Рожанский рассказывает не только обо всей совокупности естественных наук периода эллинизма и Рима, но, «смягчая» утвердившееся мнение, будто эти науки совсем отделились от философии, начинает с характеристики философских систем, в числе которых – нашедший благодатную почву в Александрии скептицизм. Глава «Александрийская наука» начинается с разбора аргументов К. Шнейдера о якобы иллюзорном расцвете этой науки, на самом деле не покрывавшей (в области практического применения полученных результатов) выделяемых на неё затрат и отягощённой «рецидивами мифологических представлений». Признавая справедливость ряда этих аргументов, И. Д. Рожанский опять-таки «смягчает» выводы немецкого коллеги, утверждая, что многие из открытий александрийцев и не были рассчитаны на немедленное воплощение, поскольку сильно опережали время. Мусей (в книге дано написание Мусейон) признаётся храмом, но сакральная функция его минимизируется (сводится к формальным обрядам и общим трапезам), а наличие Большого Дома учёных, где, по мнению И. Д. Рожанского находилась и Библиотека (самое спорное предполо-

творческой интеллигенции Москвы и Ленинграда. В этом переводе появляется написание Мусейон. Он характеризуется как первый университет, где после полутора столетнего творческого взлёта воцарились догмы геоцентризма и неподвижности Земли, паровая машина Герона не нашла применения при рабовладельческом способе производства, а поэзия творилась не для читателей, но для самих поэтов. Главы XI–XVI третьего тома, озаглавленного «От Еврипида до Александрии» потом не раз пересказывались в наших популярных трудах, создав стереотип восприятия александрийской культуры: Боннар А. Греческая цивилизация... Т. 3. С. 256–341.

⁶⁹ Фрейберг Л. А. Литературная критика в эпоху александрийской образованности // Древнегреческая литературная критика. – М., 1975. С. 185–216.

⁷⁰ Борухович В. Г. В мире античных свитков. – Саратов, 1976. Электронная версия: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1272988172>.

⁷¹ Рожанский И. Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. – М., 1988.

жение в книге; перед этим автор подчёркивает независимость и параллельное существование обоих учреждений), являются его главными отличительными признаками. Нерешённым остаётся вопрос, все ли учёные, сколько-нибудь длительное время трудившиеся в Александрии, были связаны с Мусейоном: По И. Д. Рожанскому такая связь очевидна лишь для представителей гуманитарных наук.

Непосредственным прообразом Мусейона для И. Д. Рожанского уже является не аристотелевский Ликей в целом, но конкретно, святилище Муз в ликейском саду, как в смысле пространства и архитектурного оформления (реконструированного на основании текста «Завещания» Феофраста), так и по принципам членства в «мусическом» сообществе, перенесённым в Александрию из Афин Деметрием Фалерским.

В 1990-е годы, не отказываясь от поисков прототипа, российские учёные, расширяя исследовательскую базу, пришли к изучению аналогов и подобий Александрийского Музея, появившихся под его влиянием (или параллельно ему) за пределами эллинизированного Египта. В это время, один за другим, выходят два тома коллективного труда по экономике, политической жизни и культуре эллинизма. Во втором томе, специальная глава, написанная Г. П. Чистяковым (в то время ещё светским учёным, филологом, историком и переводчиком, позже – священнослужителем Русской Православной Церкви, впрочем, не раз критикуемым за обновленческие взгляды), рассматривает Мусейон как глобальный культурный феномен эллинизма на примере трёх центров культуры: Александрии, Пергама, Антиохии⁷². Автор понимает под Мусейоном не священную территорию храма, а творческий союз писателей и учёных. В Пергаме он, вообще-то, возник при святилище Афины Победоносной, хотя, между её храмом и знаменитым алтарём Зевса, почти вплотную к театру, находится нависающая над обрывом терраса, где были найдены фрагменты мраморной стои, возле которой стояли статуи Муз и Диониса; возможно, это был фрагмент святилища Муз. Но вряд ли он играл, даже лишь в масштабах города, роль, сравнимую с ролью Александрийского Музея. А вот «хор» мужей, трудившихся, как говорил Платон «на поприще Муз», явно собирался Атталидами в их соперничестве с Птолемеями и по египетскому образцу.

В Антиохии Мусей, основанный на средства купца Марона во II-м или даже в I веке до Р. Х., был рядовым городским храмом, имевшим сад и библиотеку. Но со времён Антиоха III в городе на Оронте жил и творил свой мусический «хор», поэтому, даже исключая общее сакральное пространство, проводить сравнительный анализ вполне закономерно.

Выделив в качестве головной характеристики творчества членов мусических союзов соединение художественного мастерства с энциклопедической начитанностью, рассматриваемое в эпоху классики как недостаток, Г. П. Чистяков говорит об особой функции эллинистического Музея, которую мы, со своей стороны, будем называть «консервативной». Она связана с поощряемым государством интересом сохранения эллинами, попавшими в чужую культурную среду, своей самобытности. При этом сакральная атмосфера Александрийского Музея содействовала преодолению наметившегося в обществе критического отношения к мифологии и стала предпосылкой осуществлённой позже неоплатониками реставрации мифологии в качестве языческого «священного писания».

Тройственная преемственность (Академия – Ликей – Александрия) прослеживается в заключительной части монографии Э. Д. Фролова, глобально показывающей весь социальный и культурный перелом, совершившийся в V–IV веках до Р. Х. Предыстория и начальный этап эллинизма, именуемые «поздней классикой» с точки зрения государственного устройства представляли переход от полисного строя к монархиям, через промежуточную ступень – младшую тиранию. Многие выдающиеся достижения античной культуры, по словам автора, теперь

⁷² Чистяков Г. П. Эллинистический Мусейон (Александрия, Пергам, Антиохия // Эллинизм: восток и запад. Под ред. Е. С. Голубцовой. – М., 1992. – С. 298–315.

базируются не только на индивидуальном творчестве, так называемом «эллинском гении», но опираются на достаточно развитые организационные формы, к числу которых относятся Мусейоны, прошедшие эволюцию от частных учреждений до государственных. Такую эволюцию и представляли собой три Мусейона – в Академии, в Ликее и в Александрии. Феномен Александрийского Мусейона является результатом «...достаточно плодотворного вмешательства авторитарной власти в дела культуры»⁷³. Далее Э. Д. Фролов затрагивает очень дискуссионный вопрос – о соотношении античных Мусейонов и современных музеев. Разница заключается в переключении с творческой деятельности (каковую взяли на себя другие новоевропейские культурно-просветительские учреждения) на хранение ценностей: «Наследники имени, музеи нового времени служат иному назначению – сохранению художественных, литературных или научных коллекций, не исключая, впрочем, естественно сопряжённых с этим известных научных занятий»⁷⁴.

У культурологов, особенно тех, кто испытал влияние ницшеанства и экзистенциализма, переориентация культуры со свободного творчества на сохранение достигнутого, а также творчество с оглядкой на образцы, часто вызывают неприятие, поскольку такая историческая культура противостоит свободному потоку жизни. Это мнение хорошо выразил Ойген Розеншток-Кюсси в философском эссе «Распевы Муз». По его выражению, эпоха эллинизма была нисхождением Муз в музей: «...Музы бежали в музеи, которые устроили для них новые владыки... Музы переносятся в Александрию, Пергам и Родос... Над свободной жизнью Муз теперь сооружена крыша. Под этой крышей девять Муз обращаются в знание о том, чего добились Музы, будучи свободными»⁷⁵.

На самом деле античные Мусеи были настолько многофункциональны, что ни выделить в них творческую деятельность в качестве основной, ни оторвать её от анализа и охраны культурного наследия просто невозможно. Кроме того, и новоевропейские музеи успели за своё недолгое в масштабах всемирной истории время претерпеть заметную эволюцию. И мы не знаем, какую форму приобретут музеи будущего. Поэтому, история музейного дела должна включать в себя Мусеи античности не просто по этимологическим соображениям (наследование имени), но и потому, что именно сохранение исторической памяти, наряду с преумножением знаний и творческих достижений, определяло для служителей Муз выбор своих богинь. Напомним, что Музы – дочери Мнемосины, богини памяти. Именно этот осознанный выбор определил статус и структуру Александрийского Мусея, храма памяти, знаний и достижений, накапливаемых, хранимых и передаваемых потомкам.

Между тем, не только антиковеды и культурологи, но и исследователи, профессионально занимающиеся историей музейного дела, в своих оценках предпочитают исходить из современного понимания музея, как культурно-просветительского учреждения, занимающегося собиранием, хранением, изучением и экспонированием предметов (природных и искусственных), закреплённого таким важным документом, как устав Международного совета музеев (International Council of Museums), принятым только в 1989 году, но уже в 1995 подвергнувшимся изменениям, каковые, конечно же, будут вноситься и впредь. Прежде, например, коммерческие галереи, церковные реликварии, ботанические сады, зоопарки и аквариумы, планетарии и мемориалы – рассматривались как разновидности музеев⁷⁶, тогда как 2-я статья устава ИКОМ выделила их в самостоятельные учреждения культуры, хотя и связанные с музеями, но

⁷³ Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. (Общество. Личность. Власть). – СПб, 2002. С. 8.

⁷⁴ Указ. соч. С. 588.

⁷⁵ Розеншток-Кюсси О. Распевы Муз // Розеншток-Кюсси О. Язык рода человеческого. – М.,-СПб., 2000. С. 318.

⁷⁶ Varin-Bohein H. de. Museum. // Encyclopaedia Britannica. V. 12. – L., 1974. P. 649.

имеющие свою специфику⁷⁷. А всего лишь сто пятьдесят лет назад, как уже было отмечено, нерушимым казался союз музеев и публичных библиотек.

В зарубежной музеологии история музеев почти всегда начинается с эпохи Возрождения, но признаются их античные и средневековые прототипы, исследуемые отдельно. Например, Жермен Базен, расширяя временные границы, возводит истоки музея именно к александрийскому прототипу в связи с появлением у греков ощущения времени как движения в одном направлении, к будущему, в отличие от представления о замкнутом циклическом времени, выраженном в мифологии. Это мифологическое представление окончательно разрушило завоевание Эллады Филиппом Македонским. Новая реальность, каковую мы и называем эллинизмом, вызвала в сознании, с одной стороны, тоску по утраченному прошлому, с другой – восхищение грандиозными деяниями Александра и его полководцев, и желание сохранить в памяти недавние события, прежде всего, задокументировав их (Александрийская Библиотека родилась из первоначально небольшого собрания документов, связанных с походами Александра). Но также было необходимо хранить реликвии, трофеи, классические литературные образцы. Из Александрии новое мироощущение приходит в Пергам, оттуда – в Рим⁷⁸.

К сожалению, западные музеологи, вслед за антиковедами, вольно или невольно, «занижают» сакральный характер Музеев. Жермен Базен не говорит о нём вовсе. Э. П. Александер, написавший (в содружестве с дочерью М. Александер) очерк истории музеев в их историческом развитии (motion), уже три десятилетия являющийся учебным пособием для изучающих музейное дело, сначала чётко заявляет, что классический термин *Museum* обозначал храм, посвящённый Музам. Но, несколькими строками ниже, пишет: Александрийский Музей, обладавший астрономическими приборами и медицинскими инструментами, ботаническим и зоологическим садами, коллекциями слоновых бивней и чучел животных, статуями учёных, был, главным образом, «университетом или философской академией». Впрочем, добавляет Э. П. Александер, и музеи долгое время считались местами учёных занятий в той же степени как хранилищами коллекций⁷⁹.

Отечественная музеология, наследуя давно сложившееся в России почитание античной культуры, уделяет Музеям гораздо больше внимания; во всяком случае, наши учёные, используя сложившиеся формулировки «предмузейное собирательство», или «предмузейные формы коллекционирования», дают более подробные обзоры таким феноменам античной культуры как библиотеки, пинакотекы, дактилиотеки, и конечно – Музеи. Как и у историков античности, у музеологов нет согласованной формы русской транслитерации этого слова. У нас встречаются все четыре возможных варианта фиксации термина, пишущиеся как с большой, так и с маленькой буквы: Музей – Музей – Музейон – Музейон. Здесь нельзя говорить о небрежности, поскольку для написания греческих и латинских слов кириллицей вообще не существует строгих правил и остаётся следовать традициям. В данном, конкретном случае, изучив значительный объём русскоязычной научной литературы с конца XIX века, можно убедиться, что каждый из вариантов «конкурирует» с другими примерно в равных пропорциях. В последние десятилетия отдаётся предпочтение написанию Музейон, но нам кажется излишним писать по-русски падежное окончание «он», не сохраняющееся на языке оригинала при склонении слова. Мы же не пишем его в слове театр (θέατρον). Разумеется, мы оставляем авторские варианты транслитерации в цитатах и ссылках на соответствующие издания.

Три близкие по времени их публикаций, но предлагающие самостоятельные выводы монографии, первая – по общей истории музейного дела, вторая – посвящённая месту и роли

⁷⁷ ICOM statutes. Art. 2. Definitions // <http://www.museum.or.jp/icom/statutes.html#2>

⁷⁸ Bazin G. From the Museum Age. Foreword // *Museum Studies. An Antology of Contexts.* – Blackwell Publishing LTD, 2004. P. 18–19.

⁷⁹ Alexander E. P., Alexander M. *Museums in Motion. An Introduction to the History and Functions of Museums.* – AltaMira Press, US, 2007. P. 3–4.

музея в исторической культуре, и третья – по феномену художественного музея как «ядра музейной культурной формы», показывают нам растущий интерес к Александрийскому Музею (и прочим античным Музеям) представителей отечественной музеологии.

В «Истории музейного дела до конца XVIII века» В. П. Грицкевича большой раздел, исследующий предмузейное собирательство, даёт нам обзор соединённых в строгую систему мотиваций собирательской деятельности в Древнем Мире, полностью применимый для характеристики соответствующей деятельности учёных Александрии⁸⁰. Александрийский Музей рассматривается автором как учреждение «преимущественно сакрального характера», но выделяется такая его функция как «обнаружение и хранение рукописей и материальных предметов, целостности которых угрожали бурные политические события древнего мира»⁸¹. В общий генезис музеев он вписывается через понятие «традиционная модель» (введённое в музееведческую науку Кшиштофом Помяном), когда какое-либо учреждение (в данном случае храм Муз), выполняет свои собственные задачи, но внутри него формируются доступные публике коллекции⁸².

В книге Т. Ю. Юрениной⁸³, открывающейся главой, посвящённой коллекциям и коллекционерам античного мира, истоки музея прослеживаются от геликонского святилища, общегреческого, а значит, в глазах греков, общемирового значения, так как на его территории уже выставлялись художественные коллекции и лапидарные надписи, фиксирующие исторические достижения участников мусических состязаний. Александрийский Музейон, унаследовав эту функцию, занимался, помимо прочего, изучением и сбережением эллинской культуры (об этом же говорил Г. П. Чистяков). Но, оставаясь связующим звеном между греческими поселенцами в Египте и их исторической родиной, Музейон одновременно укреплял государственную власть, поднимал её престиж, сохранял её греко-македонские корни.

На первый взгляд имеющее более узкую направленность (художественный музей), на самом же деле отличающееся всеобъемлющим, философским подходом к феномену исследование Т. П. Калугиной содержит ряд положений, прямо касающихся нашей темы. Т. П. Калугина выделяет такие мотивации коллекционирования как магическая семантика и связь с ритуалом, характерные для религиозного сознания Древнего Мира. Античный Музейон показывается читателю в различных его модификациях, включая частные мусические союзы. Интенсивная интеллектуальная и творческая жизнь в Музейонах имела, в качестве главного стимула, именно сакральную атмосферу, усиленную художественным оформлением пространства и выставленными реликвиями. Не порождая непосредственно новоевропейские музеи, античные Музейоны привлекли культурную элиту итальянского Возрождения такими качествами как «энциклопедичность», «вдохновенность» и «мусическое начало». Для предшествовавшей ей культурной элите эллинизма соединение этих начал наложило ещё на особый «мифориторический» тип культуры, когда возникает требующий заботы и сохранения «твёрдый фонд» готовых слов, форм и смыслов, для чего требуется особый «тезаурус» каковым и становится Музейон⁸⁴.

Наш обзор показывает, что, несмотря на значительный объём публикаций по нашему феномену, до сих пор не только не написана подробная история Александрийского Музея (который, без всяких сомнений, заслужил её своим великим вкладом в мировую культуру), но не выработано даже чёткого представления о том, чем был птолемеевский Музей. Вместо определений присутствуют либо простые и зачастую бессистемные перечисления функций,

⁸⁰ Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. – СПб, 2004. С. 70–97.

⁸¹ Указ. соч. С. 64.

⁸² Указ. соч. С. 66.

⁸³ Юренина Т. Ю. Музей в мировой культуре. – М., 2003. С. 13–22.

⁸⁴ Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. – СПб, 2008. С. 40–45.

либо произвольные сравнения с новоевропейскими культурными и научными учреждениями. Между тем, для современников и соучастников Мусея не было сомнений в его статусе. От Страбона (I век от Р. Х.) до Захарии Схоластика (V век, то есть, уже византийская эпоха) все авторы, упоминавшие Мусей, называли его тем, чем он был в действительности, а именно – храмом Муз, или же перечисляли те его компоненты, которые были присущи языческим святилищам, а не университетам или музеям. Культурный характер Мусея следует принимать в любом случае, с какой бы стороны не рассматривался Мусей, будь это и труды по истории науки, техники, литературы, музейного дела, а не только исследования по истории эллинистическо-римской религии. На этом должна строиться и вся история Мусея, включающая не только перечень событий, биографические справки о служителях Муз и обзор написанных ими текстов. Необходима периодизация этой истории, фиксирующая количественные и качественные изменения, периоды расцвета, упадка и нескольких возрождений Мусея. При этом, совершенно недостаточно, как до сих пор делали исследователи, выделять лишь два периода – птолемеявский и римский, поскольку значительные перемены происходили и внутри каждого из них.

Далее, необходима оценка всего наследия Мусея, а не просто отдельных сторон его деятельности и отдельных достижений, без поверхностного отождествления Мусея с нашими музеями и университетами, но и без отрыва его от «наследников имени», и не только имени, но и многих функций, перенесённых из сакральной сферы в светскую деятелями Ренессанса, Барокко и Просвещения.

Возможности такого всестороннего исследования ныне опираются на гораздо более прочное основание, чем штудии филологов XVII–XIX веков, когда эпоха эллинизма только начала осмысляться как особый этап мировой истории. Теперь, после появления классических обобщающих трудов Э. Бевана, Дж. Махаффи, В. Тарна, М. И. Ростовцева, П. Левека, после раскопок эллинистических полисов от Сирии до Индии, после многотомных публикаций лапидарных и папирусных текстов, сложилась достаточно полная картина эллинистической цивилизации и эллинистическо-римского Египта как её составляющей. Мы видим связанную общими традициями цепь государств, в которых господствовала монархическая форма власти с обожествлением её носителей, но одновременно – с сохранением большей или меньшей автономии полисов. Государств с многоукладной рыночной экономикой, с причудливым симбиозом эллинских и восточных черт не только в архитектуре или изобразительном искусстве, но и в религии, а также в повседневной жизни. Эти общие черты обусловили специфический образ жизни и мировоззрение интеллектуальной элиты, осуществлявшей служение в Александрийском Мусее. Для её характеристики лучше всего подходит появившийся в I веке до Р. Х. термин *ἐκλεκτικὴ τῆς αἰρέσεως* (*Diog. Laert., I, Proem., 24*), от которого во все новоевропейские языки пришли слова «эклектика» и «эклектизм». Мы можем строить теперь историю Александрийского Мусея на широком культурном фоне, отказавшись от идеи «эллинского роста», механически пересаженного на культурную почву Востока.

В течение двух первых два веков эллинизма мы наблюдаем удивительный творческий подъём, опирающийся на ощущение уникальности своего времени и воспевание человеческих деяний, совершавшихся в состоянии божественной одержимости. Не только военные походы, но и дальние сухопутные и морские экспедиции, фантастические архитектурные проекты, конструирование замысловатых механизмов, измерение окружности Земли, попытки сочинить эпические поэмы, не уступающие гомеровским и другие подобные предприятия демонстрируют своеобразный «энтузиазм» эпохи.

Одновременно происходило резкое изменение представлений о масштабах окружающего мира, открывшегося эллинам множеством экзотических стран со своим уникальным природным миром и самобытными культурами. Ситуацию времени раннего эллинизма, поэтому, вполне можно сопоставить с новоевропейской эпохой Великих географических открытий XV–

XVII век, когда в Европе зарождаются пополняемые заморскими редкостями Кабинеты и Кунсткамеры. Этот момент важен потому, что он позволяет органично включить Александрийский Мусей в историю музейного дела. Причём не только наличие коллекций (не художественных, на которые в основном и опираются в своих оценках музеологи, а книжных, природных, анатомических, механических), выставленных на обозрение и используемых для просвещения и воспитания, позволяют говорить о прообразе музеев, но и унаследованная александрийцами древнейшая функция Мусеев, изначально бывших местами почитания обожествлённых героев, а теперь – Александра Македонского, Птолемея и римских императоров. Мемориальная функция Александрийского Мусея, чьим внешним окружением были и гробница Александра, и некрополь Птолемея, и храм Гомера, и храм божественного Цезаря, и прочие древние «мемориалы», до сих пор выпадала из внимания учёных.

Восполнить недостаток источников (полное отсутствие достоверных архитектурных фрагментов, очень скудные надписи на камне и папирусе, и отрывочные сведения, почёрпнутые из книг античных и византийских авторов), можно, если мы применим к изучаемому объекту совокупность методов сравнительно-исторического исследования: генетический, типологический, структурный. То есть, во-первых, привлекая для сравнительного анализа все известные нам сведения о Мусеях за пределами Александрии. Во-вторых, беря для сравнения аналоги (святилища других богов и богинь, несущих общие с Музами «культуртреггерские» функции), и модификации (возникшие под прямым или косвенным воздействием Александрийского Мусея храмы, библиотеки, коллекции). И, в-третьих, – связывая воедино сведения об организации жертвоприношений, празднеств, творческих состязаний, обеспечиваемых штатом жрецов и служителей всех уровней, об их общественном статусе и образе жизни, известные нам из богатейшей коллекции надписей долины Муз и других эллинских святилищ, в которых проходили мусические агоны. Такая предварительная работа была проделана нами в предшествующие годы. Её результаты опубликованы в 2006 году, в монографии, освещающей всю совокупность античных Мусеев и родственных им эллинистическо-римских культовых и светских учреждений. С тех пор накоплено много нового материала, дающего возможность расширить сравнительный ряд. В частности, это относится к святилищу Зевса и Муз в Дионе (Дие), где по повелению Александра Македонского был создан мемориал в честь погибших гетайров царя, и к вилле Адриана в Тибуре, в постройках которой явно ощущается влияние александрийского образца. Также мы привлечём сведения о возникших в Александрии христианских огласительных училищах, почёрпнутые из святоотеческой литературы. Христианские интеллектуалы, многие из которых пришли к вере после долгого пребывания в язычестве и до своего обращения в христианство посещавшие Мусей, а после обращения оставшиеся читателями Библиотеки, создавая в противовес языческим свои школы просвещения, тем не менее, могли использовать некоторые организационные формы, «опробованные» язычниками.

Не только огромный объём материала, но и то обстоятельство, что история Мусея и Библиотеки в равных долях приходится на периоды эллинизма и Римской империи, вынуждает разделить наше исследование на две монографии. Первая охватывает предысторию Александрийского Мусея, включая обзор его непосредственных предшественников – платоновской Академии и Ликея перипатетиков в Афинах, затем, непосредственно, – историю Мусея и Библиотеки в Александрии Египетской от первых Птолемея до завоевания Египта римлянами. Вторая будет освещать римский период от Октавиана Августа до Феодосия I Великого. В Эпilogue мы проследим культурное наследие Мусея, даже после своей гибели оказывавшего, благодаря сохранению ряда традиций распавшегося мусического союза в христианской Александрии, значительное влияние на культуру византийского Египта, и даже на культурную жизнь страны в первые десятилетия после мусульманского завоевания. В частности – вплоть до 660-х гг. продолжает существовать сложившаяся при храмах Муз и Сераписа александрийская медицинская школа.

Позволим, завершая Введение, привести цитату из нашей старой монографии. Цитату, которую мы относим теперь лишь к одному, но зато самому прославленному и знаменитому Мусею: «Раскрыв феномен древнего Мусея, мы не только сможем лучше понять античность, но и найти один из возможных вариантов будущего развития нашей собственной культуры. . . мы имеем в древности учреждение, в специфической форме вобравшее в себя все разновидности творческой, исследовательской и собирательской деятельности. В нём осуществился долговременный культурный синтез, имеющий несомненный интерес для современной эпохи, для которой, наоборот, характерна углублённая специализация и заметная разобщённость таких институтов, как музей, библиотека, архив, университет, театральное-зрелищный комплекс, мемориал. Видимо, эта разобщённость исторически обусловлена и представляет необходимый этап развития культуры, но данный факт не исключает возможности будущего синтеза, что делает полезным изучение опыта античности»⁸⁵.

⁸⁵ Поршнева В. П. Мусей в культурном наследии античности. – М., 2012. С. 19. Цитата приводится по второму изданию книги. В первом издании, выпущенном малым тиражом в Санкт-Петербурге, в 2006 г. (Издательство СПбГУКИ), имеются таблицы, обобщающие все известные на то время археологические и письменные свидетельства об античных Мусеях. Табл. I: Пространственный облик античных Мусеев: с. 245–252. Табл. II: Античные союзы служителей Муз: с. 253–258. Табл. III: Празднества в долине Муз времени эллинизма и Рима (виды состязаний и их участники): с. 259–260.

Часть I Предыстория Мусея

Глава 1 Культ Муз и античные Мусеи кануна и начала эллинизма: традиции и перемены

1

Возникшие в первобытную эпоху единства индоевропейских народов, и затем развивающиеся независимо друг от друга в индуизме (Апсары), в германо-скандинавской мифологии (Валькирии) и в греко-римской мифологии (Музы, Хариты, Камены) образы танцующих богинь, дочерей или служительниц одного из верховных богов (как бы он не именовался – Индра, Брахма, Один, Зевс, Дионис, Аполлон), у греков, в эпоху эллинизма, окончательно обрели не только привычное для нас число девять и «канонические» имена, но и вполне сложившийся круг находившихся под их попечением занятий. Прежнюю разноголосицу в числе Муз и в их именах стали объяснять, разделив Муз на старших, дочерей Урана, и младших, дочерей Зевса (*Diod. Sic.*, IV, 7, 1; *Cic. De nat. deor.*, III, 54; *Paus.*, IX, 29, 1–5). Последние, причисленные ещё со времён Гомера и Гесиода к сонму богов-олимпийцев, оставались объектами всеобщего религиозного поклонения, тогда как старших Муз почитали лишь в отдельных местах (таких, например, как Пиерийская долина). И о них изредка вспоминали писатели.

Культ девяти Муз постепенно перемещался из священных долин в города, где на храмовых участках искусственные посадки деревьев и кустарников заменили священные рощи, а фонтаны и нимфеи – священные источники. Даже самое древнее святилище у Геликона в IV–III веках до Р. Х. обогащается такими типично городскими сооружениями как театр и мраморная стоя. Кроме того, долина стала заполняться многочисленными статуями и стелами с памятными надписями.

Как богинь, покровительствующих именно образованной городской элите, воспринимали Муз и деятели Ренессанса. Одно из первых сочинений, посвящённое Музам, вышло из-под пера автора, который, подобно интеллектуалам птолемеевского двора, сочетал в себе талант поэта и учёного-филолога. Опубликованное в начале XVI столетия, в уже известном читателю по нашему Введению жанре *syntagma* изыскание Лилия Грегория Жиральди⁸⁶ интересно не столько текстом, представляющим компиляцию сведений из античной и византийской словесности, но картинкой, открывающей книгу, где девять Муз представлены купающимися как бы в источнике Гиппокрена, вместо которого изображён городской фонтан с бассейном. При этом Музы, купаясь, одновременно играют на разных музыкальных инструментах, явно изготовленных в городских мастерских.

В дальнейшем исследователям Возрождения и Нового Времени в их попытках найти истоки мусической религии пришлось продвигаться далеко назад от культуры к природе.

Следуя по этому пути, они дошли до времён первобытных пастухов и охотников, вслушивавшихся в звуки природы и веривших в сверхъестественные силы. Силы, постепенно обретающие в их сознании черты пока ещё безымянных мужских и женских божеств лесов, лугов

⁸⁶ Lillii Gregorii Ziraldi Ferrariensis Syntagma de Musis. – Argentorati, 1511.

и гор. К таковым относились олицетворения рек, озёр, ручьёв, источников, камней, деревьев и трав. Музы при таком подходе «растворились» среди бесчисленных богинь, причисляемых к нимфам, во всех их разнообразиях (Ореады, Дриады, Наяды). Затем, подражая звукам природы, первобытные люди фиксировали и упорядочивали эти звуки в различных ритмах, превратившихся в музыку, сопровождавшую их поэтические импровизации. И каждый ритм обретал свою богиню-покровительницу.

Данная точка зрения разделяется большинством учёных двух последних столетий. Она аргументировано излагается Иоганном Краузе⁸⁷, включившим Муз в единый разряд богинь, вырастающий из первобытного культа водных источников. Продолжается Францем Рёдигером, проследившим развитие культа с севера на юг, от равнин Фракии до Пимплейской и Пиерийской долин, и далее – до Геликона, в соответствии с этапами расселения по Балканам общих предков греков и фракийцев⁸⁸. Развивается в ницшеанской концепции борьбы дионисийского и аполлонического начал в греческом искусстве. Далее, вышеупомянутый во Введении труд П. Буайанса показывает сохранение древней связи с природой в мусическом культе, справляемом участниками орфических сообществ. Вальтер Отто связывает происхождение греческой поэзии и песенной культуры с состоянием первобытного религиозного экстаза, инспирированного верой в Муз как богинь-вдохводительниц⁸⁹. И, наконец, недавнее исследование Дженифер Ларсон иллюстрирует сохранение традиций этого первобытного культа в позднем греческом фольклоре, и его локальные особенности по разным регионам, когда-либо заселённым греками, включая Малую Азию и Сицилию⁹⁰.

Согласие учёных, правда, заканчивается, когда они пытаются продвинуться ещё дальше по временной шкале, и найти первооснову культа. Здесь рождается великое множество теорий, среди которых – теория, сводящая девять Муз к одной изначальной Музе, а уже от неё – к единой общеевропейской первобогине, Великой Матери всего сущего. Затем эта первобогиня приобретает три ипостаси (Тройственная Муза), распадается на триады (так рождается девятка), и, наконец, лишается первородной роли, вытесненная на периферию культами мужских божеств при переходе от матриархата к патриархату⁹¹. Созданная Робертом Грейвсом, более поэтом, чем кабинетным учёным, теория единственной изначальной Музы приобретает в 1970-е годы вполне рациональное обоснование в «Морфологии искусства» М. С. Кагана⁹², где увеличение числа Муз накладывается на процесс эволюции комплекса «мусических» искусств и дробления их на виды и жанры.

Между тем в большинстве дошедших до нас текстах говорится о Музах во множественном числе: от трёх (необходимый минимум, позволяющий замкнуть магический круг в ритуальном танце) до девяти. В тех случаях, когда поэты призывают одну безымянную Музу, как, например, Гомер (П., I, 1; Od., I, 1), их призыв не свидетельствует о некоем «мусическом монотеизме». В так называемом Каталоге кораблей, включённом в «Илиаду» (П., II, 484, 491), и в «Одиссее» (XXIV, 60) мы уже встречаем «классическую» девятку, а «канонические» имена Муз перечисляет Гесиод:

⁸⁷ Krause J. H. Die Musen, Grazien, Horen und Nymphen mit Betrachtung der Flussgötter. – Halle, 1871.

⁸⁸ Roediger F. Die Musen. Eine mythologische Abhandlung (Besondere Ausdruck aus dem achten Supplementbande der Jahrbücher für Classische Philologie. – S. 253–291). – Leipzig, 1875. Reprinted: Kessinger Publishing (US), LLC, 2010. В этом исследовании (S. 280–287) впервые приводится подробный перечень всех известных на то время (в основном по письменным источникам) Мусеев.

⁸⁹ Otto W. F. Die Musen und der göttliche Ursprung des Singens und Sagens. – Darmstadt, 1954. Nachdruck: 1971.

⁹⁰ Larson J. Greek nymphs: myth, cult, lore. – Oxford, 2001.

⁹¹ Грейвс Р. Белая богиня. Избранные главы. – СПб., 2000. С. 146–203.

⁹² Каган М. С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Ч. 1, 2 и 3. – Л., 1972. С. 11–12.

Девять богинь, дочерей многославного Зевса-владыки, —
Девы Клио и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
И Эрато с Терпсихорой, Полимния и Урания,
И Каллиопа, – меж всеми другими она выдается...

(*Theog.*, 76–79. Перевод В. В. Вересаева).

Только спустя четыреста лет поэт Симонид Кеосский, прославляя победу греков над персами при Платеях (479 г. до Р. Х.), обратится к «многочименной» Музе (π[ολύωνυμ]ε Μοῦσα) (*Sim. fr. eleg. 11, 21, M. L. West. Цит. по: Jung M. Dr. Marathon und Plataiai. Zwei Perserschlachten als «lieux de mémoire» in Antiken Griechenland. – Göttingen, 2006. S. 226*). Но Симонид, будучи жрецом храма Аполлона на Кеосе, руководивший храмовыми хорами и сочинявший богослужебные песнопения, наверное, был знаком с проповедуемым орфиками, пифагорейцами и философами-элеатами учением о непостижимом высшем божестве (Протогоне, Хроносе, Огненном Едином, Боге-Бытии), проявляющем себя в бесчисленных мужских и женских воплощениях и под разными именами. Кроме того, в другом известном нам фрагменте, Симонид говорит о многих Музах (*fr. 73, D. L. Page*).

Таким образом, уже в конце Тёмных Веков греческой истории (VIII–VII вв. до Р. Х.) в мифологии и религии эллинов сложилась традиция почитания определённой группы богинь, занимающих в пантеоне гораздо более высокое положение, чем бесчисленные и часто безымянные образы нимф, хозяек гор, лесов, родников и ручьёв. При явном сходстве с культами Апсар и Валькирий, обнаруживается и существенное отличие, подчёркивающее этот высокий статус. Число Апсар доходит до нескольких сотен тысяч, они зарождаются спонтанно, при пахтании богами Молочного океана. Лишь позже выделяются главные Апсары, сотворенные Брахмой и обретшие имена и биографии (Урваши, Менака, Рамбха, Тилоттама). Германно-скандинавские мифы называют то девять⁹³, то тринадцать Валькирий⁹⁴, что уже близко к эллинским подобиям, но если сопоставить все имена, то их окажется уже не менее двух десятков. И у германцев, скорее всего, также шёл процесс сокращения первичного, неопределённого числа богинь. В случае с Музами, наоборот, происходит увеличение объектов поклонения, но этот процесс начинается с сакральной Троицы и останавливается на оптимальном, не без веры в магическую символику чисел, количестве. Оптимальном – не только в смысле закрепления за каждой Музой функций покровительства достаточно строго определённым видам творческой деятельности. Наличие общего культа необезличенных единокровных сестёр-богинь ещё и позволяло, не порывая с культом, многократно переходить от одного вида к другому.

Далее, нам нужно учитывать, что языческие религии индоевропейских народов, до тех ударов, которые нанесли им буддизм и христианство, эволюционировали медленно, тысячелетиями, без реформаторских толчков и потрясений. Связанные с поклонением Музам религиозные союзы и философские школы (орфики, пифагорейцы, платоники, перипатетики) не разрушали традиционной религии; их новации заключались лишь в переосмыслении древних обрядов. Следовательно, ни одна из первоначальных, существовавших ещё до появления полисов и эллинистических монархий функций богинь не могла быть просто отброшена. А эти функции явно далеко не полностью соответствуют сложившимся к IV веку до Р. Х. видам, родам и жанрам мусических искусств.

⁹³ Песнь о Хельге, сыне Хьёрварда, 5–6 // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М., 1975. С. 253.

⁹⁴ Речи Гримнира, 36 // Указ. соч. С. 213.

2

Задолго до того, как ведущую роль в мусических занятиях стали играть художественное творчество и наука, к таким занятиям относились погребальные обряды и обряды поминовения героев, включающие обязательные жертвоприношения и ритуальные игры. Здесь особенно заметна глубинная связь с индустской и германо-скандинавской традициями, где небесные девы уносят погибших героев с поля боя и служат им в загробном мире. Уже в «Одиссее» пение Муз раздаётся на похоронах Ахилла:

Музы – все девять – сменяясь, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца...

(*Od.*, XXIV, 60–63. Перевод В. А. Жуковского).

Барельефы римских саркофагов свидетельствуют о сохранении этой древней функции Муз вплоть до конца Империи, хотя это были уже не надгробия воинов, но по ряду признаков, надгробия именно тех, кто так или иначе был связан с искусствами и науками. О них следует рассказать подробнее, поскольку историки искусства уверены, что такие саркофаги имели утраченные греческие прототипы предшествующих столетий, то есть, времени поздней классики и эллинизма, и, следовательно, дают нам ценный материал по иконографии священных участков Мусеев и их окружения.

На одном из них предстаёт интеллект, сидящий в кресле, который взирает на явившихся ему Муз, держа в руках книжные свитки (Рим, коллекция Museo Pio-Clementino, Cortile ottagono). Две женские фигуры, отождествляемые с Музами, стоят по правую и левую руку от изображения философа, предположительно – Плотина (Sarcofago di Plotino, 260-е гг. от Р. X. Рим, Museo Gregoriano Profano, inv. 9504). Философы беседуют с Музами на стенке саркофага из собрания Ватиканских музеев⁹⁵. Среди философов, развернув свиток, восседает римский центурион Луций Пуллий Перегрин, должно быть, желавший предстать перед потомками тем, кого римляне, уважительно, именовали по-гречески *μουσικός ἀνὴρ*. Муза (в её образе, как полагают исследователи, запечатлена супруга центуриона) стоит перед ним, вдохновляя. Головы остальных Муз, украшенные перьями Сирен, которые, согласно мифу, Музы получили в качестве трофеев, выиграв у Сирен состязание в пении, видны из-за фигур философов (Рим, 250-е–260-е гг. от Р. X. Museo Torlonia)⁹⁶. А на саркофаге из Ацилии (230-е–240-е гг. от Р. X. Рим, Palazzo Massimo alle Terme, sala XIV, inv. 126372.) философы взирают на танцующую Музу; от фигур её сестёр сохранились только ступни.

В ряде случаев определить личность и интересы усопших невозможно. Саркофаг из бывшей коллекции Алессандро Албани, ныне хранящийся в Лувре (Salle 25; MR 880 (Ma 475); мраморный слепок: Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина, цветаевская коллекция слепков, зал № 25, П.1. и. 676), показывает нам Муз со всеми классическими атрибутами (театральные маски, лиры, флейты, а при Урании – глобус и радиус). Тот, в честь кого ваялся барельеф, богатый римлянин II века от Р. X., «золотого века» Римской империи, вероятно – владелец виллы на Остийской дороге, мог сам заниматься мусическими искусствами или быть их ценителем. Девять Муз украшают стенку саркофага из античной коллекции Эрмитажа (II век от Р. X., inv. 212712). Музы с перьями Сирен и разными атрибутами изображены, вместе с Минервой, на

⁹⁵ Zanker P. The Mask of Socrates. The Image of the Intellectual in Antiquity. – Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1996. P. 271. Fig. 246.

⁹⁶ Op. cit. P. 273. Fig. 247. См. также: Kleiner Fred S. A History of Roman Art. Enchanced Edition. – Boston, 2010. P. 275. Fig. 18–19. Специальный раздел этой книги посвящён саркофагам с изображениями Муз (Philosopher Sarcophagi): P. 274–275.

стенке саркофага III века от Р. Х. (США, Nelson-Atkins Museum, Gallery P4). На саркофаге из коллекции американского магната Вильяма Херста (ок. 230 г. от Р. Х.; Hearst Castle, США, Калифорния, Сан Симеон); изображены Музы, Минерва и Аполлон, а на боковой стенке – Одиссей (Улисс), слушающий Сирен). Только семь повреждённых фигур из девяти осталось на саркофаге из Palazzo dei Senatori (II век от Р. Х. Sala del Carroccio, inv. 2619). К периоду правления императора Галлиена (253–268 гг.), когда Империя разваливалась на части, и мусические искусства приходили в упадок, относятся саркофаги из коллекций музея Метрополитен в Нью-Йорке (Gallery 169, inv. 10.104) и Британского музея (inv. 2005.0926.2), где Музы борются с Сиренами, в данном случае (хотя существует миф, делающий Сирен дочерьми одной из Муз) олицетворяющими тёмное, варварское, хаотическое начало. Такой сюжет, помимо простой иллюстрации мифа, мог выражать тоску римлян по утраченному «золотому веку», когда искусства олицетворялись гармоническим пением Муз, а не гипнотизирующими головами полуженщин-полуптиц, и надежду на восстановление прежнего порядка.

На ещё одном саркофаге из музея Palazzo Massimo alle Terme (Рим, 280-е – 290-е гг. от Р. Х., inv. 000053748) Музы изображены на фоне аркады, поддерживаемой коринфскими колоннами, – как бы в собственном храме. Подобная же композиция оформляет саркофаг из Лация III в. от Р. Х. (Лондон, Британский музей, inv. 1805, 0703.120). Наконец, два саркофага Муз, опять-таки кризисного для Империи III века, – африканский (Тунис, Musée national du Bardo, Couloir des sarcophages, inv. 14), и саркофаг из Афродисии (Малая Азия), на котором изображены Музы и римлянин в тоге, со свитком в левой руке (Турция, Geure, Археологический музей, inv. 6132; выставлен в саду перед зданием музея) – показывают нам распространение такого специфического «погребального» стиля и в римских провинциях.

Но Муз не только «приглашали» участвовать в заупокойном культе. Все известные нам Мусеи имели на своих священных участках или рядом с ними какие-либо мемориалы. На Геликоне это были места поминовения Гесиода (IG VII, 1785) и Пиндара⁹⁷, а в эллинистическое время – участок для жертвоприношений в память одного из посмертно обожествлённых членов династии правителей Пергамского царства (IG VII, 1790). В Пиерии и на северном склоне Олимпа – мифические захоронения Орфея (*Apollod.*, I, 3, 3; *Strab.*, IX, 2, 25, С410; X, 3, 17, С 471; *Paus.*, IX; 30, 7–9). В Трезене, почитали сына бога Гефеста Ардала, мифического изобретателя флейты, которому приписывалось строительство первого жертвенника Музам, бывшего на месте более позднего городского Мусея, и Тесея, чья статуя стояла на агоре, рядом с Мусеем (*Paus.*, II, 31, 4). Пифагорейцы, согласно преданию, построили святилище Муз в перулке перед жилищем Пифагора – в Кротоне, или в Метапонте (*Diog. Laert.*, VIII, 1,15; *Porph. De vita Pyth.*, 4; 57). Мусей в Дельфах был окружён мемориалами мифических и исторических героев, включая Диоскуров, Орфея и Неоптолема, сына Ахилла (*Strab.*, IX, 3, 1–12, С417–423; *Paus.*, X, 6, 2–3; 24, 7; 32, 2). В Спарте возле Мусея стояла статуя спартанского героя Павсания (*Paus.*, III, 17, 5). Платоновская Академия с её Мусеем, изначально – древний мемориал героя Академа, затем самого Платона и его преемников. По дороге от Дипилонских ворот к Академии располагались могилы афинских законодателей Клизфена и Ликурга, тираноубийц Гармония и Аристокитона, политика и реформатора Эфиальта, софиста Ликофрона, полководцев Конона, Тимофея, Никия, философа Хрисиппа, просвещённого правителя Перикла (*Diog. Laert.*, III, 1, 7). В Ликее чтили Никомаха, сына Аристотеля. Позже в саду возле Мусея появилась статуя Аристотеля. Могила Теофраста, по его Завещанию, была обустроена тут же (*Diog. Laert.*, V, 2, 51–52). В Дионе (Дие) общий храм Зевсу и Музам при Александре Македонском был дополнен мемориалом в честь погибших в битве при Гранике (334 г. до Р. Х.) царских гетайров. Нам известны и примеры того, как Мусеи специально учреждались именно для совершения обрядов поминовения: Мусей на о. Фера, возле гробниц аристократического

⁹⁷ Vita Pind., 2 // Жизнеописание Пиндара, 2 // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. – М., 1980. С. 5.

семейства Фойника и Эпиктеты, и Мусей на о. Кефалления, у могилы философа Эпифана (Эпифания), сына александрийского гностика Карпократа, который основали обоготворявшие его поклонники (*Clem. Strom.*, III, 2, 5).

Вряд ли Александрия была исключением из этой многовековой традиции. И действительно, в городе Птолемея внешнее окружение Мусея составляла большая «мемориальная зона», включающая гробницу Александра Македонского, царский некрополь, храм Гомера, храмы Птолемея I Сотера и нескольких обожествлённых цариц, а затем уже храмы, строившиеся в честь Марка Антония, Юлия Цезаря и Адриана. Все эти сооружения птолемеявской и римской Александрии мы рассмотрим подробно, в хронологическом порядке, по мере их строительства.

Почитание героев, выражавшееся изначально в чисто религиозной форме (поминальные обряды и сопровождавшие их мусические агоны), со временем породило науку, отданную под покровительство Клио. Оставив Каллиоппе и Мельпомене героические песни и трагедию, эта Муза становится богиней тех, кто, собирая рассказы очевидцев (если речь шла о недавних событиях), или устные предания о деяниях далёких предков, изучая места, где совершались эти деяния, дотошно описывали их. Первым примером такого детального описания служит фрагмент из «Илиады», знаменитый Каталог кораблей (*Hom. Il.*, II, 484–877).

Со времени античности этот фрагмент вызывает непрерывные споры филологов. Одни считают его органической частью гомеровского эпоса, необходимой для понимания всей фабулы, другие утверждают, что это самостоятельное произведение, включенное в эпос при его редактировании. В этом случае предметом дискуссий становится время создания Каталога. Здесь мнения вновь диаметрально расходятся. Для одних Каталог – древнейшая часть эпического цикла о Троянской войне, подобная, например, библейскому Благословиению Иакова, где перечисляются колена Израиля (Быт., XLIX, 1–28). Другие (и это мнение также существовало ещё в античности) приписывают Каталог кораблей деятельности комиссии, редактировавшей поэмы Гомера в правление афинского тирана Писистрата (560–527 гг. до Р. X.).

Текст открывается самостоятельным зачином, вроде бы традиционным обращением к Музам, но автор молится им как божествам памяти, хранителям знаний о прошлом, то есть, божествам, покровительствующим, скорее, не поэтам, а ученым, – исследователям славного прошлого эллинов:

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы, божества, – вездесущи и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

(*Hom. Il.*, II, 484–493. Перевод Н. И. Гнедича).

Далее следуют подробное перечисление всех городов, чьи правители привели войска под стены Трои, и имена самих правителей, часто – с краткими родословными. В конце каждого фрагмента отмечается количество снаряженных ими кораблей. Перечисляются и силы троянцев, но им уделяется гораздо меньше места. Фрагменты, насчитывающие от шести до полутора десятков строк и более, интересно читаются как отдельные поэтические произведения. Перед нами предстают исторические города и целые области, с выразительными характеристиками и

эпитетами; по замыслу составителя (или составителей) Каталога они, очевидно, должны навсегда остаться в памяти потомков как места воинской славы. Но читать весь текст до конца представляется весьма скучным занятием – слишком много имен, названий и цифр. Поэтические достоинства снижаются именно теми чертами, которые позволяют, несмотря на героический гексаметр, называть текст Каталогом в нашем понимании этого термина. Вряд ли гомеровская эпоха допускала такую навевающую скуку скрупулезность. Поэтому, даже если в основе Каталога и лежал какой-либо старый эпический текст, он, скорее всего, сильно разросся и оказался перенасыщен сведениями в результате вмешательства в поэзию ученых эрудитов. И такая «учёная» обработка вполне могла быть итогом деятельности комиссии Писистрата.

По одним сведениям в редактировании поэм Гомера принимали участие целых семьдесят два, по другим же – всего четыре грамматика (*Tzet. Schol. in Aristoph. Proleg. De comed.*, 20, G. Kaibel). Среди этих четверых фигурирует имя приверженца орфического (а значит и мусического) культа – Ономакрита. Мы не можем, конечно, утверждать, что именно он был составителем или же редактором Каталога кораблей, но, во всяком случае, при дворе Писистрата он играл столь заметную роль, что именно ему Писистрат вполне мог поручить даже и возглавить комиссию. До этого Ономакрит редактировал и издавал сочинения мифических героев Орфея и Мусея (*Herodot.*, VII, 6). Причем уже древние говорили, что он не только вставлял в стихи Орфея и Мусея свои строки, но даже издавал под их именами свои собственные сочинения. О близости его к Писистратидам свидетельствует Геродот, утверждая, что Ономакрит отправился с отрешенными от власти родичами Писистрата в Сузы, ко двору Ксеркса (*Herodot.*, VII, 6). Поэтому с той же степенью уверенности можно говорить и об участии Ономакрита в собирании знаменитой библиотеки Писистрата, с которой начинается история библиотечного дела в эллинском мире. Занятия Ономакрита представляли собой необычное сочетание поэтического творчества с систематизацией, собиранием, приведением в порядок различного рода сведений. Так, он исправляет Гомера, вводя аттицизмы (*Schol. in Od.*, L, 604), толкует оракулы (*Herodot.*, VII, 6.), описывает статую Геракла (*Paus.*, VIII, 31, 3.), перечисляет имена Харит (*Paus.*, IX, 35, 5.). В дальнейшем соединение поэзии и книжной учёности станет нормой в александрийской литературе.

Уже в V веке до Р. Х., ради большей достоверности, служители Клио перешли с поэзии на прозу. Но, хотя языки истории и поэзии разошлись, и та, и другая остались мусическими искусствами. Как и поэзия, история воспитывала, вдохновляла, наставляла назидательными примерами из прошлого. В середине V века два друга-изгнанника из Галикарнасса, нашедшие убежище на Самосе, – «отец истории» Геродот и поэт Херил, одновременно воспевают победу эллинов над полчищами Ксеркса. Геродот пишет первые фрагменты (логосы) будущей «Истории». Херил творит эпическую поэму «Персика». Оба, позже, получают большие денежные награды за свои «мусические» труды. А когда спустя ещё пару столетий служители Александрийского Мусея будут разбирать и редактировать тексты Геродота, они разобьют их на девять книг и назовут всё сочинение не «История», а «Музы», посвятив каждую книгу одной из Муз; первую – Клио. И это будет не простой формальностью, но признанием того, что сочинение достойно благосклонности богинь.

С одной стороны, историки своими изысканиями облегчали труд поэтов, поставляя им сюжеты. Так Александр Македонский требовал от своих секретарей и сопровождавших армию историков (большой частью – воспитанников Аристотеля) подробнейших записей обо всех событиях Восточного похода, мечтая о том, что найдётся новый Гомер, который позже воспойт их героическим гексаметром. И накопленные в походе записи стали первоначальным ядром Александрийской Библиотеки. С другой стороны, стремление к исторической достоверности начинает разрушать исходящий от «коллективного бессознательного» мифологический архетип героя и его подвигов, прежде легко накладывавшийся на историческую личность и конкретное историческое событие. «История Александра Великого», созданная в залах Алексан-

дрийской Библиотеки, не смогла вытеснить из сознания интеллектуальной элиты реальный образ царя со всеми человеческими слабостями и пороками. И это при том, что в Александрии справлялся официальный культ обожествлённого Александра.

Герои мифов и исторические личности для древних историков имели в равной степени реальное существование. Но если поэты возвышали царей и полководцев до их мифических предшественников, историки, стремясь выстроить единую цепь событий от Девкалионова потопа, наоборот, стали вроде бы «приносить» героев, низводя их до уровня обычных смертных, чьи подвиги были приукрашены поэтами, в силу особенностей поэтического языка с его гиперболами, метафорами и прочими литературными приёмами. Зачатки подобных толкований встречаются уже у Гекатея Милетского (VI в до Р. Х.) и у Геродота. Затем их будут развивать придворный мифограф македонского правителя Кассандра Евгемер (Эвгемер) (рубеж IV–III вв. до Р. Х.) и работавший в Александрийской Библиотеке историк Диодор Сицилийский (I век до Р. Х.).

Но как ни парадоксально, рациональное объяснение деяний, к примеру, Диониса и Геракла не подорвало веру в обоснованность их посмертного апофеоза, который они заслужили не по праву рождения, а именно своими подвигами, совершёнными в земной жизни, на благо человечества. Если же эти подвиги превосходили возможности простых смертных, это означало, что герои являются избранниками богов или судьбы. Поэтому, весьма скептически относясь к слухам о рождении Александра Македонского от Зевса, греческая интеллектуальная элита охотно принимает его посмертный культ, а мифический поход воинства Диониса в Индию в обратном порядке накладывается на маршрут Восточного похода Александра. Наконец, поскольку Дионис и Геракл, будучи в глазах историков реальными людьми, сходящимися с реальными земными женщинами, историческое существование обретали и все их потомки, включая, конечно же, Птолемея. Поэтому при царском дворе в Александрии столь популярными станут профессии доксграфов и генеалогов, собиравших древние предания и строивших родословные царей от древних обожествлённых героев.

От Клио мы переходим к Талии, которую популярные изложения мифов называют лишь Музой комедии, в лучшем случае напоминая читателю о том, что этот театральный жанр вырос из древних пастушеских праздников, славящих обновление природы, и был когда-то частью оформления оргиастического культа Диониса. Поэтому к главному атрибуту Талии, комической маске, естественно добавляются пастушеский посох и плюшевой венок. И под её покровительство отдали себя эллинистические поэты, творившие буколики, то есть – стилизованные под пастушеские песни и диалоги пастухов небольшие поэмы (стихотворные зарисовки), воспевающие безмятежную сельскую жизнь и пастушескую любовь на лоне природы. Именно такую поэзию представит двору Птолемея Феокрит, прибывший в Александрию в середине 80-х годов III века до Р. Х.

В действительности же, как показывает её имя *Θάλεια*, *Θαλία* (Цветущая, Изобильная), эта Муза до самого конца язычества сохраняла древнейшую функцию богини-покровительницы растений, животных и земледелия (Schol. Apoll. Rhod. III, 1; *Plut. Quest. conv.*, IX, 14, 744f). Зверинцы и ботанические сады при эллинистических Мусеях не выросли на пустом месте и не могут быть объяснены лишь чисто научными интересами последователей Аристотеля, но уходят в именно в первобытный культ животных и растений.

Древнейшие святилища Муз, к каковым, кроме беотийской долины Муз, относятся другие священные места Фракии, Македонии, Фессалии, из них наиболее часто упоминаемые авторами долины у подножья Лейбетрона (Лейбетриона, Либетриона) и Олимпа, Пиерийская долина, Лебадейя, Пимплейя, были подобиями наших заповедников. Там запрещались охота и вырубка деревьев, а в более поздние времена, когда животные покинули эти места (вероятно из-за большого наплыва паломников и шумных празднеств), в долине Муз, например, появляются в большом количестве скульптурные изображения животных. К обнаруженным

археологами мраморным и терракотовым образам львов, змеи, орла, несущего в лапах зайца, хранящимся ныне в Археологическом музее в беотийских Фивах (inv. 68–83; 126, 132), добавим описанные Павсанием (IX, 30, 3; 31, 1–2) фигуры быка, лани, дельфина, страуса, группу животных, слушающих Орфея⁹⁸. Многие из изображений связаны с мифологией. Например, лань, кормящая младенца Телефа, сына Геракла, или животные, замороженные пением Орфея. Но все они выполнены с таким реализмом, что по ним можно изучать анатомию животных. Согласно Павсанию, в долине Муз работал скульптор Стронгилион, прославившийся своим мастерством именно в ваянии разных животных (*Paus.*, IX, 30, 1).

Мы не можем считать их всех священными животными Муз, но популярный в Беотии культ древнейшей богини-повелительницы зверей, явно накладывается на последующий культ Талии.

Кроме того, у Муз были свои священные насекомые – пчелы и цикады, и священные растения, прежде всего – длиннохвойная сосна-пиния (*Pinus pinea*), а также платан, столь любимый афинскими академиками, земляничное дерево (*Arbutus andrachne*), белый тополь (*Populus alba*). Все они будут произрастать в садах, сменивших архаические священные рощи. А затем уже настоящие ботанические сады (и зверинцы) появятся в Ликее и в Александрии. В научных описаниях растений, сделанных на основе многолетних наблюдений, первенство держит пифагореец Менестор из Сибариса, за ним следует Феофраст неоднократно сославшийся на ботанические труды пифагорейца. В них, судя по цитатам, были не только попытки классификации видов растений, но и изложение результатов опытов по их культивации (*Theophr. De caus. plant.*, I, 17, 3; I, 21, 5; II, 4, 3). Классификацию животных напишет в Ликее Аристотель. Менестор, Аристотель и Феофраст ради большей достоверности писали прозой, как и историки, что затем породило наименование их жанра – естественная история (*Naturalis historia* у Плиния Старшего). Феофраст же создаст подробное научное исследование о минералах. Но в такой области естествознания как минералогия (частью которой является геммология) также имеются интересные примеры того, как объединяются поэзия и дотошная каталогизация, уже проиллюстрированная нами на примере Каталога кораблей. И здесь сыграли видную роль «опекавшие» священные долины и справлявшие там культ орфики.

При дворе Птолемея будет процветать камнерезное искусство и появятся так восхитившие римлян коллекции гемм. В них, по мнению древних, равно присутствовали как мастерство природы, создавшей гармоничное чередование цветных слоёв камня, так и мастерство резчика, раскрывшего красоту этого чередования и облекшего его в сюжет. Кроме того, в птолемеевском Египте сохранялась, подкреплённая бесчисленными местными амулетами, древняя вера в магическую силу камней. Хранение и описание гемм были теми видами интеллектуальной работы, к которым логично подключить учёных Мусея: ведь тут требовались, помимо художественного вкуса и эрудиции в области мифологии, знание свойств самого материала. В этой области александрийцы имели в распоряжении богатое письменное наследие на папирусных свитках Библиотеки.

Самое известное «минералогическое» сочинение, приписываемое самому Орфею, на самом деле, по мнению авторитетных учёных⁹⁹, появляется лишь в IV веке от Р. Х. и носит название «О камнях» (*Περὶ λίθων* или *Λιθικά*). После обширного вступления, обращенного

⁹⁸ Этих животных Павсаний не перечисляет, но о том, как могла выглядеть вся композиция может дать приблизительное представление римская мозаика III в. от Р. Х. (Палермо, Museo Archeologico regionale Antonino Salinas, inv. 2287). Там, вокруг фигуры певца, разместились лев, тигр, леопард, бык, олень, змея, черепаха, ящерица, страус, павлин, антилопа, попугай, осёл, медведь и разные мелкие представители фауны. Немного беднее «зоопарк» мозаики из Удны (Тунис, музей Бардо, inv. 109), но там есть изображение обезьяны. Идентичный ряд животных и птиц показывает мозаика так называемого дома Орфея в испанской Цезаравугсте (*Colonia Caesar Augusta*; совр. Сарагоса, Museo de Zaragoza, Sección de Arqueología, sala 5, inv. 7588), где особо выделяются фигуры льва, медведя, тигра, леопарда. Мозаика из Эдессы, 194 г. от Р. Х. (США, Техас, Даллас, Dallas Museum of Art, inv. 1999.305) добавляет нам вепря, козла и ворона.

⁹⁹ Уэст М. Орфические поэмы. С. 25 // <http://www.nsu.ru/classics>

к главным олимпийским богам, автор кратко описывает двадцать девять камней, выделяя их волшебные свойства, начиная с горного хрусталя, свойствами подобного тому загадочному элементу, из которого сложены небесные сферы. Затем перечисляются прочие камни, используемые резчиками для изготовления украшений и амулетов. Среди них оказывается и обладающий таинственным тяготением магнит. Самое подробное поэтическое исследование посвящено кораллам, агатам и наиболее любимым изготовителям амулетов гематитам, извлекающим от всех болезней.

Но вот что примечательно. Словарь Свида (Суда), называя произведения Орфея, выделяет те из них, истинным автором которых, по мнению составителя словаря, является уже знакомый нам орфик Ономакрит. В их числе – поэма «Посвящения» (Τελεταί). Назвав её сочинением Ономакрита, словарь (s. v. Ὀρφεύς), далее, сообщает: «...куда входит поэма о резьбе по камню, озаглавленная Восьмидесятикаменник» (ἐν τούτοις δ'ἔστι Περὶ λίθων γλυφῆς, ἥτις Ὀκδοηκοντάλιθος ἐπιγράφεται). Но трудно представить себе связь посвящений в таинства с искусством резьбы по камню. Чтобы избежать бессмыслицы, немецкий филолог Готфрид Бернгард ещё в XIX веке предложил вставить после «Посвящений» название поэмы «О камнях».

Однако в дошедшем до нас тексте нет раздела о восьмидесяти камнях и о способах их обработки. Следовательно, византийский словарь имел в виду совсем другое, не дошедшее до нас произведение, и оно, возможно, вышло из-под пера Ономакрита в то же время, когда появляется окончательная версия «Илиады» с Каталогом кораблей. Ведь именно Писистратиды, при дворе которых процветал Ономакрит, прославились не только своими книжными богатствами, но и первыми коллекциями резных камней.

Задолго до появления византийского словаря раннехристианские авторы Татиан (Ad Graec, 41) и Климент Александрийский (Strom., I, 21, 131) уверенно называют Ономакрита автором поэм, приписываемых Орфею. С разницей в пару десятилетий они, почти наверняка, были постоянными читателями Александрийской Библиотеки. Татиан (ок. 120 – ок. 173 от Р. Х.), называемый Ассирийцем за свое восточное происхождение и до переезда в Рим, скорее всего, учившийся в Александрии, и Климент (ок. 150 – ок. 215), постоянно живший в городе, в отличие от нас, имели возможность знакомства со всем корпусом орфических текстов. Поэтому мнения столь эрудированных христианских писателей стоит учитывать.

Мы не знаем, как выглядела поэма «Восьмидесятикаменник», был ли это поэтический каталог, или что-нибудь другое, но спустя полтора столетия после жизни Ономакрита создаются произведения о геммах, которые уже вполне подходят под определение «вербальная коллекция».

В Палатинской антологии, в IX-й книге, где собраны эпиграммы в жанре экфрасиса (словесного описания произведений искусства), мы встречаем стихи с красочным и наглядным описанием гемм, автором которых считали самого Платона, хотя уже у составителей сборника возникли сомнения на это счет¹⁰⁰, и творцом части эпиграмм ими назван некий Платон Младший (AP IX, 13; 747; 748). К ним тематически и стилистически близки стихотворения, подписанные собственно именем Платона, где содержится описание произведений искусства, – Афродиты Праксителя, спящего Сатира и прочих, древних и современных шедевров (AP VI, 43; IX, 13, 751, 826, 827; XVI, 13, 160, 161).

Поскольку составители Палатинской антологии тщательно отбирали поэтические опыты прежних столетий, возможно, мы имеем для чтения лучшие фрагменты какого-то сборника. Автор составляет для себя вербальную коллекцию гемм, любит ими, и подключает к этому любованию читателя. Но можно ли установить, каковы были оригиналы? Имена резчиков не

¹⁰⁰ О проблеме авторства см.: Позднев М. М. К вопросу об авторстве платоновских эпиграмм. // Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 1. СПб., 1997. С. 83–97.

упомянуты, нет информации о владельцах. И возникает вопрос, не являются ли сами геммы плодом поэтического воображения или результатом свободного словесного обобщения множества прежде созерцаемых произведений? Тогда поэт может быть уподоблен художнику, делающему эскизы на пленэре, но создающему пейзаж в мастерской, переосмысляя и видоизменяя его. Именно такая тенденция ярко проявится у александрийских писателей, составивших множество каталогов природных и искусственных предметов.

Возвращаясь к Талии, отметим, что столь же древней является функция покровительства этой богиней здоровью, «цветению» организма, а значит – обеспечивающим это цветение медицине и спорту. Здесь Талия отчасти дублирует функции Асклепия, бога врачевания, и его дочерей Гигеи и Панакеи. Не случайно святилище Муз в Ликее основывает возводящий свою родословную к Асклепию потомственный врач Аристотель. И не случайно, что именно в Александрии, при Мусее (а позже – ещё и при построенном в середине III века до Р. Х. храме Сераписа) возникнут лучшие в мире медицинские школы, так что «...врачу вместо любого доказательства своей опытности достаточно в виде рекомендации о своем искусстве заявить, что он изучал медицину в Александрии» (*Amm. Marc.*, XXII, 16, 18. Перевод Ю. А. Кулаковского).

Что касается спорта как важнейшей составляющей физического здоровья, он претерпел эволюцию от ритуальных погребальных игр и повседневных тренировок воинов (также в архаические времена сопровождающихся магическими ритуалами) до спортивных занятий в городских палестрах и всеэллинских состязаний. Мусические и спортивные агоны, в разных пропорциях, присутствовали во всех известных нам играх – от Олимпиад, до Мусейев, состязаний, устраивавшихся в долине Муз. О том, что спорт был вполне мусическим видом деятельности свидетельствуют занятия Пифагора, который и сам, в молодости, выступал борцом. Занятия по подготовке спортсменов, не раз прославлявших город Кротон на Олимпийских играх, в частности, с борцом Еврименом, для которого Пифагор даже разработал специальную диету (*Diog. Laert.*, VIII, 1, 12). И Платон собрал в Академии учеников, занятых не только свободными искусствами и науками, но и заботой о телесном здоровье. Этой цели служил сад Академии, окружавший платоновский Мусей. Там, по сообщению Элиана (*Var. hist.*, II, 27), имелась даже накатанная колея для бега на колесницах. По-видимому, она была проложена вокруг святилища, так как по ней кружил на своей колеснице возничий Анникерид из Кирены, демонстрируя Платону искусство управления лошадыми.

На мусических агонах в честь Аполлона в Дельфах, кроме певцов и музыкантов, выступали борцы-атлеты и колесничие. На Истмийских играх поначалу преобладали чисто спортивные состязания, но позже к ним были присоединены и мусические. Наоборот, к мусическим агонам (Мусейям) в беотийской долине присоединяются агоны спортивные (γυμνικοί) и конные (ιππικοί).

За этими играми уже следуют александрийские Птолемейи. Причём надпись III века до Р. Х. свидетельствует, что власти Теспий, города, традиционно курировавшего беотийские Мусейи, в соответствии с пожеланиями (очевидно, сопровождавшимися щедрыми дарами) царя Птолемея и царицы Арсинои (неизвестно, каких именно), реорганизуют агоны (ВСН XIX, nr. 3, p. 326–327; nr. 4, p. 328). То есть, речь идёт об обратном влиянии на древнее святилище александрийских новообразований. Примерно с этого времени, вплоть до правления сыновей императора Константина Великого, в долине Муз накапливается уникальный архив на мраморных плитах, содержащий подробную информацию обо всех состязаниях. В списках участников, примерно в равных пропорциях, представлены рапсоды (IG VII, 1760), авлеты (IG VII, 1760; Syl.³ I, 457), авлоды (IG VII, 1760; 1762; Syl.³ I, 457), кифаристы (IG VII, 1760; 1763; Syl.³ I, 457), кифареды (IG VII, 1763; Syl.³ I, 457), сочинители произведений для хоров (IG VII, 1772), сочинители просодиев (IG VII, 1760; 1773) и эпических поэм (IG VII, 1735, 1760, 1819; Syl.³ I, 457; ВСН XXVI, p. 424, nr. 45), сочинители и исполнители ролей в древней и

новой трагедии и комедии (IG VII, 1760, 1761), исполнитель пифийских песен (IG VII, 1773). И тут же – многочисленные имена спортсменов и разновидности спортивных профессий. В спортивных состязаниях количественно преобладали самые зрелищные – заезды колесниц (IG VII, 1764; 1772). Далее следуют забеги на разные дистанции (IG VII, 1764, 1765, 1769) и бег в доспехах (IG VII, 1772), за ними – борьба и кулачный бой, пятиборье и многоборье (IG VII, 1765, 1769). В спортивных агонах участвовало большое количество детей и детских команд (IG VII, 1765; 1769).

Победы спортсменов тут же воспевались поэтами. Беотиец Пиндар, включённый филологами Александрийского Мусея, собравшими его литературное наследие в семнадцати книгах, в канон девяти величайших поэтов-лириков, посвящает свои эпиникии (победные песни) победителям Олимпийских, Истмийских, Пифийских, Немейских игр, сравнивая спортсменов с древними героями. Поэт, который, напомним, получил вдохновение на Геликоне, где, во время сна, пчёлы принесли мёд в его уста (Vita Pind., 2), постоянно обращается к Музам – «прекраснокудрым» (Olymp., VII, 92), «сладостно дышащим» (Olymp., XIII, 24), восседающим на «сияющих престолах» (Op. cit., 99), а свои песни именуется «мудрыми дочерьми Муз» (Nem., IV, 2–3), или же «колесницей Муз», догоняющей колесницу возницы-победителя (Isthm., VIII, 61–62).

Пиндару вторит его младший современник и соперник в мусических агонах Вакхилид Кеосский, также занесённый александрийцами в канон девяти поэтов. Он призывает то ко многим, то к одной «многоголосой» Музе (Dith., 20c. Hieron., 1c, 4). Победителю в беге колесниц он вручает в виде песни «сладкое приношение... Муз» (Olymp., V, 1c, 4), а победителю в беге «бессмертный, нерукотворный памятник Муз» (Isthm., X, 1a, 11–12).

Служителей Муз равно привлекали как совершенные тела спортсменов, так и правильные ритмичные движения, совершаемые ими при выступлениях. Они отчасти были подобны танцевальным движениям, высшим типом которых мыслился ритуальный танец самих Муз. Подобного совершенства на Земле можно было достигнуть не одними лишь каждодневными упражнениями, но и обязательными обращениями к божествам. И не только в молитвах и посредством жертвоприношений. Специфика языческих религий, как известно, заключалась в непреложной вере в то, что боги и богини имеют созерцаемые телесные воплощения. Даже для Демокрита и его последователей живущие во внешних мирах божества, хотя они и не вмешиваются в дела нашего мира, являют нам свои бессмертные тела, сложенные из нерасцепляющихся атомов, чтобы мы стремились хоть как-то, отдалённо, походить на них. Пифагорейцы и платоники, мыслящие наш мир несовершенным, «отягощённым» материей воплощением высшего мира чисел и эйдосов, с ещё большим, поистине религиозным энтузиазмом, обращали свои взоры к небесам. И Аристотель, вслед за своим учителем Платоном (хотя Аристотель и старался придать своим астрономическим построениям строгие эмпирические и логические обоснования) также безоговорочно разделял земной и небесный миры, приписывая последнему только правильные движения, совершенную гармонию, нетленность.

Вера в космическую гармонию, помноженная на первобытную веру в то, что небесные тела и знамения, ниспосланные с небес, влияют на судьбы смертных и всей Земли, сделала служителями Муз предсказателей (не только астрологов, но и гадалей, изучающих все виды знамений) и астрономов. Обе группы служителей существовали параллельно до конца язычества. Так, в VI веке до Р. Х. орфик Ономакрит будет именоваться *ἡρησιολόγος καὶ διαθέτης ἡρησιῶν τῶν Μουσῶν*: прорицатель и собиратель предсказаний Мусея (имеется в виду герой Мусей, от имени которого, как было сказано выше, писал Ономакрит) (Herodot., VII, 6). Должность гадалея (*μαντεῦόμενος*) присутствует при перечислении должностей организаторов агон в долине Муз (IG VII, 1795). В числе возможных соучредителей или предшественников сообщества Александрийского Мусея мог быть придворный прорицатель Александра Македонского Аристандр Телмесский, о котором мы ещё будем вести речь. Другой вероятный

соучредитель Мусея – жрец Манефон известен не только как историк Египта, но и как автор специального труда по астрологии (Ἀποτελέσματα). Спустя четыреста лет в Александрийском Мусее будет служить Панкрат Аркадский, поэт, и, вместе с тем – астролог и маг. Во времена императора Александра Севера (222–235 от Р. Х.) в Александрию, наряду с другими «интеллектуалами», репрессированными при его предшественнике Каракалле, возвращаются гадалки (haruspices) (SHA Alex. Sev., 44). Наконец, в учёном кружке Ипатии Александрийской, последнем «реликте» Мусея, присутствует грамматик и прорицатель (μάντις) Феодосий (Syn. Epist. IV).

Небесные движения и небесные знамения естественно перешли под покровительство Урании. Неизменный атрибут, присутствующий при всех изображениях богини – небесная сфера, то есть, самая правильная из геометрических фигур, демонстрирует идеальное представление о Космосе, вроде бы не противоречащее нашему зрению: мы каждодневно видим полушарие небесной сферы, которое мысленно продолжается вниз, замыкаясь под Землёй. За пределами шара находится Хаос, бесформенное первоначало, одновременно порождающее и разрушающее, пытающееся вторгнуться в наш мир. Восходящая к мифологии концепция мироздания полностью сохраняется во всех космологических системах древности. У греков уже в V, а может быть и в VI столетиях до Р. Х., появляются модели небесного глобуса, используемые для практических занятий по астрономии¹⁰¹. После долгих умозрительных построений, отказавшись от идеи плоского земного диска, разделяющего небесную сферу на две равные половины, греки пришли и к идее шарообразности Земли, располагающейся в центре Космоса, что сильно возвеличивало живущий на Земле человеческий род. Только у Демокрита столь совершенные фигуры, небесная и земная, складываются сами собой, в силу естественных сцеплений и расцеплений атомов. Подавляющее большинство философов и астрономов принимало идею бога-творца. Орфики, допуская самозарождение Космоса из Мирового Яйца, утверждали, что его дальнейшее благоустройство стало результатом творчества светлого божества Фанеса или Протагона¹⁰².

Пифагорейцы связали это творчество с вечными законами числовой гармонии и ввели в мироздание внутренние, издающие божественную музыку сферы, по которым движутся Солнце и планеты. Высший бог занял место по ту сторону мира, за сферой неподвижных звёзд. Внутренние сферы стали обителями остальных богов. Именно Музы, переселившись со священных долин на небеса, сделались у пифагорейцев богинями-правительницами небесных сфер, каковых вместе со сферами семи планет, сферой неподвижных звёзд и сферой мифической пифагорейской Противоземли, получается ровно девять. Каждая сфера, благодаря их воле, звучит в своей неповторимой тональности: «Звуки семи планет, неподвижных звёзд и того светила, что напротив нас и называется Противоземлёй, он [Пифагор] отождествил с девятью Музами, а созвучие их всех в едином сплетении, вечном и безначальном, от которого каждый звук есть часть и истечение, он называл Мнемосиной» (*Porph. De vita Pyth.*, 31. Перевод М. Л. Гаспарова). Правда, пифагорейцы лишили Землю статуса мирового центра, поместив туда вместо неё сгусток Первоогня, но эта идея в дальнейшем была отвергнута.

Пифагорейская модель Вселенной была подробно изложена в сочинении ученика Пифагора Филолая «О природе», сохранившемся лишь в цитатах. Эта модель похожа на искусственную механическую игрушку с равномерно вращающимися деталями, с «хрустальными» шариками сфер, с диковинным зеркалом, отражающим Центральный Первоогонь, нашим Солнцем, которое мы, по незнанию, принимаем за сам Первоогонь.

¹⁰¹ Басаргина Е. Ю. Наглядное обучение астрономии в V веке до н. э. // Некоторые проблемы истории античной науки. Сб. научн. работ. – Л., 1989. С. 58–62.

¹⁰² Подробно об орфическо-пифагорейской модели Космоса см.: Житомирский С. Античная астрономия и орфизм. – М., 2001.

Платон, выкупивший сочинение Филолая у родственников философа или получивший его в подарок (*Diog. Laert.*, III, 1, 9; VIII, 6, 84–85), создаёт свою Вселенную в диалоге «Тимей». Там он прямо заявляет, что Космос сотворён божественным демиургом, по идеальному образу (Tim. 37d). Земле возвращается положение центрального тела, из девяти сфер сохраняется семь, а относительно прочих планет вопрос оставляется открытым (Op. cit., 38d-e) Аристотель, критически разобрав труд Филолая, умножает количество сфер, вводя эпициклы, и полностью устраняет из Вселенной ненаблюдаемые объекты – Первоогонь и Противоземлю. Но и у Платона, и у Аристотеля остаётся неизменной пифагорейская идея числовой гармонии Вселенной, подобной той гармонии, что открывается нам в музыке.

3

Возможным местом рождения Филолая (*Vitr.*, I, 1, 16)¹⁰³, или, по крайней мере, местом его долговременной преподавательской деятельности (*Diog. Laert.*, VIII, 1, 46; *Cic. De orat.*, III, 34, 139), был южноиталийский город Тарент. После погромов против приверженцев учения в Кротоне и Метапонте, последовавших между 500 и 490 гг. до Р. Х., туда бежали единственные оставшиеся в живых пифагорейцы Архипп и Лисид (*Jamb. De vita Pyth.*, XXXV, 248). Три поколения спустя, пройдя обучение у Филолая, пифагорец Архит семикратно избрался стратегом Тарента, то есть, фактическим становится правителем города, так как стратеги распоряжались не только войсками, но и городскими финансами. При нём пифагорейский союз возрождается и процветает. Известно, что в V–IV столетиях до Р. Х. в Таренте проживала самая многочисленная пифагорейская община. Ямвлих, перечисляя знаменитых последователей Пифагора, называет сорок пять имён тарентийцев (*De vita Pyth.*, XXXVI, 267). Среди них (кроме Филолая и Архита), врач Ликон, ботаник, изучавший целебные свойства растений. (*Athen.*, II, 69e). И врач Иккос, который, сам будучи спортсменом и победителем на Олимпийских играх, как и Пифагор, разрабатывал лечебные диеты и практиковал оздоровительную гимнастику. За ними следуют учивший о музыкально-числовой гармонии души Эхекрат¹⁰⁴, которого Платон сделает участником диалога «Федон», Клиний, предлагавший «усмирять» музыкой страсти души, Еврит, автор трактата «О судьбе», инженер Зопир, строивший боевые машины для сиракузского тирана Дионисия Старшего. Участницами союза были и женщины – тарентийки Габротелия (дочь пифагорейца Габротела) и Писиррода. Добавим к списку Ямвлиха также Аристоксена – музыковеда, написавшего знаменитые «Элементы гармонии» (отсюда его прозвище Аристоксен Гармоник).

Поэтому напрашивается вывод о наличии общего центра, где учились, преподавали, занимались мусическими искусствами и науками эти выдающиеся личности италийского города.

В Таренте был свой городской Мусей, о котором кратко сообщает историк Полибий (VIII, 29), излагая события 212 г. до Р. Х. (осада Тарента Ганнибалом во время Второй Пунической войны). Полибий упоминает пиршество в Мусее римского градоначальника Гая Ливия и его друзей. Это была не священная трапеза (*συσσίτιον*), а обычная пирушка (*συνήθεια*). То есть, в этот период Мусей являлся чем-то вроде городского клуба, где общались за трапезой, причём, такие пирушки, назначавшиеся с самого утра, могли сопровождаться импровизированными состязаниями, например, с поочередным исполнением стихов, или философскими диспутами.

Мусей находился неподалёку от агоры, где, как мы знаем, тарентийцы построили большой храм Аполлона. Рядом располагались театр, гимнасий, колоссальная статуя Зевса работы

¹⁰³ Диоген Лаэртский о Филолае Тарентском (VIII, 1, 46), но в другом месте (VIII, 6, 84–85) родиной философа называет Кротон.

¹⁰⁴ Он уроженец Флиунта, но в Таренте учился у Филолая и Еврита. В списке Ямвлиха, возможно, в качестве тарентийца назван его тёзка.

Лисиппа и не менее огромная статуя Геракла (*Strab.*, VI, 3, 1, C278; *Plin. Nat. hist.*, XXXIV, 16, 40; *Plut. Fab. Max.*, 22). Свидетельством мусического культа в городе является скульптурная группа, найденная при раскопках и ныне выставленная в музее виллы Поля Гетти в Малибу (США, Калифорния). Терракотовые фигуры в человеческий рост, датируемые периодом между 350 и 300 гг. до Р. Х., изображают Орфея в окружении замороженных Сирен. В городе также почиталась могила аполлонова любимца Гиакинта (Гиацинта) (*Polyb.*, VIII, 30), бывшего, по одной из версий мифа, сыном Музы Клио и царя Пиера (*Apollod.*, I, 3, 3).

В отличие от подвергаемых критике сообщений поздних авторов о пифагорейских Мусеях в Метапонте или Кротоне (а эти города вместе с Тарентом, Гераклеей, Сибарисом образовывали ожерелье греческих колоний по побережью Тарентийского залива, и там везде существовали пифагорейские общины), свидетельство Полибия совершенно беспристрастно, хотя, к сожалению, из него нельзя извлечь информацию о времени основания тарентийского Мусея.

Через три с лишним века после Полибия Афиней (XII, 545a) напишет, что Архит Тарентский учил своих слушателей, прогуливаясь с ними (*συμπεριπατεῖν*) по неким священным участкам (*εἰς τὰ τεμένη*). Афиней ссылается, при этом, на утраченное сочинение современника Архита, вышеупомянутого Аристоксена Гармоника. Сочинение под названием «Жизнь Архита», которое цитируют и другие авторы. В данном контексте речь идёт, скорее всего, не о замкнутых дворовых пространствах храмов, а о священных рощах, неизменных атрибутах многих святилищ Муз. Было бы заманчиво объединить оба источника, ведь слушателем Архита Тарентского был также и Платон. Более того, их связывала многолетняя дружба: именно Архит спас Платона от преследований сиракузского тирана Дионисия. Поскольку основанию платоновской Академии в Афинах непосредственно предшествовала поездка Платона в Южную Италию и Сицилию в 389 г. до Р. Х. и его общение с пифагорейцами, можно было бы сделать предположение о том, что Платон увидел в Таренте образец для своей будущей Академии с её священной рощей, окружавшей Мусей.

К сожалению, у Полибия речь идёт явно о храме Муз в центре города. Исторический центр Тарента в древности умещался на узком полуострове, а ныне, после того как в XV веке от Р. Х. прорыли канал, он зажат на маленьком островке между заливом (*Mar Grande*) и лагуной (*Mar Piccolo*). На пространстве, стиснутом городскими стенами, вряд ли имелось достаточно места для прообраза находившегося в центре большого сада Мусея платоновской Академии. Но вполне могло быть и так, что, наряду с городским Мусеем, где-нибудь в пригороде Тарента, находилась и священная роща Муз, где пифагорейцы учили, диспутировали (у Афиней оппонентом Архита выступает философ киренской школы Полиарх, призывавший не чуждаться роскоши и наслаждений), медитировали, совершали обряды на восходе Солнца. Подобный пример мы видим в Беотии, где малый храм Муз в Теспиях (*Paus.*, IX, 27, 1–6) соседствовал с долиной Муз. Также наличие одной большой философской школы, к тому же – поддерживаемой правителем города, который сам являлся её членом, позволяет предположить, что пифагорейцы могли составлять и костяк служителей городского Мусея. И могли использовать его как для совершения своих обрядов, так и для учёных занятий.

Многие открытия пифагорейцев сразу находили практическое воплощение. Служители Талии, несомненно, внесли свой вклад не только в победы тарентийцев на спортивных агонах, но и в вызывающее зависть у соседей экономическое благополучие города периода правления Архита, добившегося, как сказали бы сейчас, «продовольственной безопасности» полиса, за счёт больших урожаев пшеницы, сбора оливок, виноделия, за счёт знаменитых тарентийских коров и овец. А разведение овец, давало ещё и не менее знаменитые тарентийские шерстяные ткани, окрашиваемые пурпуром, добываемым из местных раковин. Ткани, не уступавшие по красоте и прочности тем, что окрашивались дорогим финикийским пурпуром.

Несомненную пользу приносили и служители Урании, поскольку для древних важно было не только рассчитывать календарные циклы по движению небесных тел, но и по любому поводу, перед началом любого деяния, получать и правильно понимать божественные знамения.

Но следует подчеркнуть, что ведущим стимулом научных занятий и экспериментов служителей Муз, где бы то ни было, в Таренте, в Афинах или в Александрии, являлась их врождённая любознательность, желание проникнуть в тайны Космоса, достичь мудрости, возвышающей смертных до уровня богов. Материальные стимулы и тем более – благосклонность и награды властей, конечно, имели место, но, по крайней мере – декларативно, подчёркивалось, что эти занятия ценны сами по себе. Таково было отличие греческих интеллектуалов от их восточных собратьев (за исключением, быть может, могущественной жреческой верхушки Вавилонии и Египта), занимавшихся науками «по должности». Так, ещё афинский мудрец и законодатель Солон, прибыв в Египет, провёл сложные измерения высоты пирамиды Хеопса не потому, что получил на это заказ, а просто из праздного любопытства.

Сказанное относится и к такой, находившейся под покровительством Урании сфере, как механика. Механическое конструирование, на первый взгляд кажущееся чуждым мусической деятельности, так как оно, скорее, должно было бы причисляться греками к сфере ремесла (τέχνη), получает в Мусеях весьма значительное распространение, начинаясь, опять-таки, с пифагорейцев. И главная причина этому не оплачиваемые заказы правителей, а особое видение Космоса как совершенного заведённого механизма, издающего космическую музыку, проникающую в уши посвящённых. И желание смоделировать работу этого механизма.

Мастерская Ктесибия в Александрии выполняла специальные заказы двора по конструированию военных машин и различных строительных и оросительных приспособлений. Но, как дотошно подсчитал историк античной техники Герман Дильс, подавляющая часть александрийских автоматов не имела практического смысла и представляла собой «изящные художественные произведения», рассчитанные на театральное-зрелищный эффект¹⁰⁵. Между тем танцующие марионетки, размахивающий палицей Геракл, работающие кузнецы, открывающиеся и закрывающиеся силой пара двери и тому подобные диковины, о которых мы знаем по трактатам александрийца Герона, свидетельствуют о массовом производстве такой продукции.

В Таренте, где благодаря пифагорейцам, и возникла механика не только как наука, но и как мусическое искусство, мы впервые наблюдаем подобную двойственность. Между 400 и 350 годами до Р. Х. механик Зопир прославился изготовлением гастропетов (γαστραφέτης), стрело- и камнемётных машин, метавших снаряды на расстояние до 200 метров. Здесь, скорее всего, имел место заказ союзника тарентийцев Дионисия Сиракузского, которому боевые машины нужны были для войны с карфагенянами (*Diod. Sic.*, XIV, 41–43; *FrGrH* III, 556 (Philist.), fr. 34). Но в эти же самые десятилетия Архит Тарентский, который в заказчиках явно не нуждался, конструирует свои, вызвавшие столь большой интерес как у его современников, так и у антиковедов, игрушки.

На основании сообщения о том, что Архит любил играть с детьми своей челяди (*Ael. Var. hist.*, XII, 15), можно предположить, что эти игрушки и были изготовлены для детей, тем более, что Аристотель даже предлагал давать детям игрушку Архита, чтобы те забавлялись и ничего не ломали в доме (*Ar. Polit.*, VIII, 6, 1, 1340b). Здесь речь идёт о первой игрушке – погремушке или трещотке (Ἀρχύτου πλαταγή; о ней также см.: *Suid.* s. v. Ἀρχύτας)¹⁰⁶, которую потом, по мысли Аристотеля, заменит серьёзное обучение детей музыке (*Ibid.*).

¹⁰⁵ Дильс Г. Античная техника. – М., 1934. С. 61.

¹⁰⁶ Возможно, идея игрушки была навеяна мифом о Геракле, который с помощью медной погремушки распугал стимуляционных птиц (*Diod. Sic.*, IV, 13).

Второе изобретение Архита вызывало у авторов удивление: он сконструировал деревянного голубя, который мог летать. Авл Геллий (Noct. Att., X, 12, 8) пишет о нём через пятьсот лет и, чувствуя, что его слова вызовут недоверие читателя, ссылается на своего друга философа Фаворина, известного при дворе императора Адриана и в Афинах эрудита и «эксперта» в области достижений эллинов (Favorinus philosophus, memoriam veterum exequentissimus). Деревянная модель (simulacrum columbae a ligno) держалась в воздухе по законам механики, благодаря противовесам (libramentis) и находившегося внутри воздуха. Далее следует цитата из Фаворина, текст которой, к сожалению, испорчен: «[голубь]... приземлившись, уже не взлетал». И далее: «[голубь]... мог летать до тех пор, пока...».

Можно предположить, что эта игрушка совмещала в себе признаки планера и пневматического механизма. Голубь взлетал, когда из него выходил накачанный в его чрево воздух, затем планировал, садился на землю, но, израсходовав воздушный запас, вторично взлететь уже не мог¹⁰⁷.

Таким образом, в Таренте мы имеем явный прообраз будущих занятий александрийских механиков, как «для души», так и «на заказ». Добавим к нему приписываемые Архиту систематизаторские труды по математике, механике и оптике (*Diog. Laert.*, VIII, 4, 83). Математика же у пифагорейцев, в силу божественного происхождения чисел, пропорций, фигур, ритмов, интервалов, была основой познания всего бытия, как посредством зрения, воспринимающего «числовые коды» Вселенной сквозь материю, так и посредством слуха, открывающего их при исполнении музыки. Поскольку вклад пифагорейцев в музыку, искусство, наименование которого непосредственно порождено ключевым именем Муза, достаточно глубоко изучен, мы позволим себе ограничиться цитатой из сочинения того же Архита Тарентского в передаче неоплатоника Порфирия Тирского: «Думается мне, что знатоки математических наук пришли к верному познанию и нет ничего странного в том, что они правильно судят о свойствах всех отдельных вещей. Ибо раз они верно познали природу Вселенной, то должны были верно усмотреть и свойства отдельных вещей. И о скорости звёзд, и о восходах и закатах передали они нам точные познания, и о геометрии, и о числах, и в не меньшей мере о музыке. Думается, что науки эти – родные сёстры, ибо они занимаются двумя первоначальными родственными видами сущего» (*Porph. Comm. Ptol.* 56, 2–12 (I. Düring) Перевод А. В. Лебедева¹⁰⁸).

Музыка была и главным компонентом пифагорейских ритуалов, и обязательной образовательной составляющей для учеников на обеих ступенях пифагорейского образования (акустик и математиков). И хорошим средством укрепления душевного и физического здоровья (позже музыкальную терапию будут практиковать в Александрии врачи школы Герофила). Не все пифагорейцы были практикующими музыкантами, но в большинстве своём, они, по крайней мере, занимались теорией музыки и наставляли музыкантов¹⁰⁹. Архит Тарентский оставил сочинения «О музыке» и «Гармоника». Его мысли о консонансах (музыкальных созвучиях) многие столетия спустя будут цитировать Порфирий, Никомах Герасский, Птолемаида Киренская, Клавдий Птолемей, Северин Боэций.

Наконец, следует отметить ту практическую сферу, где музыкальная теория объединяется не только с математикой, но и с механикой: опыты пифагорейцев по конструированию и изготовлению музыкальных инструментов. Самым простым из них можно считать детскую погремушку Архита Тарентского, но он оставил ещё и специальное сочинение «О флейтах» (*Athen.*, IV, 184e). Пифагору и Гиппасу Метапонтскому приписывается открытие музыкальных интервалов, на основании которого мастера, изготовлявшие струнные инструменты,

¹⁰⁷ См.: Huffman C. A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. – Cambridge, N. Y., 2005. P. 82.

¹⁰⁸ Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. – М., 1989. С. 456.

¹⁰⁹ См.: Щетников А. И. Развитие учения о музыкальной гармонии от Пифагора до Архита // Пифагорейская гармония: исследования и тексты. – Новосибирск, 2005. С. 25–65.

стали определять длину струны. Самыми сложными музыкальными инструментами древности стали гидравлосы (водяные органы), распространившиеся в эллинистическое время. Орган Ктесибия Александрийского появляется около 270 года до Р. Х. Но ему предшествовал инструмент, собранный по заказу Платона для Мусея в афинской Академии. И, может быть, он также имел какой-то прототип, или хотя бы теоретическое обоснование в пифагорейских музыкальных опытах (напомним ещё раз, что Академия создаётся непосредственно после поездки Платона в Италию и его дружеского общения с Архитом Тарентским).

Афиней (IV, 174a-e) сообщает о платоновском инструменте, приводя длинную цитату из сочинения Аристокла «О хорах». Предположительное время жизни этого автора, известного ещё как историка государственного устройства Спарты, – конец II века до Р. Х., то есть, период, достаточно близкий к работе мастерской Ктесибия, когда гидравлосы получили массовое распространение. Собственно, цитата и посвящена описанию гидравлоса, но Аристокл подчёркивает, что первый шаг к его изобретению сделал Платон. Он называет платоновское новшество *νυκτερινόν ὄρολόγιον* (буквально – ночной будильник), и ещё *ὑδραυλικόν ὄργανον* (водяное приспособление). Подчёркивается, что оно представляло собой большую клепсидру, то есть – водяные часы. Когда воздух, вытесняемый водой, проходил через трубки, раздавался «нежный приятный звук». И это второй, после сравнения часов с музыкальным инструментом – органом, аргумент в пользу того, что клепсидра имела не только утилитарное назначение: подсказывать ночное время, когда простые смертные обычно спят. Тем более что разговор о ней у Афиней собеседники начинают после того, как из соседнего дома раздаётся голос гидравлоса, «сладостный и приятный», «околдовывающий», завораживающий всех присутствующих «дивной гармонией».

Система образования в Академии, как и у пифагорейцев, имела два уровня: низший для всех слушателей и высший – для избранных. Если на первом изучались дисциплины, требовавшие разнообразных учебных пособий и книг, высший предполагал чисто умозрительные лекции, беседы и упражнения в медитации. Они проходили в саду Академии, у святилища Муз, и вполне вероятно, что платоники унаследовали от пифагорейцев и ночные бдения, на которые призывали звуки клепсидры. Звучавшая через определённые промежутки времени музыка должна была казаться платоникам аналогом высшей музыки небесных сфер и настраивала душу на восприятие истинной философии, для чего требовалось приведение души в состояние «мусической одержимости». Философию, напомним вновь, Платон причислял к мусическим искусствам.

За двести лет до Платона его земляк, афинский мудрец и законодатель Солон, в элегии, обращенной к Музам, впервые сказал о предназначении философа, который:

...от Муз, что живут на Олимпе, дарами снабжённый,
С помощью их познаёт сладостной мудрости глубь.

(*Stob.*, 3, 9, 23, 50–51; *M. L. West, Solon*, 13, 50–51. Перевод Г. Ф. Церетели¹¹⁰).

В состоянии «мусической одержимости», удовлетворяя чувство удивления, которое «и теперь и прежде побуждает людей философствовать» (*Ar. Met.*, I, 2, 982b), создавались первые философские произведения. Не трактаты, но философские поэмы, написанные, как и героический эпос, возвышенным гексаметром. Поскольку это главный музыкально-поэтический размер находился под попечением Каллиопы, матери Орфея и Лина. Именно она, «превосходящая всех остальных» (*Hesiod. Theog.*, 79), становится Музой философфов.

К ней обращается Эмпедокл в поэме «Очищения»:

¹¹⁰ Цит. по: Эллинистические поэты. – М., 1999. С. 346–247.

Ежели ради людей краткодневных, бессмертная Муза,
Было угодно тебе снизойти до моих начинаний, —
Ныне я снова молю, о блаженных богах собираясь,
Слово благое изречь: осени мою мысль, Каллиопа!

*(Empedocl., fr. 131 G. Diels. Перевод Г. И. Якубаниса в переработке
М. Г. Гаспарова¹¹¹).*

Платон называет старшую из Муз Каллиопу и следующую за ней Уранию покровительницами мужей «...посвятивших свою жизнь философии и почитающих то, чем ведают эти Музы. Ведь среди Муз эти две больше всех причастны небу и учениям, божественным и человеческим, поэтому их голос всего прекраснее» (*Plat. Phaedr.*, 259d. Перевод А. Н. Егунова).

Римская мозаика из Баальбека III века от Р. Х. (Бейрут, Национальный музей, вестибюль зала искусства Римско-Византийского периода) изображает Каллиопу в окружении « хора » семи мудрецов (Биант, Килон, Клеобул, Периандр, Питтак, Солон, Фалес), к которым, нарушая каноническое число семь, художник-мозаичист, оставивший нам возле головы Каллиопы своё имя – Амфион, добавил портрет Сократа. Каллиопа выступает как арбитр в состязании (агоне) мудрецов, предлагающих на суд богини свои знаменитые изречения.

Индивидуальное соперничество философов, предлагавших наилучшие, по их мнениям, объяснения первоначал и первопричин, постепенно превратилось в соперничество крупных философских школ, где аргументы искали уже не только в наблюдениях и рассуждениях, но и в ссылках на авторитеты основателей этих школ. По крайней мере в трёх из них возникает и распространяется религиозное почитание личности основателей: Орфея, Пифагора, Платона. Именно эти школы были наиболее тесно связаны с культом Муз, поэтому, естественным образом, Мусеи, в которых приверженцы учений преподавали и устраивали свои состязания и симпозиумы, стали мемориалами отцов-основателей. Кроме того, поскольку в этих «идеалистических», как говорили марксисты, школах первоначала и первопричины были духовного порядка, религиозное благочестие, включая сюда и внешнюю, обрядовую составляющую религии, было обязательным элементом их деятельности.

Остаётся спорным вопрос, объединялись ли пифагорейцы и платоники в религиозные союзы – фиасы (для орфиков такая форма организации сомнению не подлежит), или же их объединения представляли собой простые товарищества (гетерии). Кроме того, продолжая проследивать цепь преемств, мы встретимся со школой перипатетиков, где религиозный энтузиазм и мистическое откровение вроде бы полностью уступают место рассудочному подходу к явлениям природы и к историческим процессам. В учении Аристотеля отсутствует такой важный, связующий первые три школы догмат как метемпсихоз. И Мусей в аристотелевском Ликее приобрел качественно новое значение, став, в первую очередь, местом обучения и научных исследований, каковые оттеснили на второй план жертвоприношения и агоны, а молитвенно-созерцательное уединение там не практиковалось вовсе. Но противоречия исчезнут, если мы вспомним, что конечная цель всех многосторонних исследований и экспериментов перипатетиков – Бог, Мировой Ум, Первопричина мира и его Перводвигатель. У орфиков, пифагорейцев и платоников между эмпирическими знаниями и познанием сверхчувственного мира существовал разрыв, преодолеваемый мистическим путём, доступным только узкому кругу посвящённых. В системе обучения, разработанной Аристотелем и его первыми преемниками, таковой разрыв исчезает. Аристотель, проповедуя слитное бытие материи и формы, делал и процесс познания постепенным, многолетним подъёмом от чувственно воспринимае-

¹¹¹ Указ. соч. С. 200.

мых предметов (минералы, растения, животные), к неподверженным временным изменениям небесным телам и далее – к чистой форме, к Богу.

В дальнейшем, как хорошо проследили историки философской мысли древности орфики, пифагорейцы, платоники и перипатетики, к которым в III веке до Р. Х. добавится оказавшая мощное воздействие на образ жизни интеллектуальных элит и правящих кругов эллинистических держав и римской Республики школа стоиков, начнут сближаться, преодолевая разногласия. Этот процесс мы проследим на примере Александрии, где зарождается и процветает эклектизм. В историко-философских трудах изложение философии эклектизма начинается с Потамона, философа времени правления Октавиана Августа, и его земляков-современников – Евдора Александрийского, Ария Дидима, Филона. До них лишь прослеживаются отдельные эклектические тенденции у стоиков и в Новой Академии.

Между тем, если понимать эклектизм в широком смысле, как особый тип мировоззрения, заключающийся в сознательном или бессознательном стремлении объединить разнообразные учения, философские и религиозные, а также мифологические и художественные образы, художественные стили, создать из разрозненных частей хотя бы некое подобие органического целого, необходимо идти по временной шкале назад, от времени Августа к первым Птолемям, когда в Александрии зарождается (и не прерывается до римского завоевания) своего рода эклектическая преемственность, носителями которой становятся александрийские интеллектуалы разных поколений.

Эклектизм становится господствующим в умах этой элиты мировоззрением уже в силу уникального положения Александрии, которая с одной стороны, была проводником экспансии эллинской культуры на Восток, с другой – своеобразным фильтром, просеивающим и тем самым адаптирующим для греков мощное влияние культур завоеванного Востока. Но с середины III века до Р. Х. эклектизм проявляется уже не в попытках найти связи между своей и египетской культурами, а в собирании и переосмыслении собственно эллинского культурного наследия. По большей части это наследие осваивалось в виде множества текстов, оседавших в хранилищах Библиотеки.

В это время прежняя состязательность различных философских систем, отражающая общий «агональный» дух античной культуры, когда обычным явлением было опровержение учениками выводов учителей, окончательно сменяется параллельным существованием стабильных философских школ. В Александрии ни одна из прежде возникших школ при этом не занимает господствующего положения в умах. Утверждения исследователей о том, что таковой для Александрии была философия перипатетиков (опирающиеся на факты бурного развития в III веке до Р. Х. естественнонаучных и технических достижений александрийцев) в настоящее время отвергаются.

Пребывание в Александрии представителей сразу всех философских школ и примерно в равных пропорциях (что, возможно, было следствием сознательного отбора приглашаемых Птолемями философов), должно было вызвать бурные дискуссии с участием зрителей, в лучших традициях греческих агонов, но, наряду с этим, мы видим и поиски путей сближения. Помимо общего культурно-исторического фона, на котором возникает школа эклектиков, причина такого сближения, несомненно, заключается и в наличии ещё одного философского направления, противостоящего всем школам сразу. Таковым был процветавший в Александрии скептицизм. Ведь в городе при Птолемах преподавал Энесидем Кносский, а в римскую эпоху в читальных залах Библиотеки создавал свои, начинающиеся со слова «против» (πρὸς) критические труды Секст Эмпирик. И философские диспуты, которые, конечно же, имели место в стенах Мусея или в помещениях царского гимназия, вместо выяснения отношений между собой, заставляли философов объединяться против скептиков. Преодоление скептицизма, затянувшееся на несколько столетий и замедлившее синтез философских школ, завершается лишь к середине III века от Р. Х. В Александрии римского времени сложившаяся при

Птолемеях особая культурная среда к тому же сильно усложняется и «разбавляется» за счёт включения туда христианства, гностицизма, митраизма, а традиционная египетская культура, к усвоению которой александрийские интеллектуалы долгое время тяготели, постепенно умирает. В конце концов, неоплатонизм переплавил и поглотил все философские школы, чтобы затем самому быть поглощённым христианством.

Нам осталось кратко очертить те перемены, которые произошли в сфере собственно художественной литературы, употребляя это прилагательное в современном его значении, так как древние авторы не видели различия между научной, философской и художественной литературой. Более того, во всех этих разновидностях сохранялся относительный паритет между поэзией и прозой. По-прежнему создавались философские поэмы, диалоги, гимны; в стихах рассказывалось о природе вещей, о минералах, о звёздном небе, о чудесах света, которые (все семь) были произведениями не природы и богов, а архитекторов и инженеров. Поэтому, любой создаваемый текст требовал мусического вдохновения и покровительства Муз. Виды и жанры художественной литературы были поделены между Музами вначале по принципу зависимости от музыкального ритма, под который они исполнялись, затем за каждым ритмом стало закрепляться определённое содержание. В театральных зрелищах синтезируются не только ритмы, но и мусические искусства объединяются с техническими (эллинистический и римский театр отличаются обилием сложных сценических механизмов). Трагедия и комедия, прежде связанные с ритуалами в честь Диониса, обретают самостоятельное бытие. Отдельным зрелищем становится пантомима. К древним жанрам добавляются мимиямб и написанный прозой роман. В результате этих сложных творческих процессов Музам добавляются всё новые функции. Каллиопе передали философские тексты. Полигимния, кроме гимнотворчества, стала покровительствовать сочинению хвалебных речей, а затем риторике вообще. Талии «вручили» буколическую поэзию. Пантомиму берут себе то Полигимния, то Эрато. Разумеется, религиозному сознанию перемены представлялись как свободный выбор богинями своих занятий (вернее – своего божественного досуга).

По примеру богинь совершали выбор и перемену занятий и сами писатели. Это мог быть переход не только от жанра к жанру, но и вообще от литературного творчества к литературной критике и к филологии. Кроме того, вспомним, что эллинистическая литература долго сохраняла отжившие свой век в живой разговорной речи различные диалекты греческого языка, которые должен был знать писатель, желающий творить в определённом жанре. Это стало стимулом к развитию языкознания, составлению словарей, объяснению древних слов и выражений. Писатель и учёный, таким образом, взаимно помогали друг другу, или же филология и творчество уживались в одной творческой личности. Также творчество эллинистических писателей требовало огромной эрудиции в мифологии, истории, географии, естествознании. И Александрийская Библиотека прекрасно вдохновляла на такое учёное сочинительство, поставляя материал в виде всевозможных мифологических, исторических, географических сведений. Обилие книг породило составление всевозможных каталогов, компиляций, выписок и т. д., чему станут посвящать себя служители Мусея.

Здесь мы отметим, что вокруг античных Мусеев изначально объединялись две большие группы служителей. Те, кто в состоянии мусической одержимости (*μανία*) творит и изрекает пророчества. И те, кто, напротив, достигнув умиротворения, успокоения страстей посредством приобщения к этой религии собирает, изучает, систематизирует результаты божественного (предметы природы) и человеческого (произведения искусства) творчества. Не случайно древние выводили слово Муза как от *μῦσα* – страстно желать (*Plat. Men., 406a*), так и от *μύω* – закрывать, умиротворять, успокаивать (*Diod. Sic, IV, 7*). К первой группе мы относим прорицателей, музыкантов, поэтов и философов, ко второй – литературных критиков, грамматиков, математиков, механиков, естествоиспытателей, астрономов, врачей.

Задолго до основания Александрии эти две группы, самоорганизующиеся или собираемые кем-либо (полисом, частным лицом, тираном, главой философской школы, царём) образовывали союзы единомышленников, не имеющие единого наименования, вместо которого авторы дают различные эпитеты, причём во всех случаях прослеживается значение – союз, собрание, сообщество. По отношению к частному Мусею (IG XII³, 330): το κοινον του ανδρείου των συγγενών, ανδρείος των συγγενών, просто κοινον или κοινείνον, συναγωγή. Пифагорейцев именуют συνθιασώται – совместно священнодействующие (*Phil. Quod omn. prob. I, 2*). Платоников: θίασος – священный союз (*Philod. Ind. acad., col. XXXVIII, 41*). Сообщество академиков, кроме того, называют σύνοδος – синод, собрание (*Athen., XII, 548a*), συμπόσιον – пиршественное собрание (*Op. cit., V, 191f*). Сообщество перипатетиков: οί κοινωνούντες, букв., – сообщники, сообща владеющие имуществом (*Diog. Laert, V, 2, 53*), οι συσχολάζοντες και συμφιλοσοφούντες – совместно обучающиеся и занимающиеся философией (*Ibid.*). К служителям Александрийского Мусея, применяются наименования: σύνοδος (*Strab., XVII, 794*), κύκλος – круг, содружество (*Philostr. Vitae soph., XXV, 3*). Несколько раз и для разных Мусеев употребляется наименование χορός – хор (*Plut. Quest, conviv., V, 678d; Syn. Epist. IV*), которым мы и будем пользоваться, так как этот термин, восходящий к древнейшим ритуальным празднествам и обрядам, хорошо отражает не только свободный принцип организации мусических союзов, и не только атональный характер взаимоотношений между их членами, но и постоянное наличие вышеуказанных групп, образующих как бы два полухория.

4

Как отмечалось в начале главы, большинство мусических сообществ эллинистического времени связывало своё служение с городскими Мусеями. Допуская, что облик древних священных долин мог оказать влияние на планировку царских садов Александрии, по крайней мере, той их части, которая непосредственно примыкала к птолемеевскому Мусею, для собственно его гипотетической реконструкции необходимо обратиться именно к этим городским храмам Муз, поскольку храмовая архитектура (любой религии) весьма консервативна и большая часть культовых зданий возводится согласно сложившемуся древнему архетипу. Мы можем видеть это даже на примерах православных храмов России, воздвигнутых после 1991 года, или современных мечетей мусульманского Востока, сохраняющих в подавляющем своём большинстве (за исключением немногих авангардистских экспериментов) традиционные формы. И это несмотря на резко бросающийся в глаза разрыв с тысячелетними традициями, который продемонстрировала за последнее столетие во всём мире светская архитектура. Эллинистическая же архитектура, отличающаяся от греческой классики колоссальными размерами и роскошью сооружений, преобладанием ионического и коринфского ордера, обилием барельефов и скульптуры, включением в постройки некоторых восточных элементов, тем не менее, никем из серьёзных исследователей не рассматривается как какой-нибудь революционный разрыв с классикой.

Именно поэтому нас не должно смущать и то обстоятельство, что некоторые из известных только по письменным свидетельствам городских Мусеев могли быть построены и освящены уже после завершения строительства в царском квартале Александрии, поскольку все они были элементами общей исторической эпохи, единого культурного пространства и единой религии.

Самыми ранними из городских Мусеев, вроде бы, должны являться пифагорейские Мусеи городов Великой Греции. Но о них сообщают авторы III–IV веков от Р. Х., и их свидетельства о жизни и религии пифагорейцев исследователи оценивают весьма критически. Кроме того, сведения слишком фрагментарны. У Порфирия Тирского говорится о том, что Пифагор погиб в Метапонте, пытаясь найти убежище в святилище Муз (*Porph. De vita Pyth., 4; 57*). Но

тут же, строчкой ниже (Op. cit, 57), даётся другая версия – о самоубийстве Пифагора после поджога его дома и гибели друзей.

Убежища обычно искали у алтаря, держась за него руками. Оторвать человека от алтаря считалось святотатством. Пифагор, по этой версии, провёл в храме сорок дней и умер от голода. Алтарь у греков располагался под открытым небом, и в данном случае, если первая версия соответствует действительности, речь могла идти о замкнутом дворе святилища. Как мы покажем далее, городской храм Муз представлял собой, скорее всего, именно замкнутое дворовое пространство, без наоса, главного элемента других типов античных храмов, отдельно стоящего здания, где пребывала статуя божества. Статуи Муз в данном случае могли располагаться непосредственно под открытым небом, полукругом за алтарём, представлявшим собой квадратное или прямоугольное мраморное сооружение для жертвоприношений (такую композицию мы имеем в геликонской долине). Либо же статуи были расставлены по всему периметру двора, в обрамлявших его портиках.

Нам сообщают ещё, что храм Муз (Μουσείον, ἱερόν Μουσῶν) был возведён по совету Пифагора жителями Кротона (*Iambl. De vita Pyth.*, IX, 45–50; XXXV, 261; XXXVI, 264). Но о его облике ничего не сказано.

Наконец говорится о том, что после кончины Пифагора в храм Муз был превращён переулок (στενωπός) перед его домом в Метапонте (*Diog. Laert.*, VIII, 1,15), или же в Кротоне (*Porph. De vita Pyth.*, 4; 57). Здесь нам рисуется узкое городское пространство (корень στενός – узкий), обрамляемое двумя портиками. Для превращения его в святилище было достаточно расставить статуи Муз в портиках, а жертвенник воздвигнуть во дворе дома. Таким образом, Музы становятся хранительницами мемориала посмертно обожествлённого философа и чудотворца.

Следующие по времени сведения, уже не подвергающиеся сомнениям, мы имеем о Мусее платоновской Академии (380–360 гг. до Р. Х.; об этом святилище мы поговорим в следующей главе). Затем – о Мусее на родине Аристотеля, во фракийской Стагире (другие варианты названия: Стагир, Стагиры), где ученик Аристотеля и будущий руководитель Ликея Феофраст (*Theophr. Hist. plant.*, IV, 16,3; *Plin. Nat. hist.*, XVI, 133) изучал в саду святилища Муз¹¹² белый тополь, упавший от бури, но не погибший, а вновь возродившийся. Этот случай имел место около 340 года до Р. Х. Священное дерево Муз представляло для Феофраста чисто научный интерес.

Археологические раскопки города выявили только фрагменты оборонительных стен, фундаменты жилых домов и очертания агоры, на которой находился небольшой каменный алтарь. Учитывая малые размеры Стагиры, можно предположить, что Мусей находился за городскими стенами, в древней священной роще, и был, одновременно, учебным заведением для детей стагиритов. В нынешней Стагире, уютном, застроенном аккуратными малоэтажными домиками городке, власти разбили свой сад с белыми тополями, посвящённый их великому земляку. В саду поставлена мраморная статуя Аристотеля. Рядом – имитации солнечных часов и других метеорологических и астрономических приборов, какими пользовались древние учёные.

Основание афинского Ликея датируется 335 или 334 годами до Р. Х. Следовательно, ликейское святилище Муз возникает синхронно с началом Восточного похода Александра

¹¹² В русском переводе труда Феофраста написано: «...серебристый тополь в школьном саду» (Феофраст Исследование о растениях. – М., 1951. С. 163). В оригинале говорится: ἐν τῷ Μουσείῳ. У Плиния Старшего, который, очевидно, цитирует Феофраста, написано: in museo. У авторов часто слово Мусей употреблялось в значении «учебное заведение», «школа» (как синоним к διδασκαλεῖον). Вероятно, поэтому М. Е. Сергеенко дала такой перевод. Стагирское святилище Муз, действительно могло быть учебным заведением, и не исключено, что Феофраст, проживший в родном городе Аристотеля несколько лет и владевший там имением, не только наблюдал за деревьями в саду, но и преподавал в стагирском Мусее. Подробнее см. в следующей главе.

Македонского. Об этом главном прафеномене Александрийского Мусея следует рассказать особенно подробно. Мы посвятим ему целых две главы, проследив разные этапы его формирования – при Аристотеле и при Феофрасте, особо выделив период, когда у власти в Афинах находился воспитанник Ликея Деметрий Фалерский.

К первому году Восточного похода относятся сведения о перестройке по повелению Александра святилища Зевса и Муз в Дионе (Дие), городе у подножья Олимпа, вблизи известных древних священных мест поклонения Музам – Пиерии (место рождения Муз) и Пимплеи (где почитались Музы и Орфей). Павсаний называет Дион местом возможным местом гибели Орфея. Растерзавшие его вакханки затем омыли окровавленные руки в протекавшей через город речке Бафир (*Paus.*, IX, 30, 3).

Храм существовал уже на рубеже V–IV столетий до Р. Х., поскольку в городе проходили учреждённые македонским царём Архелаем (413–399 гг. до Р. Х.) празднества во имя Зевса и Муз (*Diod. Sic.*, XVII, 16), где, как отметил Ф. Шахермайр: «...сочетание атлетических и художественных состязаний... должно было объединить... славу Олимпийских игр и афинских Великих Дионисий»¹¹³. Для греков Дион – самая северная граница эллинского мира, а для македонцев, – напротив, крайний юг их владений. Поэтому игры в Дионе стали первой ступенькой на многолетнем пути постепенного распространения за пределы Эллады греческой агональной культуры, в конечном итоге оторвавшейся от древних священных долин и храмовых участков и переместившейся в новые культурные центры на эллинизированном Востоке. Девятидневные (по числу Муз) состязания проходили осенью, уже после окончания Олимпийских игр, следовательно – допускали участие в них недавних победителей на Олимпиадах. Хотя новые игры сравнивались с Олимпийскими, спорт и мусические искусства здесь присутствовали уже в примерно равных долях. Соединив по своей царской воле спортивные и мусические агоны, Архелай положил начало тому причудливому смешению разных видов состязаний, которое позже станет отличительной чертой эллинистических зрелищ. Царь не требовал напрямую своего личного прославления, хотя созданная по его заказу Еврипидом трагедия «Архелай», посвященная потомку Геракла, мифическому прародителю македонского царского рода, возможно, исполнявшаяся в Дионе¹¹⁴, косвенно намекала на устроителя игр.

Согласно Диону Хрисостому в 338 г. до Р. Х. Филипп II Македонский и его наследник Александр отметили в Дионе жертвоприношениями Музам и агонами свою победу над свободными греческими полисами при Херонее (*Dio Chrys. Orat.*, II, 73R–74R). Затем Александр сделал святилище местом почитания своих двадцати пяти гетайров, павших в битве при Гранике (*Arr. Anab.*, I, 16, 4; *Plut. Alex.*, 16). Их медные статуи были заказаны Лисиппу и поставлены на мраморной террасе перед храмом. Древняя взаимосвязь мусического культа с культом героев, таким образом, нашла своё продолжение.

Обнаруженные в ходе раскопок 1970-х – 1980-х годов и музеефицированные стараниями профессора Димитриоса Пангермалиса¹¹⁵ фрагменты храма показывают нам его таким, каким он стал после разрушения Диона войсками Этолийского союза в начале Союзнической войны (220–217 гг. до Р. Х.) и восстановления города македонским царём Филиппом V. Святилище, находившееся в западной части города (за городскими стенами), между двумя театрами (эллинистическим и римским), представляло собой прямоугольник (ок. 100 метров в длину), обнесённый глухой стеной и разделённый центральной дорической колоннадой на две части (участки Муз и Зевса Олимпийского). На одной половине находился огромный мраморный алтарь, пригодный для гекатомб (принесения в жертву до ста быков за одну церемонию). Двадцать пять утраченных бронзовых статуй героев битвы при Гранике когда-то стояли на

¹¹³ Шахермайр Ф. Александр Македонский. – М., 1986. – С. 19.

¹¹⁴ Указ. соч. С. 20.

¹¹⁵ Παυτερμαλής Δ. Δίον. Η ανακάλυψη. – Αθήνα, 2001.

расположенной возле священного участка террасе, сложенной из мраморных плит, на которых вырезаны чередующиеся рельефные изображения круглых македонских щитов и панцирей гетайров. Защищённая теперь от зимних дождей и снегопадов надстроенной крышей, терраса остаётся единственным свидетелем существования здесь древнего мемориала.

Но о мусическом культе в Дионе или, по крайней мере, о мусических занятиях его жителей, напоминает ещё и экспонат местного Археологического музея. В скромном здании музея, в отдельном зале на втором этаже, хранится найденный в 1992 году, неподалеку от храма Зевса и Муз, древнейший в мире (I в. до Р. Х.) водяной орган (гидравлос), полностью соответствующий описаниям Герона и Витрувия.

Подобие мемориальной стены гетайров в Дионе можно предположить для семейного Мусея на о. Фера (Θήρα, совр. Санторини; варианты написания древнего названия, встречающиеся в русскоязычных исследованиях: Тера, Тира, Фира), основанного примерно в 220-е годы до Р. Х., когда остров находился под контролем Птолемея. Божественные почести, которые воздавались членам египетской династии (не только посмертные, но уже и прижизненные), могли стать примером подражания для местной аристократии.

Этот Мусей, главной функцией которого было поминовение обоженных посмертно представителей одной из самых богатых семей острова, спорно относить к городским Мусеям. Скорее всего, он находился на фамильных землях вдовы Эпиктеты, чье Завещание, уже несколько раз упомянутое нами (SIG II, 2448; IG XII³, 330)¹¹⁶ само по себе было фрагментом оформления стены. Четыре мраморные плиты, содержащие большой текст в 288 строк с подробным уставом мусического сообщества, порядком совершения собраний родственников, жертвоприношений и поминальных трапез, дают информацию о некоторых пространственных компонентах Мусея. Там говорится об отдельных священных участках Муз и героев – о героонах (это могли быть как жертвенники, так и курганные насыпи над могилами), о желании возвести перед Мусеем стоя (неизвестно, было ли оно выполнено), об изображениях Муз (рельефах, очевидно, аналогичных тем, что украшали вышеперечисленные нами римские саркофаги). Подразумевается наличие трапезной, где должно было собираться более тридцати поименно перечисленных родственников. Представляется либо замкнутое пространство, разделённое на священные участки, где с внешней стороны посетителей встречала парадная стоя; изнутри оно было опоясано рельефом с танцующими или восседающими на престолах Музами; в центре двора – здание трапезной, перед которым стояли жертвенники. Либо, в качестве трапезной мог использоваться грот, естественный, или выдолбленный в вулканических скалах острова. Тогда стоя располагалась перед гротом, за ней находился жертвенник Музам (рельеф мог обрамлять его боковые стенки), и отдельные жертвенники героям стояли рядом с их могилами. Основание для такой реконструкции – так называемый грот Христа, расположенный на окраине античной столицы острова, у стены византийского времени. До христианства грот был местом почитания героев, но там вопреки Завещанию Эпиктеты, вместо четырёх героонов, обнаружено только два.

В любом из двух вариантов перед входом на территорию святилища, как и в Дионе, находилась подобная же каменная стена. Только вместо рельефов с военной арматурой её оформляли мраморные плиты с текстом Завещания¹¹⁷. Над ними, как можно судить по сохранившимся пьедесталам с именами, стояли статуи тех, кого почитали в Мусее – Эпиктеты, её мужа и двоих её сыновей.

¹¹⁶ Перевод на русский язык см.: Поршнева В. П. Мусей в культурном наследии античности. – М., 2012. С. 182–189.

¹¹⁷ Ныне эти плиты хранятся в портике двора старейшего публичного музея Европы – музея Франческо Шипионе Маффеи (Museo Lapidario Maffeiiano; Museum Veronense) в Вероне (Италия). Текст Завещания был опубликован уже в первом каталоге музея, вышедшем в 1749 году (Museum Veronense. – Verona, MDCCXLIX. P. XIV–XXIX).

Стоя как часть архитектурного оформления Мусеев упоминается довольно часто; собственно, это самая распространённая в архитектуре античных городов форма, присутствующая по большей части не в сакральном, а в светском пространстве. Может быть, обыденность такого рода сооружений, их постоянное присутствие перед глазами, повторяемость их облика в разных регионах – объясняют тот факт, что Павсаний, очень подробно описывающий долину Муз, пропускает в своём описании эллинистическую стоя, воздвигнутую там за полтысячи лет до времени жизни писателя. Поскольку стоя является единственной из всех нам известных прямо связанной с архитектурой античных Мусеев, мы возьмём её в качестве аналога других подобных же монументальных построек в других местах. Тем более что её возведение датируется серединой III века до Р. Х., то есть, почти синхронно (с разницей в два-три десятилетия) со строительством Мусея и Библиотеки в Александрии. Как раз в этот период Птолемеи щедро финансировали агоны и празднества в долине Муз. Не исключено, что строительство в долине (кроме стои, в это же время, выше по склону, строится каменный театр) велось на египетские деньги, может быть даже зодчими, приглашёнными из Александрии.

Почти стометровой длины стоя была оформлена тридцатью шестью колоннами ионического ордера с внешней стороны¹¹⁸. Антаблемент завершался пальметтами и аканфами (фрагменты и капители хранятся в Археологическом музее в Фивах: inv. 1984, 1785, 1794, 1798, 1803, 1804, 1805, 1846). Ионический ордер, как показывают находки 1970-х – 2000-х годов, преобладал в постройках птолемеявской Александрии.

Колоннада в долине Муз первоначально замыкалась глухими стенами, за которыми располагался ряд комнат. Позднее часть стен была разобрана и заменена внутренней колоннадой коринфского ордера, что открыло сквозной проход в долину от жертвенника Музам. Комнаты, скорее всего, предназначались для хранения вотивных даров. Особо крупные помещения замыкали колоннаду с торцов.

Укрывшись от солнца за колоннами, поставленными на большом возвышении, зрители могли смотреть на церемонию жертвоприношений: жертвенник в виде прямоугольной каменной платформы располагался фронтально перед стоей, а статуи Муз на закруглённом основании были развёрнуты к ней ликами. Это были знаменитые геликонские Музы скульптора Кефисодота Старшего (первая половина IV столетия до Р. Х.) (*Paus.*, IX, 30, 1). Их судьба в геликонской долине прослеживается вплоть до царствования Константина Великого, который распорядился забрать статуи в Константинополь. Там они заняли почётное место на императорском форуме перед входом в здание Сената. Во время уличных беспорядков 404 года от Р. Х., связанных с низложением патриарха Иоанна Златоуста, толпа подожгла Сенат, и геликонские Музы погибли при пожаре (*Zosim.*, V, 24). Нам остались мраморные пьедесталы с посвятельными двусторонними поэтами Онеста или Хонеста (IG VII, 1797–1805)¹¹⁹.

Для городской среды Александрии подобную вольную асимметричную композицию построек Мусея представить сложно, но для Мусеев Академии и Ликия, которые располагались на больших территориях в пригородах Афин, за городскими стенами, среди садов, наоборот, допустимо предположить свободно поставленные архитектурные компоненты, статуи и жертвенник, как на Геликоне.

Последний Мусей, чьё основание поддаётся хотя бы приблизительной датировке, – городской Мусей в Антиохии-на-Оронте. О нём известно из «Хронографии» Иоанна Малалы (VI век от Р. Х.). Мусей и библиотека (το τῶν Μουσῶν ἱερόν καὶ βιβλιοθήκη) сооружались на частные пожертвования некоего Марона, антиохийца, долго жившего в Афинах (скорее всего, купца, который, проживая в таком знаменитом своими философскими школами городе, вполне

¹¹⁸ Описание и реконструкцию см.: Roux G. Le val des Muses et les Musées chez les auteurs anciens // BCH An. 78 (1). – Paris, 1954. – P. 22–48. P. Bonnard: reconstruction. – Fig. 2–3. Carte. – P. 23.

¹¹⁹ Первая публикация и подробный анализ: Jamot P. Le Monument des Muses dans le bois de l'Hélicon et le poète Honestus // BCH An. 26, I. – Paris, 1902. – P. 129–160.

мог посещать Ликей и Академию ради самообразования, следовательно – их Мусеи стали для Антиохии таким же образцом, как и за сто восемьдесят лет до этого для Александрийского Мусея). Душеприказчиком Марон просил быть царя Антиоха Филопатора (*Malal*, X, O304, 21-22E; *L. Dindorf*: p. 235–236; XIII, O4, 24B; *L. Dindorf*: p. 319). Поскольку такой титул носили два царя династии Селевкидов – Антиох IX и Антиох X, правившие последовательно между 114 и 92 гг. до Р. Х., Мусей строился именно в этом восемнадцатилетии.

Мусей находился в квартале Эпифания, на агоре, рядом со зданием булевтерия (городского суда) и храмом Гермеса (*Ibid.*). Вместо природного священного источника Муз в нём было такое помпезное сооружение как нимфей (не просто фонтан, но, обычно, целый каскад, украшенный колоннами и статуями), посвящённый титану Океану: Μουσείον και το Νυμφαίων αὐτοῦ το λεγόμενον Ὁκεανόν; Μουσείον και το εν αὐτοῦ Νυμφαίων (*Malal.*, XI, O370, 11C; *L. Dindorf*: p. 282; XII, O400, 8B; *L. Dindorf*: p. 302). В данном случае его украшала мозаика, изображающая титана (*Ibid.*). История святилища (горевшего и несколько раз перестраивавшегося) заканчивается в царствование Константина Великого, когда здание Мусея было перестроено под преторий. Отметим и этот факт, наряду с важными для наших изысканий указаниями на то, что городской Мусей и библиотека были единым целым, и на наличие водного каскада.

Преторий обычно представлял собой именно замкнутую дворовую территорию, обнесённую портиками или аркадами. Зародившаяся в архитектуре римских военных лагерей, где преторий, уже находившийся внутри ограждённого валами или стенами пространства, был самостоятельной крепостью (например – *Castra Viriciana*, современный Вайсенбург в Германии), эта форма сохранялась в архитектуре провинциальных городов Империи, когда преторий обретает много дополнительных, «необоронных» функций: резиденции градоначальника, городского суда и городской тюрьмы. Таким был, скажем, преторий в Иерусалиме, где совершался суд над Христом. Вне зависимости от того, располагался ли он к северо-западу от Храма, где ныне двор медресе эль-Омарийя (его реконструкции на состояние начала нашей эры показывают выложенное плитами прямоугольное пространство, окружённое аркадами в два яруса), или же в другом месте, вспомним, что в Евангелиях говорится: «...воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию» (*Мк.*, 15, 16; *Мф.*, 27, 27).

В черноморском Херсонесе двор римского претория замкнут с трёх сторон и окружён колонными портиками. В испанском Тарраконе (совр. Таррагона), несмотря на множество средневековых перестроек, в претории, вплотную примыкающем к цирку, ещё можно угадать очертания узкого внутреннего двора, над которым возвышается крепостная башня.

Почти квадратный (500×450 метров) двор претория в Ламбезисе (Нумидия) опоясывают мощные аркады, а к внешним стенам, в дополнение, примыкают портики ионического ордера. Внутренние фасады двора претория в Кельне (*Colonia Claudia Ara Agrippinensium*) прорезают только крупные арочные окна, но главный вход подчёркивает тройная аркада и восьмигранная башенка. В Антиохии, до перестройки здания, подобный же двор мог быть озеленён, затем деревья, очевидно, вырубил (языческие священные роци уже не вызвали чувства благоговения у чиновников быстро обращавшейся в христианство Империи), по углам могли быть надстроены башни, но вряд ли сам двор создавался путём полного сноса старых построек.

Мы ничего не знаем относительно облика и времени основания прочих городских Мусеев. Можно судить лишь об их примерном расположении и об окружающих Мусеи храмах и памятниках. Основной источник здесь – «Описание Эллады» Павсания, созданное в конце II века от Р. Х. Но Павсаний пишет о святынях городов, большинство из которых существовали к тому времени уже до тысячи лет; следовательно, и храмы этих городов могли быть построены задолго до посещения их любознательным географом. Самый молодой из них – аркадский Мегалополь, заложенный в 371 году до Р. Х. Там, в южной части города, находился общий храм Музам, Гермесу и Аполлону, соседствующий с самым большим в Элладе театром, где бил из-под земли неиссякаемый источник. Во времена Павсания храм был уже в развалинах,

что свидетельствует о его солидном возрасте. От него остались статуя одной из Муз и статуя Аполлона¹²⁰ (*Paus.*, VIII, 32, 1–2).

В Теспиях (Феспиях), опекавших долину Муз, был ещё и собственный городской Мусей, небольших размеров (*ναός οὐ μέγας*). А в нём небольшие же мраморные статуи Муз. Это единственное указание на размеры, но и остальные Мусеи вряд ли превосходили храмы главным олимпийским богам. Теспийский Мусей находился возле агоры, рядом с театром и медной статуей Гесиода (*Paus.*, IX, 27, 1–6).

В Трезене (Коринфская область) основание Мусея приписывалось легендарному Ардалу, сыну Гефеста, изобретателю флейты. Следовательно, тут мы имеем, кроме свидетельства о культе героя, прямо связанного с мусическими искусствами, намёк на солидный возраст храма. Этот Мусей также был возле агоры; перед храмом стоял общий жертвенник Музам и богу сна Гипносу (*Paus.*, II, 31, 4).

В Спарте храм Муз был построен на акрополе, «налево от храма Афины...» (*Paus.* III, 17, 5). Дальше у Павсания интересное замечание: воинственные спартанцы «...воздвигли храм Муз в знак того, что они, лакедемоняне, выступали в сражение не под звуки труб, а под музыку флейт и под игру лиры и кифары» (*Ibid.*). Не только для нас, но уже и для Павсания мусические занятия были вполне мирными, но в Спарте героический культ по-прежнему заключался в почитании воинов и царей. Поэтому и Музы обрели тут некую «воинственность».

¹²⁰ Полный перечень см.: *Paus.* X, 9, 3–10, 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.